

5

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2013. № 30 (4)
РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

А. А. ЧЕРКАСОВ (г. Сочи, Россия)
гл. редактор – д-р ист. наук

Е. Ф. КРИНКО (г. Ростов-на-Дону, Россия)
зам. гл. редактора – д-р ист. наук

А. М. МАМАДАЛИЕВ (г. Сочи, Россия)
канд. пед. наук

О. В. НАТОЛОЧНАЯ (г. Сочи, Россия)
отв. секретарь – канд. ист. наук

В. Г. ИВАНЦОВ (г. Сочи, Россия)
канд. ист. наук

Журнал включен в базу Scopus, Directory of Open Access Journals, Российского индекса научного цитирования.

ИФ РИНЦ 2011 – 1,567

Журнал зарегистрирован в федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации **ПИ №ФС77-47157** от 03.11.2011

Учредитель

СОЧИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Адрес для писем:

354003, г. Сочи, ул. Макаренко, 8а, каб. 219.
Тел.: 8(8622)298-27-37.
E-mail: Bylyegody@su-tr.ru
Сайт журнала: www.bg.sutr.ru
Англоязыч. сайт журнала: www.en.bg.sutr.ru

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Редакционный совет:

Е. П. БАЖАНОВ (г. Москва, Россия)

Й. БЕКМАН (г. Хельсинки, Финляндия)

В. А. ИСУПОВ (г. Новосибирск, Россия)

И. И. КОЛЕСНИК (г. Киев, Украина)

Р. МАРВИК (г. Ньюкасл, Австралия)

В. И. МЕНЬКОВСКИЙ (г. Минск, Белоруссия)

А. Ю. РОЖКОВ (г. Краснодар, Россия)

Г. М. РОМАНОВА (г. Сочи, Россия)

Е. С. СЕНЯВСКАЯ (г. Москва, Россия)

М. ШМИГЕЛЬ (г. Банска Быстрица, Словакия)

С. В. ЯНУШ (г. Ставрополь, Россия)

Подписано в печать 01.12.2013 г.
Формат 21 × 29,7/4.

Уч.-изд.л. 8. Усл. печ. л. 6,3.
Тираж 500 экз. Заказ № 34.

Редактор, корректор
Н.Ш. Сайфутдинова
Редактор-переводчик А. В. Рожкова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:

Император Николай I, глава Российского императорского Дома Романовых
Великая княгиня Мария Владимировна, Император Николай II.

В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография «Николай II и цесаревич Алексей на смотре войск. 1916 г.»

BYLYE GODY (FORETIME). 2013. № 30 (4)
RUSSIAN HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

A. A. CHERKASOV (SOCHI, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)
Deputy Editor in Chief – Dr. (History)

A. M. MAMADALIEV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (Pedagogy)

O. V. NATOLOCHNAYA (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

This magazine is listed in Scopus, Directory of Open
Access Journals, Russian Index of Scientific
Quotations Copyright reserved.
Impact factor of Russian Science Citation 2011 – 1,567

This magazine is registered in the Federal
Supervision Agency for Information Technologies
and Communications. Magazine Certificate of
Registration ПИ №ФС77-47157 03 November
2011.

Editorial Board:

E. P. BAZHANOV (MOSCOW, RUSSIA)

J. BÄCKMAN (HELSINKI, FINLAND)

V. A. ISUPOV (NOVOSIBIRSK, RUSSIA)

I. I. KOLESNIK (KIEV, UKRAINE)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

V. I. MENJKOVSKY (MINSK, BELARUS)

G. M. ROMANOVA (SOCHI, RUSSIA)

A. U. ROZHKOVA (KRASNODAR, RUSSIA)

E. S. SENYAVSKAYA (MOSCOW, RUSSIA)

M. ŠMIGEL (BANSKÁ BYSTRICA, SLOVAKIA)

S. V. YANYSH (STAVROPOL, RUSSIA)

Founder
SOCHI STATE UNIVERSITY

Postal Address:

354003, Sochi city, Makarenko st., 8a, cab. 219.

Tel.: 8(8622)298-27-37.
E-mail: Bylyegody@sutr.ru
Website: www.bg.sutr.ru
English version of the magazine site:
www.en.bg.sutr.ru
Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Approved for printing 1.12.2013
Format 21 × 29, 7/4.
Ych. Izd. l. 8. Ysl. pech. l. 6, 3.
Circulation 500 copies. Order № 34.

Editor, Proofreader
N. SH. SIFUTDINOVA
Editor-translator A. V. ROZHKOVA

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right: Emperor Nicholas I, Head of the Russian Imperial House
of Romanov Grand Duchess Maria Vladimirovna, Emperor Nicholas II.
At the bottom of the cover page: Chernomorskaya Guberniya (Black Sea Province) emblem
and a photograph "Emperor Nicholas II and cesarevich Alexey inspecting the troops. 1916"

C O N T E N T S

FROM THE HEAD OF THE RUSSIAN IMPERIAL HOUSE	4
---	---

RELEVANT TOPIC

Rehabilitating Nicholas II Nefedov S.A.	5
---	---

ARTICLES AND STATEMENTS

Monarchy – Form or Principle? Zakatov A.N.	20
--	----

The Problem of the Social Background of Government Officials within the Policies of the Romanovs (18 th Century - First Half of the 19 th Century) Degtyarev S.I.	27
--	----

Reorganising the Local Government at the End of the 18 th and the Beginning of the 19 th Centuries: Comparative Analysis of the Policies of Paul I and Alexander I Tot Ju.V.	36
---	----

Emperor Nicholas II and Tomsk University Fominykh S.F., Sorokin A.N., Nekrylov S.A.	45
---	----

The Romanovs and the Russian Army: the Participation of Nicholas II and Members of the Emperor’s family in the Large-scale Manoeuvres of 1902 Korovin V.V.	53
---	----

Unequal Marriages within the Russian Imperial Home and the 1911 Meeting of the Grand Dukes Dumin S.V.	62
--	----

School and Children during the Celebrations of the 300 th Anniversary of the Romanov Dynasty Magmusov T.A.	79
--	----

Youth and Patriotic Sentiments during the Reign of Emperor Nicholas II Molchanova V.S., Cherkasov A.A., Michal Š.	88
---	----

LETTERS TO THE EDITOR

«The Palladium of Russia»? Monarchism as a Discourse of Russian Modernity Bugrov K.D.	94
---	----

Conservative Protective Program of Development of the Russian Society during the Reign of Alexander II (1860-1880s) Krot M.N.	103
--	-----

REVIEWS AND SURVEYS	111
---------------------------	-----

Russian Historical Journal “Bylye Gody” publications for 2013	112
---	-----

FROM THE HEAD OF THE RUSSIAN IMPERIAL HOUSE

От Главы Российского Императорского Дома

Сердечно приветствую читателей специального номера российского исторического журнала «Былые годы», посвященного 400-летию преодоления Смуты и восстановления российской государственности, юбилею Дома Романовых.

В этом сборнике публикуются научные труды победителей недавно завершившегося Международного конкурса на лучшую научную работу среди студентов, аспирантов и преподавателей «Россия и Романовы», представляющих историков России и Украины. Эти работы охватывают период от восшествия Романовых на престол до наших дней.

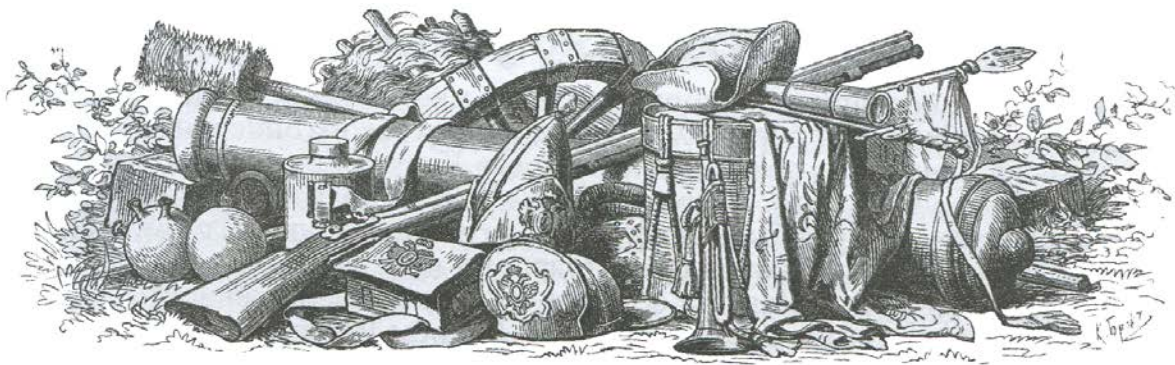
Как я не раз говорила, судьба Дома Романовых неотделима от истории России, ее побед и поражений, радостей и скорбей, достижений и ошибок. За те три века, в течение которых мои предки служили Отечеству на российском престоле, благодаря трудам всего нашего народа сформировалась уникальная и во многом универсальная форма государственного и общественного устройства, которая по праву может быть названа великой всероссийской цивилизацией. Чтобы достойно продолжить дело предков, сохранить и приумножить их великое наследие, очень важно помнить свою историю, имена и дела строителей нашей великой России. Уверена, что этот номер журнала откроет многие яркие страницы отечественной истории и будет интересен не только профессиональным историкам, но широкому кругу читателей.

От всей души желаю издателям, авторам и читателям журнала «Былые годы» помощи Божьей, творческих успехов и новых научных открытий.

Е.И.В. ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА

**Москва, 22 октября / 4 ноября 2013 года,
праздник Казанской иконы Божьей Матери**

RELEVANT TOPIC

UDC 93/94

Rehabilitating Nicholas II

Sergei A. Nefedov

Ural Federal University, Russian Federation
Dr. (History), Professor
E-mail: hist1@ya.ru

Abstract. The article is dedicated to analysing the causes of the February Revolution of 1917. It considers two different interpretations of the revolutionary events. One presents the revolution as a result of a conspiracy by the opposition and a result of the incompetence of the government of Nicholas II, which was not able to properly react to the situation at hand. The other interpretation proposes to evaluate the revolution in terms of Neo-Malthusianism, according to which the crisis was caused by long-term economic processes that did not depend on the will of the people.

Keywords: Nicholas II; Russian Revolution; Revolution of 1917; February Revolution; Revolution of 1905; the level of consumption; demographic growth; Neo-Malthusianism; peasant land scarcity; anthropometric data; peasant revolts.

Введение. В последние годы в российской историографии возобновились споры о том, была ли революция 1917 года обусловлена причинами, не зависящими от воли людей, или же это был результат заговоров оппозиции и некомпетентности правительства Николая II. В новой интерпретации российской истории революция представляется как результат развернутой либералами «PR-компании» и организованного А.И. Гучковым заговора. Утверждается, что, вопреки общераспространенному мнению, уровень потребления в России был достаточным и притом имел тенденцию к росту, таким образом, объективных предпосылок для революции не существовало и произошедшее было «трагической случайностью» [1].

По существу, авторы этой концепции повторяют старые тезисы зарубежной русистики о том, что февральская революция произошла вследствие ошибок властей, их неумения управлять страной [2]. Эти тезисы восходят к известной статье В.А. Маклакова, который изобразил Николая II в виде сумасшедшего шофера на горной дороге: «Оттого ли, что он ослеп и не видит, что он ослаб и не соображает, из профессионального самолюбия или упрямства, но он цепко ухватился за руль и никого не пускает» [3].

Мы постараемся далее показать, каковы конкретные ошибки авторов этой интерпретации, и представить альтернативную точку зрения, в соответствии с которой судьба Российской империи определялась не заговорами и некомпетентностью, а фундаментальными экономическими законами.

Материалы и методы. Помимо опубликованных материалов, источниками для написания данной статьи стали документы из фондов Российского государственного исторического архива. Работа построена на использовании неомальтузианской методологии, предполагающей изучение зависимости экономических процессов от динамики численности населения.

Обсуждение. Когда говорят об основных экономических законах, то обычно имеют в виду законы, описывающие динамику населения, потребления, цен и ренты. В то время как судьбы отдельных людей сложны и непредсказуемы, движение основных экономических параметров выражается простыми закономерностями, открытыми некогда Мальтусом и Рикардо. Как известно, главный постулат Мальтуса заключался в том, что «количество населения неизбежно ограничено средствами существования». В условиях ограниченности ресурсов плодородных земель рост населения приводит к нехватке продовольствия, к росту цен и ренты, к падению потребления до минимально возможного уровня. Вслед за фазой экономического роста наступает фаза, которую экономисты называют Сжатием. В фазе Сжатия экономические процессы становятся неустойчивыми. Крестьяне не имеют стабилизирующих запасов зерна, поэтому любой неурожай приводит к голоду. В условиях низкого потребления постепенно накапливается массовое народное недовольство, которое может роковым образом проявить себя в случае войны или каких-либо политических осложнений [4]. Рано или поздно случайные во времени, но сами по себе неизбежные воздействия, такие, как неурожай и войны, выводят систему из неустойчивого равновесия. Начинается экосоциальный кризис: голод, восстания, войны, эпидемии приводят к демографической катастрофе. Революция и диктатура, по мысли Мальтуса, являются естественными следствиями кризиса: «До сих пор сущность и действие закона народонаселения не были поняты, – писал Мальтус. – Когда политическое недовольство присоединяется к воплям, вызванным голодом, когда революция производится народом из-за нужды и недостатка пропитания, то следует ожидать постоянных кровопролитий и насилий, которые могут быть остановлены лишь безусловным деспотизмом» [5]. В конечном счете катастрофа приводит к сокращению численности населения, крестьянское малоземелье уходит в прошлое, потребление возрастает и вновь начинается рост населения. Исторический процесс развивается в циклическом ритме, эти циклы принято называть «демографическими» или «вековыми» [6].

Идеи Мальтуса были восприняты крупнейшими экономистами «классической школы» (Ж.Б. Сэй, Дж. Милль и др.). Давид Рикардо включил эти положения в разработанную им теорию заработной платы, вследствие чего вся теория получила название мальтузианско-рикардианской [7]. В 1930-х годах Вильгельмом Абелем и Майклом Постановом было доказано существование мальтузианских циклов в реальной истории [8]. В дальнейшем большую роль в разработке неомальтузианской теории играла французская школа «Анналов», в частности, работы Ж. Мевре, П. Губера, Ж. Дюби, Э. Лабрусса, Ф. Броделя, Э. Ле Руа Ладюри, П. Шоню [9]. Было доказано, что на протяжении XII–XIX веков в Европе имели место три вековых цикла. Каждый цикл заканчивался катастрофическим кризисом, сопровождавшимся крушением могущественных государств и гибелью монархов. Второй цикл ознаменовался английской революцией и казнью Карла I, третий цикл – французской революцией и гибелью Людовика XVI. «Демографические приливы и отливы есть символ жизни минувших времен..., – писал Фернан Бродель. – В сравнении с этими фундаментальными реальностями все (или почти все) может показаться второстепенным...» [10].

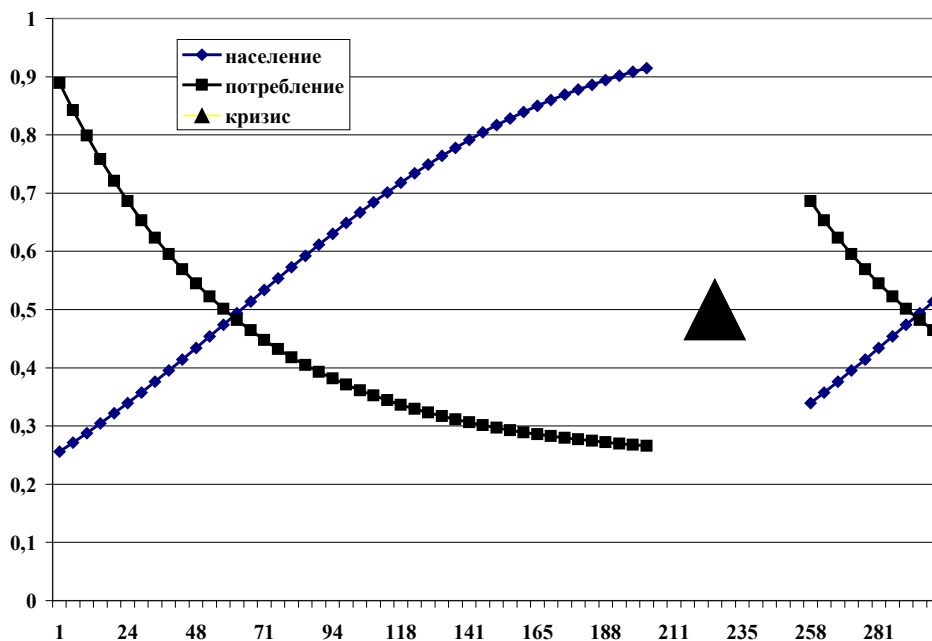

Рис. 1. Схематическое изображение демографического цикла: «мальтузианские ножницы» – население растет, потребление падает

Это краткое введение в неомальтузианскую теорию, конечно, не претендует на полноту, но оно позволяет понять, что судьба императорской России была предопределена и лишь немногим отличалась от судьбы других аграрных империй.

Демографический цикл Романовых начался с периода восстановления после Великой Смуты – тяжелого экосоциального кризиса, завершившего предыдущий цикл Рюриковичей. Демографическая катастрофа привела к гибели примерно половины населения, города лежали в развалинах, повсюду виднелись пепелища деревень. «Вотчины монастырские все до основания разорены, – писали монахи Иосифо-Волоколамского монастыря, – и крестьянишка с женами и детьми посечены, а достальные в полон повыведены... все пусто, стоит лес да небо» [11].

Но вместе с тем изобилие земли и пашен обусловило высокий уровень жизни тех, кому удалось выжить. Много повидавший Юрий Крижанич писал, что на Руси «крестьянам... живется намного лучше, нежели во многих местах Греческой, Испанской и других подобных земель, в которых кое-где мясо, а кое-где рыба слишком дороги, а дрова продаются на вес... Ни в одном королевстве простые черные люди не живут так хорошо и нигде не имеют таких прав, как здесь» [12]. В XVII веке простой чернорабочий на дневной заработок мог купить 10–12 кг хлеба или 4 кг мяса, хотя, разумеется, и в то время случались войны и неурожаи, когда потребление уменьшалось [13].

На протяжении XVIII века динамика потребления определялась действием противоположных факторов: с одной стороны, увеличение населения в центральных районах вело к нехватке пашен, с другой – происходил частичный отток населения на Черноземье, и хлеб с колонизируемых земель поступал в Центральный регион. Как это обычно бывает в условиях Сжатия и малоземелья, крестьяне центральных областей стали подрабатывать ремеслом, чтобы на вырученные деньги покупать черноземный хлеб. Правда, для XVIII века у нас нет непосредственных данных о потреблении: они появляются только в XIX веке. Статистические данные показывают, что в середине XIX века душевое потребление в России упало до голодной черты и затем балансировало вокруг нее в зависимости от хороших или плохих урожаев, постоянно грозя сорваться в кризис (рис. 2).

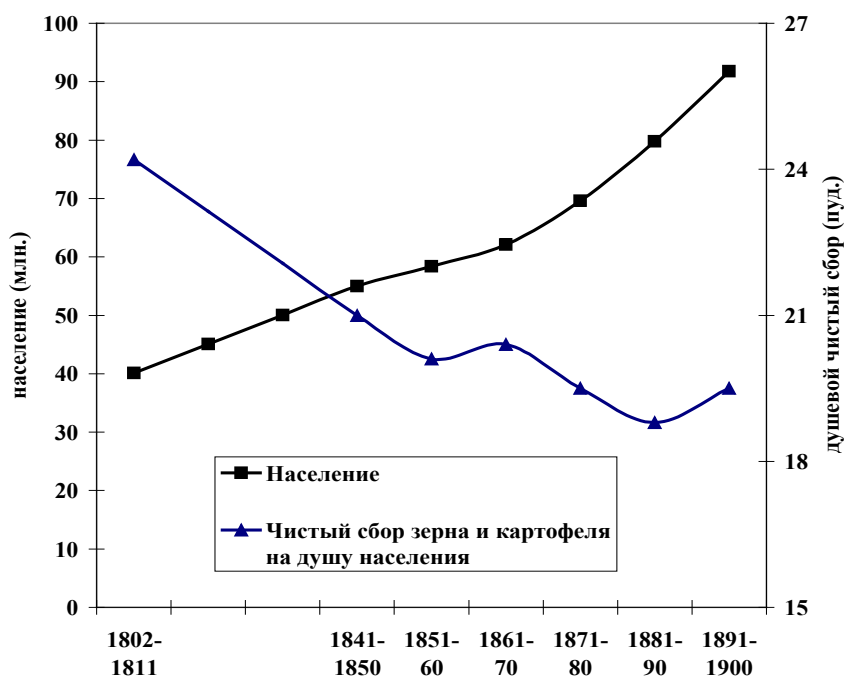

Рис. 2. «Мальтузианские ножницы» в России. Численность населения и уровень потребления (душевой чистый сбор за вычетом экспорта) в Европейской России [14]

Авторы новой интерпретации, о которой говорилось выше, конечно, знакомы с официальными статистическими данными, свидетельствующими о падении потребления. Но они отказывают этим данным в доверии: их основным аргументом является то обстоятельство, что в неурожайные годы вывоз зерна из некоторых губерний превосходил урожай в этих губерниях [15]. Однако недавно найденные в архивах документы говорят о том, что в неурожайные годы вывозился по большей части урожай прошлого, урожайного года [16], таким образом, мы не имеем оснований сомневаться в данных официальной статистики.

Другим аргументом упомянутых авторов являются антропометрические данные, которые, согласно подсчетам Б.Н. Миронова, говорят об увеличении роста призывников в 1874–1913 годах. Принято считать, что увеличение роста является свидетельством повышения уровня жизни. Однако, как показал архивный поиск, в этих подсчетах была допущена ошибка: Б.Н. Миронов считал методику фиксации роста в призывных документах неизменной, в то время как она изменялась, и эти изменения порождали иллюзию увеличения роста [17].

Таким образом, построения Б.Н. Миронова и М.А. Давыдова не выдерживают «очной ставки» с архивными материалами. Но вернемся к описанию экономической эволюции России: как она представляется в официальных статистических материалах и свидетельствах современников.

В 1850-х годах потребление снизилось настолько, что уровень жизни времен Екатерины II воспринимался орловскими крестьянами как «золотой век». «Старики со слезами вспоминают золотой век, когда предки их жили без нужды и без горя, – писал священник из села Ольшаницы. – Денег было мало, и они были почти не нужны. Продавая за 3 алтына меру пшеницы за 300 или 400 верст, они клали алтыны в горшки. Из алтынов составлялись у них сотни рублей. Кто имел 100 рублей, считался богачем беспримерным. “Не наживи, – говаривали, – 100 рублей, а имей 100 друзей”. Пчеловодство, множество хлеба и скота позволяли варить для себя мед, пиво, водку и делали стариков роскошными без всякого ущерба для их состояния. “Поглядел бы, – говорили они, – на тогдашние праздники. То-то ли бы было! Бывало, выставляют на стол меду кисейного, пресного, перегонного, пива, а вина-то – хоть залейся!”» [18].

Во второй половине XIX столетия уже никто не вспоминал о «золотом веке». Современники не ссылались на Мальтуса и на экономические теории, но все они говорили об увеличении населения, о дроблении земельных наделов и нарастающем крестьянском

малоземелье. Впрочем, в отличие от центральных губерний, на окраинах крестьяне не бедствовали: если в Тамбовской губернии средний крестьянский надел составлял 7 дес., то в Пермской губернии – 15,8 дес., а в Оренбургской губернии – 28,8 дес. [19]. Однако социально-экономическое развитие страны определяли густонаселенные центрально-черноземные губернии, где регулярно повторялись голодные годы. В 1889 году началась четырехлетняя засуха, кульминацией которой стал Великий голод 1891–1892 годов. Историки по-разному оценивают число жертв голода, по новым подсчетам излишняя смертность за четыре года составила более одного миллиона человек [20].

Угрожающие тенденции экономического развития проявлялись с предельной ясностью, и предсказания грядущего кризиса можно найти в работах многих известных экономистов. «Россия стремится по наклонной плоскости к ужасному экономическому кризису», – писал в 1910 году Г.Ф. Нефедов [21]. «...Малоземелье развивалось... органически вследствие естественного прироста..., – отмечал в 1914 году Н.П. Огановский. – Малоземелье росло, ширилось, росло оскудение, накапливалось всеобщее недовольство, и когда правительство спохватилось..., – было уже поздно...» [22]. Тезис об аграрном перенаселении был общим местом в работах ведущих экономистов дореволюционного периода. Б.Н. Миронов отмечает, что «на рубеже XIX–XX вв. мальтузианский тезис получил поддержку большинства авторитетных исследователей того времени: И.И. Игнатович [23], А. А. Кауфмана [24], П.И. Лященко [25], Н.М. Покровского [26], Н.Н. Рожкова [27], А. Финн-Енотаевского [28] и других..., что отразила энциклопедия Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [29]» [30].

Мог ли Николай II уйти от судьбы Людовика XVI? Знал ли царь о масштабах нависшей над империей угрозы? Царь знал: среди его министров были мудрые государственные деятели, которые хорошо понимали суть событий.

Одним из первых, кто увидел надвигающуюся опасность еще до того, как она стала предметом обсуждения экономистов, был министр финансов Н.Х. Бунге. В 1880 г. он писал в докладной записке Александру II: «Когда население возросло, отведенная земля оказалась недостаточной для прокормления крестьян и для доставки им средств в уплате налогов и выкупных платежей. Когда же к этому присоединились неурожай..., тогда положение крестьян в целых уездах и даже губерниях стало бедственным...» [31].

Другой министр финансов, С.Ю. Витте, говорил на совещании в присутствии Николая II: «Если сравнить потребление у нас и в Европе, то средний размер его на душу населения составляет четвертую или пятую часть того, что в других странах считается необходимым для обычного существования» [32].

Сменивший Витте на посту министра В.Н. Коковцов говорил то же самое: «Оскудение центра России стало несомненным фактом, и, постепенно распространяясь, оно захватывает все больший и больший район» [33].

В конце 90-х годов проблема «оскудения Центра» была признана официально, она стала объектом рассмотрения специально созданных совещаний: «Особого совещания» под председательством А.И. Звегинцева, «Комиссии 1901 года», «Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности» [34]. «Комиссия 1901 года» проделала огромную работу по сбору и обработке статистических сведений, результатом которой стал известный статистический сборник, служащий ценным источником для характеристики социально-экономического развития России [35]. Выводы комиссии сводились к тому, что главной причиной «оскудения» является аграрное перенаселение. Подсчитав общее число рабочих, необходимых для промышленности, ремесла и сельского хозяйства, комиссия нашла, что для 50 губерний Европейской России количество излишних рабочих составляло 23 млн, а процент излишних рабочих к наличному числу их составлял 52 %. Особенно высоким этот процент был в Центрально-Черноземном районе, где он составлял от 64 до 67 % [36].

«...Из материалов этого сельскохозяйственного совещания всякий исследователь увидит, что в умах всех деятелей провинции того времени, т.е. 1903–1904 гг., бродила мысль о необходимости для предотвращения бедствий революции сделать некоторые реформы..., – писал С.Ю. Витте. – Все революции происходят от того, что правительства вовремя не удовлетворяют назревшие народные потребности» [37]. В препроводительной записке к журналам Совещания Витте сообщал царю, что сложившийся порядок держится только на долготерпении крестьянства и оно слишком долго подвергается перенапряжению [38].

В 1905 году крестьянские восстания охватили всю Центральную Россию. Чтобы погасить восстания, С.Ю. Витте предлагал на основе выкупа передать крестьянам половину

помещичьей земли. Но П.А. Столыпин доказывал, что это бесполезно, что темпы роста населения в России превышают темпы роста в других государствах и настолько велики, что если даже отдать крестьянам всю землю, то и тогда едва ли можно было бы удовлетворить земельный голод [39].

Тем не менее П.А. Столыпин полностью сознавал нависшую угрозу. Отвечая в Думе на речи марксистов о бедственном положении деревни, он говорил: «Я охотно соглашусь... с нарисованной ими картиной оскудения земледельческой России. Встревоженное этим правительство уже начало принимать ряд мер для поднятия земледельческого класса...» [40].

Николай II не решился последовать совету С.Ю. Витте, но проводимые реформы должны были помочь народу. Император глубоко переживал за народ, в одном из указов он писал, что во время поездки по России видел «печальную картину народной немощи, семейной нищеты и заброшенности хозяйств» [41]. Николай II был всегда готов продемонстрировать свою близость к народу. Особенно показательны в этом контексте торжества по поводу канонизации св. Серафима в Сарове, когда царя встречала 150-тысячная толпа крестьян, выражавшая ему любовь и преданность. Как отмечают исследователи, после Сарова Николай II стал часто употреблять выражение «царь и народ», подчеркивая свое единение с народными массами [42].

Николай II и П.А. Столыпин делали ставку на модернизацию российского сельского хозяйства: пример Западной Европы показывал, что имелась возможность к существенному увеличению урожайности с помощью использования новой агротехники. Реформа Столыпина представляла собой попытку уйти от судьбы – той судьбы, которую предсказывал Мальтус. Промышленная революция увеличила «средства существования», которые ограничивают численность населения: промышленные страны стали в огромных количествах импортировать продовольствие в обмен на продукты питания. Другим важным фактором стало улучшение агротехники, и в частности широкое применение минеральных удобрений. Когда в 1960-х годах мальтузианский кризис охватил многие страны Третьего мира, минеральные удобрения и «зеленая революция» помогли этим странам избежать катастрофы, и проводимые тогда реформы были во многом близки реформам Столыпина.

Но для введения новой агротехники требовалось время, «двадцать лет покоя». По расчетам Л.С. Дякина требовалось даже не 20, а 50 лет [43] (как это было в Германии). Более того, когда в советское время началось введение клеверных посевов, на которые так надеялся Столыпин, то оказалось, что в засушливом климате черноземной полосы они не дают существенного роста урожайности [44]. Что касается минеральных удобрений, то в те времена они были дороги и применялись лишь в нескольких странах с развитой химической промышленностью и относительно небольшими посевными площадями. Решающим условием повышения продуктивности хозяйства до европейского уровня было резкое увеличение капиталовложений. Между тем в 1913 году капиталовложения в расчете на 1 десятину пашни в России были в 3,6 раза меньше, чем в Германии [45]. Естественно, что это отставание было невозможно преодолеть за десять или двадцать лет. «Практически, столыпинская реформа не могла решить поставленных задач, потому что было уже поздно», – подчеркивает В.П. Данилов (выделено В.П. Даниловым – С. Н.) [46].

Хотя после 1907 года крестьянские восстания затихли, внутреннее брожение продолжалось. Уровень волнений в 1907–1913 годах оставался намного более высоким, чем до революции. Причем он не зависел от «PR-компаний», проводимых оппозицией. О.Г. Буховец приводит статистические данные об эффективности агитации в Белоруссии в 1907–1914 годах. В соответствии с этими данными, крестьянские выступления имели место в 14 из 131 селения, в которых проводилась агитация, и в 924 селениях, в которых агитация не проводилась. Таким образом, крестьянские выступления практически не зависели от интенсивности партийной пропаганды [47]. «Складно говорившие» агитаторы рассматривались крестьянами как чужаки, даже если они говорили об увеличении крестьянских наделов!», – отмечает О.Г. Буховец [48].

Между тем приближалось начало Первой мировой войны. «Среди историков существует мнение, – отмечает Э. Хобсбаум, – о том, что Россия... могла бы продолжать поступательное и эволюционное движение в сторону процветающего либерального общества, если бы это движение не было прервано революцией, которой, в свою очередь, можно было бы избежать, если бы не Первая мировая война. Ни одна из возможных перспектив развития не удивила бы современников больше, чем эта. Если и существовало

государство, в котором революция считалась не только желательной, но и неизбежной, так это империя царей» [49].

В рамках неомальтузианской концепции война, наряду с большими неурожаями, рассматривается как одна из «неизбежных случайностей», которые рано или поздно провоцируют давно назревающий экосоциальный кризис. До появления ядерного оружия войны между великими державами были неотъемлемой частью исторического процесса. Специфика российской ситуации заключалась не в том, что большая война началась в неподходящий момент, а в том, что она почему-то запаздывала. Временные промежутки между большими войнами с участием России в XVI – первой половине XIX века в среднем составляли лишь 16 лет, а между окончанием Крымской и началом Первой мировой войны прошло 58 лет. Русское правительство сознавало неготовность страны и армии к большой войне и часто шло на значительные дипломатические уступки. Эта осторожная политика позволяла балансировать у голодной черты и отдалять кризис. Но даже малая война где-то на Дальнем Востоке спровоцировала революцию 1905 года. А между тем большая война неотвратимо приближалась: как указывает Э. Хобсбаум, в 1910-х годах неизбежность войны воспринималась уже как неоспоримый факт [50].

Вступление в большую войну должно было вызвать новый кризис. В марте 1914 года член Государственного Совета П.Н. Дурново представил Николаю II записку, в которой в деталях предсказал ход будущей революции. Если война окажется для России победоносной, то все будет хорошо, писал Дурново. «Но в случае неудачи социальная революция, в самых крайних ее проявлениях, у нас неизбежна. Все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, которые смогут поднять и сгруппировать широкие слои населения, сначала черный передел, а затем и всеобщий раздел всех ценностей и имущества. Победенная армия, лишившаяся к тому же за время войны наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишённые действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдерживать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается предвидению» [51].

Любопытно, что примерно то же развитие событий предсказывали германский посол в России Фридрих фон Пурталес и эксперты германского Генштаба [52].

В условиях недостатка средств правительство было вынуждено покрывать военные расходы печатанием бумажных денег. Это вызвало резкий рост цен, прежде всего на хлеб. Не доверяя бумажному рублю, производители отказывались поставлять зерно на рынок, в городах стала ощущаться нехватка хлеба и начались голодные бунты.

30 октября 1916 года директор Департамента полиции А.Т. Васильев представил Николаю II доклад, суммирующий донесения из губерний. В докладе говорилось, что во всех без исключения донесениях главной причиной «озлобления масс» называется «чудовищно растущая дороговизна». Указывалось, что в Москве и Петрограде «оппозиционность настроений» намного превосходит уровень 1905 года, и что если обстоятельства не изменятся, то в обоих городах «могут вспыхнуть крупные беспорядки чисто стихийного характера» [53].

«Революция носилась в воздухе, – писал английский посол Д. Бьюкенен, – и единственный спорный вопрос заключался в том, придет она сверху или снизу... Народное восстание, вызванное всеобщим недостатком хлеба, могло вспыхнуть ежеминутно» [54]. В.С. Измозик, проанализировав массовый материал перлюстрации полицией частных писем, делает вывод, что «господствующим в политически активных слоях общества было действительно ожидание близкого краха» [55]. Председатель Думы М.В. Родзянко писал 26 декабря: «Мы накануне таких событий, которых... еще не переживала святая Русь, и нас ведут в такие дебри, из которых нет возврата» [56].

Видел ли Николай II нарастающую угрозу? Царь все видел и понимал. «Наряду с военными делами меня все более волнует вечный вопрос о продовольствии, – писал Николай II императрице 20 сентября 1916 года. – Сегодня Алексеев дал мне письмо, полученное им от милейшего кн. Оболенского, председателя комитета по продовольствию. Он открыто признается, что они ничем не могут облегчить положения... (выделено царем

– С.Н.), цены все растут, и народ начинает голодать. Ясно, к чему может привести страну такое положение дел» [57].

Думская оппозиция воспользовалась тяжелой ситуацией, чтобы потребовать от царя создания «министерства доверия». Но императрица призывала Николая II проявить твердость. «Кто против нас? – говорила она. – Группа аристократов, играющих в бридж, сплетничающих и ничего в государственных делах не понимающих. Русский народ любит государя, любит меня, любит нашу семью, он не хочет никаких перемен» [58].

Со времен поездки в Саров Николай и Александра были уверены в любви простого народа, и они отвечали ему любовью, которая теперь может показаться наивной. Императрица работала простой сестрой в госпитале и перевязывала раненых, которые часто не знали, что сказать, и только плакали от умиления. Николай II всю войну провел в поездках по фронтовым частям, обнимал воинов-храбрецов, поизносил трогательные речи и раздавал награды. Его приветствовали с восторгом, и бывали случаи, когда целые полки бежали за его автомобилем, клянясь государю в верности [59]. «Одно из его убеждений, оставшихся с ним до конца, – отмечала Э. Каррер д'Анкросс, – состояло в том, что самодержец должен представлять истинную Россию, то есть Россию крестьянина, к которой он питает настоящую симпатию и которая, как он уверен, платит ему за это чувством верности...» [60].

Пытаясь предотвратить надвигающуюся катастрофу, Николай II использовал последний шанс: в тайне от союзников он попытался начать переговоры о мире. 11 февраля 1917 года Австрия и Германия получили личное обращение императора, который указывал на то, что «требование массами мира растет с каждым днем» и «за невнимание к этому требованию правительства могут дорого заплатить» [61]. Австрийский министр иностранных дел О. Чернин расценивал это обращение «как последнюю попытку спастись» [62].

Но германский Генштаб отверг условия Николая II, не без основания надеясь на давно ожидавшуюся русскую революцию [63]. Все возможные средства спасти страну были использованы, и никто не знал, что еще можно предпринять. Один из думских лидеров, В.В. Шульгин, передает в своих мемуарах настроения тех дней: «У меня было смутное ощущение, что грозное – близко. А эти попытки отбить это огромное были жалки... Бессилие людей, людей, меня окружавших, и свое собственное бессилие в первый раз заглянуло мне в глаза, и был этот взгляд презрителен и страшен» [64].

Это бессилие проявилось, в частности, в безуспешных заговорщических попытках оппозиции. Пытаясь упредить народное восстание, группа заговорщиков во главе с А.И. Гучковым работала над подготовкой военного переворота, и С.В. Куликов пытался доказать, что этот замысел был в какой-то мере реализован [65]. Однако оказалось, что и в этом случае выводы сторонников «новой интерпретации» были основаны на неверном прочтении источника [66]. В действительности вербовка офицеров оказалась нелегким делом: «Гучков не нашел среди офицеров людей, соглашавшихся идти на цареубийство», – свидетельствует жандармский генерал А.И. Спиридович [67]. Впоследствии сам Гучков признавал, что революция стала результатом не «какого-то умного и хитрого заговора», а «стихийных исторических сил» [68].

«Стихийные исторические силы» – это были неумолимые экономические законы, которые в новом контексте становились законами истории. Мальтузианское проклятие продолжало действовать: крестьяне по-прежнему страдали от малоземелья и мечтали поделить земли помещиков. Во время войны они получили оружие, Петроградский гарнизон насчитывал 200 тысяч солдат, большинство из них были мобилизованными крестьянами. 1 марта их должны были отправить на фронт, но они не хотели воевать за власть, которая не дает им землю. Во время голодного бунта в октябре 1916 года один из полков Петроградского гарнизона присоединился к бунтующим рабочим, но это первое восстание удалось подавить. Однако восстания солдат-крестьян продолжались: осенью вспыхнули бунты на тыловых распределительных пунктах в Гомеле и Кременчуге, а в декабре волнения охватили части трех корпусов Северного фронта [69].

Крестьянская армия выходила из подчинения командования, и любой толчок извне мог привести к бунту. Французский посол Морис Палеолог докладывал своему правительству, что Россия находится накануне революции, что в октябре посланные на расправу с рабочими полки уже поворачивали свое оружие против полиции и в случае восстания царское правительство не сможет рассчитывать на армию [70].

Все случилось так, как предсказывал Палеолог: после того, как 26 февраля солдатам приказали стрелять в требующих хлеба петербургских рабочих, они отказались повиноваться своим командирам. Современные историки согласны во мнении, что солдатский бунт сыграл решающую роль в революции [71]. Впечатление от яростного бунта огромной массы солдат было таково, что уцелевшие офицеры в ужасе разбежались и попрятались. «Развитие бунта говорит о том, что ничего нельзя было сделать, чтобы его остановить», – констатирует Р. Пайпс [72].

Председатель Думы Родзянко рассказывал неделю спустя, что восставшие солдаты были на самом деле, «конечно, не солдаты, а просто взятые от сохи мужики, которые все свои мужицкие требования нашли полезным теперь же заявить. Только и слышно было в толпе – “земли и воли!”...» [73]. 28 февраля у солдат появились первые, наспех изготовленные плакаты, и на них было написано: «Земля и воля!» [74]. 1–2 марта по всему городу проходили митинги, и главное требование солдат выражалось все тем же лозунгом: «Земля и воля!» [75]. Когда две недели спустя происходил первый парад революционного Петроградского гарнизона, Палеолог внимательно читал лозунги, которые несли солдаты на своих знаменах – почти на всех знаменах были надписи: «Земля и воля!», «Земля народу!» [76].

Таким образом, это был не солдатский бунт, а крестьянское восстание. «Бунт бывших крестьян, вооруженных на свою голову самодержавием, во многом определил ход и самый дух последующей советской истории», – указывает В.П. Булдаков [77]. В конечном счете, заключает П. Гатрелл, мировая война лишь дала возможность укоренившемуся классовому конфликту проявить себя и трансформироваться в революцию [78].

В начале революции эсеры и меньшевики пренебрежительно называли вспыхнувшее движение «желудочно-стихийным», не подозревая, насколько близко это определение неомальтузианской трактовке революции [79]. Действительно, основным лозунгом рабочих было: «Хлеба!». Но лозунг «Земля и воля!», под которым восстали солдаты, в конечном счете тоже означал «Хлеба!»: ведь земля для крестьянина означала хлеб. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с классическим экосоциальным кризисом, когда, по словам Мальтуса, «революция производится народом из-за нужды и недостатка пропитания».

Заключение. Неумолимые законы мальтузианского цикла действовали помимо воли правителей, министров и политических лидеров, сметая со своего пути тех, кто пытался сопротивляться. Ощувившие это на себе участники событий не понимали тех историков, которые много лет спустя пытались доказать, что революция была случайностью. «Теперь жалкие человеческие существа пытаются мерить своими ничтожными мерками огромную волну, которую могла поднять лишь Божья воля, могучий вихрь судьбы, – писал А.Ф. Керенский. – С самодовольством специалистов они селятся доказать, что все было бы по-другому, если бы то-то и то-то сделать так, а не иначе...» [80].

Судьба Николая II была predetermined глобальными факторами исторического процесса так же, как судьба Людовика XVI и Карла I, и избежать судьбы было невозможно. В этом фатальном развитии событий не было ни правых, ни виноватых, и, чтобы ни говорили пассажиры автомобиля, управляемого «сумасшедшим шофером», никто из них не мог справиться с управлением – дальнейшие события продемонстрировали это с предельной ясностью.

«Великие исторические события часто бывают следствием вековых перемен в численности населения..., – писал в 1919 году Джон Мэйнард Кейнс, – благодаря своему постепенному характеру эти причины ускользают от внимания современных наблюдателей... Таким образом, необычайные происшествия последних двух лет в России, колоссальное потрясение общества, которое опрокинуло все, что казалось наиболее прочным..., является... гораздо более следствием роста населения, нежели деятельности Ленина или заблуждений Николая...» [81].

Примечания:

1. Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М.: Новый хронограф, 2010. С. 666, 692; Куликов С.В. «Революции неизменно идут сверху...». Падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // Нестор. 2007. Вып. 11. С. 117-185; Давыдов М.А. Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб.: Алетейя, 2010. 832 с.

2. Катков Г.М. Февральская революция. М.: Русский путь, 1997. 431 с.

3. Русские Ведомости. № 221. Сентябрь 1915 года.
4. Grigg D. Population Growth and Agrarian Change. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1980. P. 284; Нефедов С.А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург: УГГУ, 2007. С. 17-18; Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. 1. М.: Территория будущего, 2010. С. 17-18.
5. Мальтус Т. Опыт закона о народонаселении. М., 1908. С. 93.
6. Turchin P., Nefedov S. A. Secular cycles. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2009. 349 p.
7. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения // Рикардо Д. Сочинения. Т. I. М. Госполитиздат, 1955. 339 с.
8. Abel W. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert. Hamburg [etc.] : Parey, 1935. 175 p.; Postan M. Revision in Economic History: the fifteenth century //The Economic History Review. 1939. Vol. 9. № 2. P. 160-167.
9. Goubert P. Beauvais et le Beauvaisis de 1600 a 1730. Contribution a l'histoire sociale de la France du XVII siecle. Paris : S.E.V.P.E.N., 1960. 653p.; Duby, G. Rural economy and country life in the medieval West. London: Edward Arnold, 1968. 600 p.; Meuvret J. Etudes d'histoire economique. Paris : A. Colin, 1971. 344 p.; Chaunu P. La civilisation de l'Europe classique. Paris: Arthaud, 1970. 706 p.; Braudel F. Civilisation materielle, economie et capitalisme, XVe-XVIIIe siecle. 3 vols. A. Colin, 1979.; Le Roy Ladurie E. Les paysans de Languedoc. Vol.1. Paris : S.E.V.P.E.N., 1966. 745 p. .
10. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII веках. Т. 1. Структуры повседневности. М.: Прогресс, 1986. С. 42-44.
11. Цит. по: История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. М.: Наука, 1990. С. 351.
12. Крижанич Ю. Политика. М.: Новый Свет, 1997. С. 261, 286.
13. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. 2. М.: Территория будущего, 2011. С. 26.
14. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. 2. М.: Территория будущего, 2011. С. 236, 333.
15. Давыдов М.А. Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб.: Алетейя, 2010. С. 69-71.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 990. Оп. 1. Д. 55, прилож. 6 (нумерованные листы).
17. РГИА. Ф. 1292. Оп. 4. Д. 656. Л. 90б; Д. 746. Л. 60б-7; Д. 839. Л. 90б-10; Д. 928. Л. 80б-10.
18. Цит. по: Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIXв. М.: Изд. Моск. ун-та, 1967. С. 343.
19. Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб.: ЦСК МВД, 1907. С. 102, 103, 105, 125.
20. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. 2. С. 404.
21. Нефедов Г.Ф. Аграрный вопрос и закон народонаселения. Моршанск: Моршан. о-во сел. хоз-ва, 1906. С. 24.
22. Огановский Н. Закономерность аграрной эволюции. Вып. 1, Т. 3. Б. м.: Б. и., 1914. С. 19-20.
23. Игнатович И.И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л.: Мысль, 1925. С. 129-130.
24. Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России: Земельные отношения и земельная политика. М.: И.Д. Сытин, 1908. С. 69-80.
25. Лященко П.И. Очерки истории аграрной эволюции России. СПб.: Мин-во финансов, 1908. С. 416.
26. Покровский М.Н. Крестьянская реформа // История России в XIX веке. Т. 3. М.: Изд-во А. и И. Гранат. 1907. С.68-179.
27. Рожков Н.А. Город и деревня в русской истории. СПб.: И.Н. Скороходов, 1902. С. 68-95.
28. Финн-Енотаевский А. Современное хозяйство России (1890–1910 гг.). СПб.: М.И. Семенов, 1911. С. 470-472, 518-522.
29. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 32. СПб.: Брокгауз-Ефрон., 1895. С. 723-724.
30. Миронов Б.Н. Наблюдался ли в поздней имперской России мальтузианский кризис:

- доходы и повинности российского крестьянства в 1801–1914 гг. // История и Математика. О причинах Русской революции. М.: Комкнига, 2009. С. 61.
31. Бунге Н.Х. Записка Н.Х. Бунге Александру II «О финансовом положении России» // Исторический архив. 1960. № 2. С. 133-134.
32. Ерофеев Н.Д. Уровень жизни населения России в конце XIX – начале XX в. // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История 2003. № 1. С. 55.
33. Коковцов В.Н. Всеподданнейший доклад В.Н. Коковцова 19 ноября 1904 г. // Русские финансы и европейская биржа в 1904–1906 гг. М.-Л.: Московский рабочий, 1926. С. 138.
34. Симонова М.С. Проблема «оскудения» Центра и ее роль в формировании аграрной политики самодержавия в 90-х годах XIX – начала XX в. // Проблемы социально-экономической истории России. М.: Наука, 1971. С. 236-237.
35. Материалы Высочайше утвержденной 16 ноября 1901 года Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднестепных губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. В 3 вып. СПб.: ЦСК МВД, 1903.
36. Материалы Высочайше утвержденной 16 ноября 1901 года Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднестепных губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. В 3 вып. СПб.: ЦСК МВД, 1903. Вып. 3. С. 234.
37. Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. М.: Изд. соц.-экон. лит., 1960. С. 538.
38. История России. XX – начало XXI века // Ред. Л.В. Милов. М.: Изд. МГУ, 2008. С. 92.
39. Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 47, 49, 53.
40. Там же. С. 208.
41. Джунковский Д.Ф. Воспоминания. Т. 2. М.: Изд. им. Сабашниковых, 1997. С. 282-283.
42. Уортман Р. Николай II и образ самодержавия // История СССР. 1991. № 2. С. 121-123.
43. Власть и реформы. От самодержавной к советской России // Отв. ред. Б.В. Ананьич. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 591.
44. Вавилов Н.И. Проблема урожайности в СССР под углом зрения растениевода-селекционера // Пути сельского хозяйства. 1928. № 7. С. 74-79.
45. Фигуровская Н.К. Н.Д. Кондратьев и российская экономика чрезвычайного времени // Н.К. Фигуровская, В.В. Симонов // Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991. С. 34, 36.
46. Данилов В.П. О характере аграрной эволюции России после 1861 года // Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч. 1. Вологда: Б.и. 1992. С. 60.
47. Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М.: Мосгорархив, 1996. С. 315.
48. Буховец О.Г. Ментальность и социальное поведение крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 192.
49. Хобсбаум Э. Век Империи. 1875–1914. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. С. 423.
50. Хобсбаум Э. Век Империи. 1875–1914. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. С. 437.
51. Дурново П.Н. Записка // Красная новь. 1922. № 6. С. 195-197.
52. Такман Б. Августовские пушки. М.: Прогресс, 1972. С. 127.
53. Буржуазия накануне февральской революции // Сост. Б.Б. Граве. М.-Л.: Госуд. изд., 1927. С. 136-138.
54. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата: Воспоминания, мемуары. М.: АСТ, 2001. С. 213, 217-220.
55. Измозик В.С. К вопросу о политических настроениях российского общества в канун 1917 г. (по материалам перлюстрации) // Россия и Первая мировая война // Отв. ред. Н.Н. Смирнов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 168.
56. Цит. по: Измозик В.С. К вопросу о политических настроениях российского общества в канун 1917 г. (по материалам перлюстрации) // Россия и Первая мировая война // Отв. ред. Н.Н. Смирнов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 168.
57. Платонов О.А. Николай Второй в секретной переписке. М.: Родник, 2005. С. 605.

58. Цит. по: Платонов О.А. Николай Второй в секретной переписке. М.: Родник, 2005. С. 401.
59. Платонов О.А. Николай Второй в секретной переписке. М.: Родник, 2005. С. 217.
60. Каррер д'Анкросс Э. Николай II: расстрелянная преемственность. М.: Олма-пресс, 2006. С. 75.
61. Соколов Б.В. К вопросу о возможности русско-германского сепаратного мира в феврале 1917 г. // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению // Отв. ред. П.В. Волобуев. М.: Ин-т российской истории РАН, 1997. С. 42; Игнатъев А.В. Внешняя политика Временного правительства. М.: Наука, 1974. С. 57.
62. Цит. по: Лебедев В.В. Проблема выхода из войны и кризис самодержавия // 1917 год в судьбах России и мира... С. 53.
63. Соколов Б.В. Указ. соч. С. 42.
64. Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М.: Новости, 1990. С. 420.
65. Куликов С.В. Указ. соч.
66. Нефедов С.А. К дискуссии об уровне потребления в пореформенной и предреволюционной России // Российская история. 2011. № 1. С. 73-86.
67. Спиридович А.И. Великая война и февральская революция. Минск: Харвест, 2004. С. 477.
68. Речь военного и морского министра председателя Центрального военно-промышленного комитета А.И. Гучкова // Отчет о торжественном заседании Центрального военно-промышленного комитета 8 марта 1917 г. в Александровском зале Петроградской городской думы. Пг., 1917. С. 17-18.
69. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. 2... С. 545, 557, 562.
70. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.: Терра, 1996. С. 196.
71. См.: Руднева С.Е. 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. Междунар. науч. конф. // Отечественная история. 1998. № 1. С. 206.
72. Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1. М.: РОССПЭН, 1993. С. 312.
73. Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы: Сб. // Сост. В. Третьякова. М.: Советский писатель, 1990. С. 242.
74. Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. С. 181.
75. Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М.: Наука, 1971. С. 305.
76. Палеолог М. Указ. соч. С. 243.
77. Булдаков В.П. Истоки и последствия солдатского бунта: к вопросу о психологии «человека с ружьем» // 1917 год в судьбах России и мира... С. 208.
78. Gatrell P. The Tsarist Economy. 1850-1917. New York : St. Martin's Press, 1986. P. 231.
79. Лейберов И.П. Революция и хлеб // И.П. Лейберов, С.Д. Рудаченко. М.: Мысль, 1990. С. 87.
80. Керенский А.Ф. Русская революция. М.: Центрполиграф, 2005. С. 73.
81. Кейнс Дж. Экономические последствия Версальского договора. М.-Л.: ГИЗ, 1924. С. 104.

References:

1. Mironov B.N. Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoi Rossii: XVIII – nachalo KhKh veka. М.: Novyi khronograf, 2010. S. 666, 692; Kulikov S.V. «Revolyutsii neizmenno idut sverkhu...». Padenie tsarizma skvoz' prizmu elitistskoi paradigmy // Nestor. 2007. Vyp. 11. S. 117-185; Davydov M.A. Vserossiiskii rynek v kontse XIX – nachale XXKh vv. i zheleznodorozhnaya statistika. SPb.: Aleteiya, 2010. 832 s.
2. Katkov G.M. Fevral'skaya revolyutsiya. М.: Russkii put', 1997. 431 s.
3. Russkie Vedomosti. № 221. Sen–tyabr' 1915 goda.
4. Grigg D. Population Growth and Agrarian Change. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1980. P. 284; Nefedov S.A. Kontsepsiya demograficheskikh tsiklov. Ekaterinburg: UGGU, 2007. S. 17-18; Nefedov S.A. Istoriya Rossii. Faktorni analiz. T. 1. М.: Territoriya budushchego, 2010. S. 17-18.
5. Mal'tus T. Opyt zakona o narodonaselenii. М., 1908. S. 93.

6. Turchin P., Nefedov S. A. *Secular cycles*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2009. 349 p.
7. Rikardo D. Nachala politicheskoi ekonomii i nalogovogo oblozheniya // Rikkardo D. Sochineniya. T. I. M. Gospolitizdat, 1955. 339 s.
8. Abel W. *Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert*. Hamburg [etc.] : Parey, 1935. 175 r.; Postan M. *Revision in Economic History: the fifteenth century* // *The Economic History Review*. 1939. Vol. 9. № 2. P. 160-167.
9. Goubert P. *Beauvais et le Beauvaisis de 1600 a 1730. Contribution a l'histoire sociale de la France du XVII siecle*. Paris : S.E.V.P.E.N., 1960. 653p.; DUBY, G. *Rural economy and country life in the medieval West*. London: Edward Arnold, 1968. 600 p.; Meuvret J. *Etudes d'histoire economique*. Paris : A. Colin, 1971. 344 p.; Chaunu P. *La civilisation de l'Europe classique*. Paris: Arthaud, 1970. 706 p.; Braudel F. *Civilisation materielle, economie et capitalisme, XVe-XVIIIe siecle*. 3 vols. A. Colin, 1979.; Le Roy Ladurie E. *Les paysans de Languedoc*. Vol.1. Paris : S.E.V.P.E.N., 1966. 745 p. .
10. Brodel' F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm v XV–XVIII vekakh*. T. 1. *Struktury povsednevnosti*. M.: Progress, 1986. S. 42-44.
11. Tsit. po: *Istoriya krest'yanstva SSSR s dre vneishikh vremen do Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii*. T. 2. M.: Nauka, 1990. S. 351.
12. Krizhanich Yu. *Politika*. M.: Novyi Svet, 1997. S. 261, 286.
13. Nefedov S.A. *Istoriya Rossii. Faktornyi analiz*. T. 2. M.: *Territoriya budushchego*, 2011. S. 26.
14. Nefedov S.A. *Istoriya Rossii. Faktornyi analiz*. T. 2. M.: *Territoriya budushchego*, 2011. S. 236, 333.
15. Davydov M.A. *Vserossiiskii rynek v kontse XIX – nachale XX v. i zheleznodorozhnaya statistika*. SPb.: Aleteiya, 2010. S. 69-71.
16. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA). F. 990. Op. 1. D. 55, prilozh. 6 (nenumерованные listy).
17. RGIA. F. 1292. Op. 4. D. 656. L. 9ob; D. 746. L. 6ob-7; D. 839. L. 9ob-10; D. 928. L. 8ob-10.
18. Tsit. po: Koval'chenko I.D. *Russkoe krepostnoe krest'yanstvo v pervoi polovine XIX v.* M.: Izd. Mosk. un-ta, 1967. S. 343.
19. *Statistika zemlevladieniya 1905 g. Svod dannykh po 50 guberniyam Evropeiskoi Rossii*. SPb.: TsSK MVD, 1907. S. 102, 103, 105, 125.
20. Nefedov S.A. *Istoriya Rossii. Faktornyi analiz*. T. 2. S. 404.
21. Nefedov G.F. *Agrarnyi vopros i zakon narodonaseleniya*. Morshansk: Morshan. o-vo sel. khoz-va, 1906. S. 24.
22. Oganovskii N. *Zakonomernost' agrarnoi evolyutsii*. Vyp. 1, T. 3. B. m.: B. i., 1914. S. 19-20.
23. Ignatovich I.I. *Pomeshchich'i krest'yane nakanune osvobozhdeniya*. L.: Mysl', 1925. S. 129-130.
24. Kaufman A.A. *Agrarnyi vopros v Rossii: Zemel'nye otnosheniya i zemel'naya politika*. M.: I.D. Sytin, 1908. S. 69-80.
25. Lyashchenko P.I. *Ocherki istorii agrarnoi evolyutsii Rossii*. SPb.: Min-vo finansov, 1908. S. 416.
26. Pokrovskii M.N. *Krest'yanskaya reforma* // *Istoriya Rossii v KhIKh veke*. T. 3. M.: Izd-vo A. i I. Granat. 1907. S.68-179.
27. Rozhkov N.A. *Gorod i derevnya v russkoi istorii*. SPb.: I.N. Skorokhodov, 1902. S. 68-95.
28. Finn-Enotaevskii A. *Sovremennoe khozyaistvo Rossii (1890–1910 gg.)*. SPb.: M.I. Semenov, 1911. S. 470-472, 518-522.
29. Brokgauz F.A., Efron I.A. *Entsiklopedicheskii slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona*. T. 32. SPb.: Brokgauz-Efron., 1895. S. 723-724.
30. Mironov B.N. *Nablyudalsya li v pozdneimperskoi Rossii mal'tuzianskii krizis: dokhody i povinnosti rossiiskogo krest'yanstva v 1801–1914 gg.* // *Istoriya i Matematika. O p richinakh Russkoi revolyutsii*. M.: Komkniga, 2009. S. 61.
31. Bunge N.Kh. *Zapiska N.Kh. Bunge Aleksandru II «O finansovom polozhenii Rossii»* // *Istoricheskii arkhiv*. 1960. № 2. S. 133-134.
32. Erofeev N.D. *Uroven' zhizni naseleniya Rossii v kontse XIX – nachale XX v.* // *Vestnik Moskovskogo un-ta*. Ser. 8. *Istoriya* 2003. № 1. S. 55.
33. Kokovtsov V.N. *Vsepoddanneishii doklad V.N. Kokovtsova 19 noyabrya 1904 g.* // *Russkie finansy i evropeiskaya birzha v 1904–1906 gg.* M.-L.: Moskovskii rabochii, 1926. S. 138.

34. Simonova M.S. Problema «oskudeniya» Tsentra i ee rol' v formirovani agrarnoi politiki samoderzhaviya v 90-kh godakh XIX – nachala KhKh v. // Problemy sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Rossii. M.: Nauka, 1971. S. 236-237.
35. Materialy Vysochaishe utverzhdennoi 16 noyabrya 1901 goda Komissii po issledovaniyu voprosa od vizhenii s 1861 g. po 1900 g. blagosostoyaniya sel'skogo naseleniya srednezemledel'cheskikh gubernii sravnitel'no s drugimi mestnostyami Evropeiskoi Rossii. V 3 vyp. SPb.: TsSK MVD, 1903.
36. Materialy Vysochaishe utverzhdennoi 16 noyabrya 1901 goda Komissii po issledovaniyu voprosa od vizhenii s 1861 g. po 1900 g. blagosostoyaniya sel'skogo naseleniya srednezemledel'cheskikh gubernii sravnitel'no s drugimi mestnostyami Evropeiskoi Rossii. V 3 vyp. SPb.: TsSK MVD, 1903. Vyp. 3. S. 234.
37. Vitte S.Yu. Vospominaniya. T. 2. M.: Izd. sots.-ekon. lit., 1960. S. 538.
38. Istoriya Rossii. KhKh – nachalo XXI veka // Red. L.V. Milov. M.: Izd. MGU, 2008. S. 92.
39. Stolypin P.A. Nam nuzhna velikaya Rossiya. Polnoe sobranie rechei v Gosudarstvennoi dume i Gosudarstvennom sovete. 1906–1911. M.: Molodaya gvardiya, 1991. S. 47, 49, 53.
40. Tam zhe. S. 208.
41. Dzhunkovskii D.F. Vospominaniya. T. 2. M.: Izd. im. Sabashnikovykh, 1997. S. 282-283.
42. Uortman R. Nikolai II i obraz samoderzhaviya // Istoriya SSSR. 1991. № 2. S. 121-123.
43. Vlast' i reformy. Ot samoderzhavnoi k sovetskoi Rossii // Otv. red. B.V. Anan'ich. SPb.: Dmitrii Bulanin, 1996. S. 591.
44. Vavilov N.I. Problema urozhainosti v SSSR pod uglom zreniya rastenievoda-seleksionera // Puti sel'skogo khozyaistva. 1928. № 7. S. 74-79.
45. Figurovskaya N.K. N.D. Kondrat'ev i rossiiskaya ekonomika chrezvychainogo vremeni // N.K. Figurovskaya, V.V. Simonov // Kondrat'ev N.D. Rynok khlebov i ego regulirovanie vo vremya voiny i revolyutsii. M.: Nauka, 1991. S. 34, 36.
46. Danilov V.P. O kharaktere agrarnoi evolyutsii Rossii posle 1861 goda // Krest'yanskoe khozyaistvo: istoriya i sovremennost'. Ch. 1. Vologda: B.i. 1992. S. 60.
47. Bukhovets O.G. Sotsial'nye konflikty i krest'yanskaya mental'nost' v Rossiiskoi imperii nachala KhKh veka: novye materialy, metody, rezul'taty. M.: Mosgorarkhiv, 1996. S. 315.
48. Bukhovets O.G. Mental'nost' i sotsial'noe povedenie krest'yan // Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX–XX vv.). M., 1996. S. 192.
49. Khobsbaum E. Vek Imperii. 1875–1914. Rostov-na-Donu: Feniks, 1999. S. 423.
50. Khobsbaum E. Vek Imperii. 1875–1914. Rostov-na-Donu: Feniks, 1999. S. 437.
51. Durnovo P.N. Zapiska // Krasnaya nov'. 1922. № 6. S. 195-197.
52. Takman B. Avgustovskie pushki. M.: Progress, 1972. S. 127.
53. Burzhuaziya nakanune fevral'skoi revolyutsii // Sost. B.B. Grave. M-L.: Gosud. izd., 1927. S. 136-138.
54. B'yukenen Dzh. Memuary diplomata: Vospominaniya, memuary. M.: AST, 2001. S. 213, 217-220.
55. Izmozik V.S. K voprosu o politicheskikh nastroeniyakh rossiiskogo obshchestva v kanun 1917 g. (po materialam perlyustratsii) // Rossiya i Pervaya mirovaya voina // Otv. red. N.N. Smirnov. SPb.: Dmitrii Bulanin, 1999. S. 168.
56. Tsit. po: tam zhe.
57. Platonov O.A. Nikolai Vtoroi v sekretnoi perepiske. M.: Rodnik, 2005. S. 605.
58. Tsit. po: Platonov O.A. Nikolai Vtoroi v sekretnoi perepiske. M.: Rodnik, 2005. S. 401.
59. Platonov O.A. Nikolai Vtoroi v sekretnoi perepiske. M.: Rodnik, 2005. S. 217.
60. Karrer d'Ankross E. Nikolai II: rasstrelyannaya preemstvennost'. M.: Olma-press, 2006. S. 75.
61. Sokolov B.V. K voprosu o vozmozhnosti russko-germanskogo separatnogo mira v fevrale 1917 g. // 1917 god v sud'bakh Rossii i mira. Fevral'skaya revolyutsiya: ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu // Otv. red. P.V. Volobuev. M.: In-t rossiiskoi istorii RAN, 1997. S. 42; Ignat'ev A.V. Vneshnyaya politika Vremennogo pravitel'stva. M.: Nauka, 1974. S. 57.
62. Tsit. po: Lebedev V.V. Problema vykhoda iz voiny i krizis samoderzhaviya // 1917 god v sud'bakh Rossii i mira... S. 53.
63. Sokolov B.V. Ukaz. soch. S. 42.
64. Shul'gin V.V. Gody. Dni. 1920. M.: Novosti, 1990. S. 420.
65. Kulikov S.V. Ukaz. soch.

66. Nefedov S.A. K diskussii ob urovne potrebleniya v poreformennoi i predrevolyutsionnoi Rossii // Rossiiskaya istoriya. 2011. № 1. S. 73-86.
67. Spiridovich A.I. Velikaya voyna i fevral'skaya revolyutsiya. Minsk: Kharvest, 2004. S. 477.
68. Rech' voennogo i morskogo ministra predsedatelya Tsentral'nogo voenno-promyshlennogo komiteta A.I. Guchkova // Otchet o torzhestvennom zasedanii Tsentral'nogo voenno-promyshlennogo komiteta 8 marta 1917 g. v Aleksandrovskom zale Petrogradskoi gorodskoi dumy. Pg., 1917. S. 17-18.
69. Nefedov S.A. Istoriya Rossii. Faktornyi analiz. T. 2... S. 545, 557, 562.
70. Paleolog M. Tsarskaya Rossiya nakanune revolyutsii. M.: Terra, 1996. S. 196.
71. Sm.: Rudneva S.E. 1917 god v sud'bakh Rossii i mira. Fevral'skaya revolyutsiya: ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu. Mezhdunar. nauch. konf. // Otechestvennaya istoriya. 1998. № 1. S. 206.
72. Paips R. Russkaya revolyutsiya. Ch. 1. M.: ROSSPEN, 1993. S. 312.
73. Otrechenie Nikolaya II. Vospominaniya ochevidtsev, dokumenty: Sb. // Sost. V. Tret'yakova. M.: Sovetskii pisatel', 1990. S. 242.
74. Startsev V.I. Russkaya burzhuaziya i samoderzhavie v 1905–1917 gg. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1977. S. 181.
75. Burdzhakov E.N. Vtoraya russkaya revolyutsiya. Moskva. Front. Periferiya. M.: Nauka, 1971. S. 305.
76. Paleolog M. Ukaz. soch. S. 243.
77. Buldakov V.P. Istoki i posledstviya soldatskogo bunta: k voprosu o psikhologii «cheloveka s ruzh'em» // 1917 god v sud'bakh Rossii i mira... S. 208.
78. Gatrell P. The Tsarist Economy. 1850-1917. New York : St. Martin's Press, 1986. P. 231.
79. Leiberov I.P. Revolyutsiya i khleb // I.P. Leiberov, S.D. Rudachenko. M.: Mysl', 1990. S. 87.
80. Kerenskii A.F. Russkaya revolyutsiya. M.: Tsentrpoligraf, 2005. S. 73.
81. Keins Dzh. Ekonomicheskie posledstviya Versal'skogo dogovora. M.-L.: GIZ, 1924. S. 104.

УДК 93/94

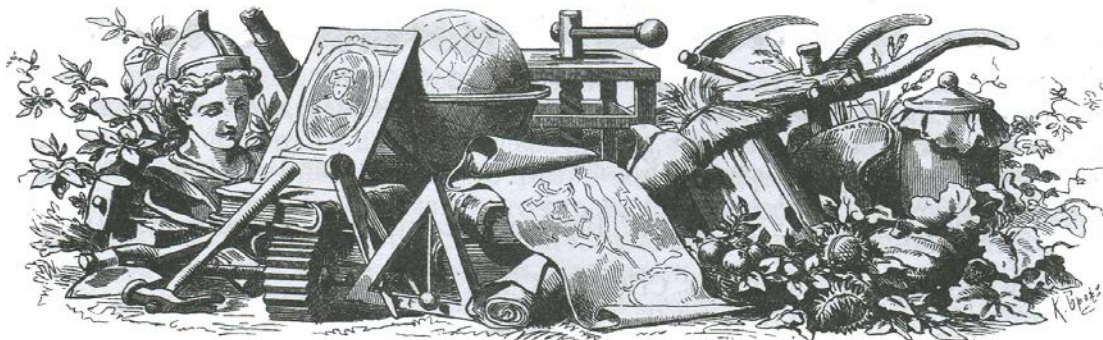
Реабилитация Николая II

Сергей Александрович Нефедов

Уральский федеральный университет, Россия
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: hist1@ya.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу причин февральской революции 1917 года. Рассматриваются две интерпретации революционных событий. Одна из них представляет революцию как результат заговоров оппозиции и некомпетентности правительства Николая II, не сумевшего адекватно реагировать на сложившуюся ситуацию. Другая интерпретация предполагает рассмотрение революции в рамках неомальтузианской концепции, в соответствии с которой кризис был вызван долгосрочными экономическими процессами, не зависевшими от воли людей.

Ключевые слова: Николай II; Русская революция; революция 1917 года; февральская революция; революция 1905 года; уровень потребления; демографический рост; неомальтузианство; крестьянское малоземелье; антропометрические данные; крестьянские восстания.

ARTICLES AND STATEMENTS

UDC 94

Monarchy – Form or Principle?

Aleksander N. Zakatov

Moscow State University of Geodesy and Cartography, Russian Federation

4 Gorokhovskiy Per., Moscow, 105064

PhD (History), Associate Professor

Member of the Russian Academy of Sciences' Research Council for studying and protecting cultural and natural heritage

E-mail: zakatovphd@gmail.com

Abstract. The article analyses the interpretations of the term “monarchy” through comparative analysis between scientific as well as scientific reference literature and historical sources and attempts to give a true and the most accurate and well-founded definition of the meaning of this historical phenomenon.

Keywords: monarchy; form; principle; system; regime; sacredness; legitimism; traditionalism.

Введение. Общенациональное празднование 400-летия преодоления Смуты, восстановления российской государственности и всенародного призвания на царство Дома Романовых Великим собором 1613 года активизировало в российском обществе дискуссию об исторической роли монархии и о возможностях ее восстановления в современных условиях. По данным ВЦИОМ, 28 % граждан России в той или иной форме высказываются за возвращение монархической государственности, существовавшей с момента основания государства в 862 г. до революции 1917 г. [1]. Развивается и расширяется участие Российского императорского Дома Романовых в общественной жизни современной России. Несмотря на то, что большинство аналитиков и сам Императорский Дом сходятся во мнении, что говорить о реставрации монархии в настоящее время и в обозримом будущем преждевременно, само по себе обсуждение вопроса о смысле и значении монархических идей имеет позитивное значение для возрождения в нашей стране традиций и преемственности по отношению ко всем периодам собственной истории, обеспечения народу возможности сделать свободный и осознанный выбор путей дальнейшего развития государственности и гражданского общества. Поэтому особенно важно дать неполиitized, объективную, подлинно научную оценку института монархии и монархического мировоззрения как политического, духовного и социокультурного явления, что невозможно без выработки четкой и обоснованной терминологии.

Материалы и методы. Задачей настоящей статьи является анализ имеющихся в научной, научно-справочной литературе и исторических источниках трактовок понятия «монархия», сопоставление различных мнений относительно содержания этого термина и формулирование наиболее четкого определения монархии, выражающего ее суть как

исторического явления. Общими методологическими основами являются объективность, всесторонность, принцип историзма. Использованные методы исследования: структурно-функциональный, динамический, компаративный, генетический.

Обсуждение. Любая царственная династия не просто формируется в условиях монархической государственности, но составляет ее неотъемлемую и органичную часть. Поэтому она в любых условиях не может институционально существовать без приверженности **принципу монархии**. Как верно подметила Глава Дома Романовых Великая княгиня Мария Владимировна, «Императорский Дом, придерживающийся республиканских убеждений, это все равно, что Церковь, проповедующая атеизм. Отречение от идеи монархии означало бы смерть Императорского Дома как исторической институции» [2].

Монархический принцип, исходя из этимологии слова, означает начало единовластия. Монархия (от греч. monos – один, и archo – власть) – единовластие. Ряд справочных изданий ограничивается констатацией этого смысла, не вдаваясь в подробности: «единодержавное государство, т.е. где управляет государством одно лицо, монарх» [3], «единодержавное государство» [4]. Это определение точное, но недостаточное [5].

В словаре В.И. Даля соединяются воедино понятия «монархия»-«единодержавие» и «самодержавие»: «**правление**, где верховная власть в руках одного лица, правление монархическое, едино- или само-державие» [6]. Здесь слиты сущность власти (единодержавие) и ее качество (самодержавие) [7].

Дальнейшее расширение толкования видим в определениях Словаря М. Попова: «**форма** государственного правления, во главе которого стоит одно лицо, получающее власть по наследству» [8] и Словаря Павленкова: «единовластие, **форма** государственного правления, при которой высшая власть принадлежит одному лицу по праву рождения или в силу захвата» [9].

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона дает монархии развернутую характеристику с приведением ряда трактовок и исторических прецедентов. Он считает монархию «**формой** государственного устройства», в которой «верховная государственная власть принадлежит одному лицу, пользующемуся ею по собственному праву, не делегированному ему никакой другой властью» [10]. Однако такое определение автор статьи считает применимым только к «современным цивилизованным государствам» и далее ссылается на разнообразные примеры, начиная с глубокой древности, когда монархия не вполне подпадает под данное определение. Этот подход, очевидно, продиктован тем, что монархия понимается как «**форма**» (а формы, естественно, меняются с течением времени).

В статье отмечены два варианта противопоставления: тройное аристотелевское – «монархия-аристократия-полития» [11] и двойное современное – «монархия-республика». Однако эти противопоставления нельзя рассматривать как альтернативные друг другу. В каждом случае речь идет о разных предметах: в первом – о борьбе, сочетании и синтезе трех принципов управления, а во втором – о противопоставлении двух государственных систем, в каждой из которых в разных пропорциях действуют все три принципа.

Представляя монархию в историческом развитии, автор отмечает, что на ранних стадиях она была ограничена народными собраниями, и выделяет три первичные функции монарха – главную **военную**, а также **жреческую** и **судебную**. Наследственность, по мнению автора, на этом этапе была далеко не установившейся и конкурирующей с избранием, так как главным критерием были личные качества вождя-монарха. Некоторые монархии остались выборными и в позднейшие периоды, например, Священная Римская империя, Речь Посполитая, Папское государство.

В древнеримском государстве монархическое и республиканское устройство находились в симбиозе [12], в связи с чем самодержавность и наследственность власти монарха складываются там на достаточно поздних стадиях.

Также существовала разновидность монархии – диархия (власть двух царей, правящих одновременно). В древности наиболее яркий пример диархии наблюдался в Спарте, где такой образ правления имел конституционный статус. В России де факто имели место совместные правления Вячеслава I с Изяславом II, и после кончины последнего, с Ростиславом I; совместные Великие княжения Василия II с Иоанном III и Иоанна III с Василием III (соправления отца и сына); а также царствование двух братьев Иоанна V и Петра I.

«В феодальную эпоху, – отмечается в ЭСБЭ, – монархическая власть основывается на крупном землевладении и является весьма слабой» [13]. В Новое время наступает эпоха

абсолютных монархий, упраздняющих сословно-представительные учреждения. Но параллельно с этим созревают и происходят революции, которые вновь ограничивают монархию, но на сей раз не сословным, а общенародным представительством.

Автор статьи в ЭСБЭ выделяет следующие черты, присущие как неограниченным, так и ограниченным монархиям:

1) единовластие; 2) наследственность; 3) признание источником власти Бога или Бога и народа (формула «Божиею милостию» или «милостию Божиею и волею народа»); 4) юридическая неответственность; 5) принадлежность монарху всей полноты государственной власти; 6) возглавление монархом исполнительной власти; 7) вершение правосудия именем монарха; 8) принадлежность монарху права помилования; 9) представительство монархом государства на международном уровне; 10) обладание монархом историческим титулом; 11) содержание монарха за государственный счет; 12) неприкосновенность личности монарха.

Различие между неограниченными (самодержавными и абсолютными) и ограниченными (представительными-дуалистическими, парламентарными, вассальными, союзными) монархиями, по мнению автора, заключается в том, что в неограниченных – монарх пользуется этими правами и исполняет эти обязанности «безусловно и независимо от какой бы то ни было иной власти», а в ограниченных – «при посредстве или обязательном содействии органов или властей, имеющих существование, независимое от его личности».

Отличие монархии от деспотии заключается в господстве в монархии принципа законности в противоположность произволу. В качестве иллюстрации приводится формулировка Основных государственных законов Российской империи, управляемой «на твердых основаниях законов, учреждений и установлений, от самодержавной власти исходящих» [14].

«Новая философская энциклопедия» [15] видит в монархии одно из проявлений более широкого понятия монархии (единоправия) [16], в которое входят также диктатура, сильная президентская власть и партийный вождизм [17]. «От других **форм** монархии отличается наследственной (динамической) преемственностью власти (престола, короны) и семейно-родственным заполнением политического окружения».

«Культурно-исторической основой» монархии НФЭ считает «социально-биологический институт вождизма – появление у человеческой группы, жившей по нормам стайных животных, вождя и иерархии подчиненного ему окружения. Впоследствии такой вождь возглавлял племя, затем союз племен, предгосударственные и государственные образования, и постепенно складывалось представление о стране и народе как собственности государя». Это утверждение, хотя и основано, судя по всему, на материалистическом понимании истории, отрицающем креационизм, вполне созвучно традиционному пониманию происхождения монархии: «монархия исторически является строем, зародившимся не искусственным путем, а плавно оформившимся от СЕМЬИ через РОД к НАРОДУ» [18]. В определении НФЭ признается временной приоритет монархического принципа в человеческой истории и его органичность (до того, как появилась прамонархия, люди, по мнению автора статьи И.И. Кравченко, представляли собой группы, жившие по нормам животного стада).

НФЭ признает также существование «монархической демократии» (правда, относя ее лишь к ранним стадиям развития монархии), вкратце прослеживает путь ее исторического развития и утверждает, что «монархия как форма правления постепенно пришла в упадок», относя этот процесс к концу XVIII–XIX вв.

В Словаре «Политология» (2010 г. издания) в статье В.Ю. Шпака монархия определяется как «одна из **форм** правления. Сущностной характеристикой монархии является концентрация, сосредоточение в руках одного лица – монарха – верховной власти, которая передается по наследству» [19].

В Википедии монархия характеризуется как «**форма** правления, при которой верховная государственная власть частично или полностью принадлежит одному лицу» и «как правило, передается по наследству». Аналогично и определение Нового словаря иностранных слов. – by EdwART, 2009: «**форма** правления, при которой верховная власть в государстве формально (полностью или частично) сосредоточена в руках единоличного главы государства» [20]. Это определение содержит существенную ошибку. Верховная власть по своей природе неделима, поэтому не может принадлежать кому-либо «частично».

Автор статьи, в данном случае, путает **верховную** власть с **высшей** управительной властью.

Итак, в большинстве определений монархия именуется **формой правления**. Это словосочетание стало обиходным. Но можно ли признать его точным и правильным? Ведь форма – это, прежде всего, наружный вид, внешнее очертание. Допустимо ли считать лишь формой явление, которое на протяжении тысячелетий определяло развитие государственной, социальной и культурной жизни человечества?

Аристотель именуется монархию, аристократию и политику **видами** государственного **строения** или **устройства**, а государственное устройство, по его мнению, «означает то же, что и порядок государственного управления» [21]. Говоря о монархии, философ выделяет пять видов царской власти: 1) «царская власть героических времен, основанная на добровольном подчинении ей граждан», когда власть царя была ограниченной и заключавшейся в рамках военного предводительствования, суда и отправления культа; 2) «царская власть у варваров, наследственная и деспотическая по закону»; 3) «эсимнетия – выборная тирания»; 4) наследственная пожизненная стратегия Лакедемона [22] и, наконец, 5) неограниченная монархия, в которой царь обладает верховной властью, этот вид Аристотель именуется «властью домохозяйственной», «в сущности, домоправительством над одним или несколькими государствами и племенами» [23].

Аристотелевские воззрения господствовали в Средние века. Представление, что монархия, аристократия и политика [24] – это «формы», начало активно пропагандироваться в эпоху Просвещения, когда формулируется мысль о том, что любая власть делегирована народом на основе «Общественного Договора», поэтому, якобы, любой **вид** государственного строения есть лишь **форма** верховной власти народа.

Но традиционное понимание видов верховной власти, и в частности монархии, продолжает существовать.

Л.А. Тихомиров говорил о монархии как о **принципе** верховной власти, воплощаемом в «известной **организации** и **системе учреждений**» [25].

В.И. Ульянов (Ленин) считал ненавистную ему монархию **учреждением** [26], т.е. составной частью и инструментом «эксплуататорского государства», но не формой.

Талантливый популяризатор идеи монархии в новейшее время И.Л. Солоневич также четко осознавал монархию **строем**, созданным историческими условиями жизни русского народа: «Политический **строй** (выделено мной – А.З.) России – монархия – так, как он складывался в веках, не есть чье бы то ни было изобретение или результат чьего бы то ни было насилия – это есть результат вековой работы религиозно-национального инстинкта. Этот политический строй с той степенью точности, которая вообще возможна в земных делах, – отражал идею свободного, не обусловленного насилием, добровольного подчинения свободного человеческого духа высшим ценностям. Поэтому православная монархия оказалась организованной не по принципу конституционной сделки, выраженной в «великой хартии вольностей», и не по принципу вооруженного насилия, выраженного в законе «крови и железа», а по закону Христа. Этому закону были одинаково подчинены и Царь, и Мужик. Оба, безо всяких конституций, шли к одной и той же цели – и шли одинаковыми путями, и прошли через одну и ту же Голгофу» [27].

Великий князь Михаил Александрович в своем акте об отложении принятия власти употребил выражение «**образ правления**».

Император Кирилл Владимирович и Великий князь Владимир Кириллович считали монархию **строем**. Иногда они использовали обиходное слово «форма правления» [28], но в контексте их заявлений это определение относится, скорее, не к монархии во всей ее политической и социокультурной полноте, а к тем или иным ее проявлениям.

Глава Дома Романовых Великая княгиня Мария Владимировна полагает, что «монархия – это не политическая доктрина, а государственный **строй** и **система** (выделено мной – А.З.) исторически сложившихся национальных ценностей» [29]. В этом определении содержится характеристика монархии как строя, проистекающего из совокупности традиционных ценностей и систематизирующего их.

Результаты. Отметим характеристики монархического принципа с точки зрения исторического социокультурного развития самого института монархии.

Монархия обладает формами. Некоторые из них постоянны (возглавление системы одним лицом), некоторые почти постоянны (династичность, наследственность), некоторые

переменчивы (фактический объем власти монарха, пышность или аскетизм двора, титулование и т.п.).

Но если рассматривать монархию в практическом политическом применении, то она есть **не форма, а система**.

Если же говорить о монархии в смысле идейном и социокультурном, то она тем более **не форма, а принцип**.

В отличие от форм, которые внешне могут очень сильно различаться, любая система и любой принцип, на котором эта система базируется, эволюционируют во взаимосвязи, сохраняя свои фундаментальные основы. Система монархии может не использоваться практически, если народ не принимает ее принцип, но сам принцип существует постоянно. Он никогда не исчезает и не меняется в своем существе.

С древнейших времен и до XX века монархия была преобладающим государственным строем во всем мире. В определенных условиях, на новом витке истории, монархический принцип может быть востребован, и тогда монархия вновь станет системой [30]. Но даже если этого не произойдет, в социокультурной области есть место всем принципам, которые выработало человечество.

По определению Л.А. Тихомирова, верховная власть в государстве «есть конкретное выражение принципа, принимаемого нацией за объединительное начало» [31]. Когда нация принимает за объединительное начало монархический принцип, монархия является верховной властью, а ее носителем является конкретное лицо – монарх. В этом случае монархический принцип является, прежде всего, государственно-политическим явлением, а уже затем социокультурным.

Если же нацией принимаются за объединительное начало иные принципы [32], (что наблюдается не только в республиках, но и во многих современных конституционных королевствах), то монархический принцип не перестает существовать, но практически полностью смещается в социокультурную область.

Заключение. Монархия есть не «форма», а принцип (в идеологической сфере) и система (в общественно-политической сфере). Монархический принцип, независимо от форм и условий своего воплощения, создает особую культуру монархии, сочетающую элитарные и народные формы. Ее основными паттернами являются религиозная мотивация, личная верность государю, служение, честь, законность, справедливость, наследственность, традиционализм, патернализм, символизм.

Но эти паттерны не появились бы, если бы монархия представляла собой голый политический принцип единовластия. Из почвы монархического принципа закономерно произросли явления и понятия, окультуривающие (освящающие, одухотворяющие и очеловечивающие) созданную им систему государственного строя – религиозное восприятие царской власти, легитимизм (династичность и законная наследственность, обеспечивающая независимость царской власти) и традиционализм. Эти понятия являются неотъемлемыми составляющими монархического принципа и монархической системы, без наличия которых или хотя бы одного из них монархия подвергается деградации и неизбежному разрушению.

Примечания:

1. Хотя очевидно, что различные категории респондентов вкладывают в слово «монархия» разный смысл, зачастую весьма далекий от подлинного содержания данного термина.

2. Великая княгиня Мария Владимировна: «Я верю в будущее монархии» // Российские вести. № 15(1675). 2003. 23-29 апреля.

3. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи. Составлен под ред. А.Н. Чудинова. Издание третье, тщательно исправленное и значительно дополненное (более 5000 новых слов) преимущественно социально-политическими терминами, вошедшими в жизнь в последние годы. СПб.: Издание В.И. Губинского, 1910.

4. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней / Сост. А.Д. Михельсон. 1865.

5. Не говоря уже о совершенно бессмысленных определениях вроде «Монархия – государство, главой которого является монарх», присутствующих, например, в

- «Юридическом словаре» 2000 г. изд., «Современной энциклопедии» 2000 г. изд., «Большом энциклопедическом словаре» 2000 г. изд. и ряде др.
6. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. М., 1994.
 7. Сравн. «самодержавная монархия» в сопоставлении с «абсолютная монархия», «ограниченная монархия»
 8. Словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке / Попов М., 1907.
 9. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Павленков Ф. СПб., 1907.
 10. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.
 11. Аристотель. Политика. Афинская полития. М.: Мысль, 1997. 458 с.
 12. «Эта двойственность, – пишет Л.А. Тихомиров, – характеризующая Византию, повлияла очень вредно на ее государственное строение» (Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 143-144).
 13. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.; Любопытно, что в советское время монархия характеризовалась как «**наиболее деспотическая, господствующая в эпоху феодализма** (выделено мной – А.З.) форма государственного правления, при которой верховная власть принадлежит одному лицу» (Толковый словарь Д.Н. Ушакова. 1935–1940). Это определение иногда бездумно копируется и в современных изданиях, напр. см. Большой словарь иностранных слов. М.: ИДДК, 2007.
 14. В Своде законов Российской империи 1906 г. эта формулировка стала звучать так: «*Империя Российская управляется на твердых основаниях законов, изданных в установленном порядке*» (ст. 84).
 15. Новая философская энциклопедия. В 4-х тт. / Под ред. В.С. Степина. М.: Мысль, 2001.
 16. В противоположность поликратии (многовластия).
 17. Явления, между которыми в политической практике зачастую трудно усмотреть существенные различия.
 18. Великая княгиня Мария Владимировна: «Я верю в будущее монархии» // Российские вести. № 15(1675). 2003. 23-29 апреля.
 19. Политология. Словарь. М.: РГУ, 2010.
 20. В «Кратком географическом словаре» 2008 г. того же издательства формулировка иная: «форма правления, при которой верховная государственная власть принадлежит монарху (королю, князю, султану, шаху, эмиру) и передается по наследству».
 21. Аристотель. Политика. Афинская полития. М.: Мысль, 1997. 458 с. С. 105.
 22. В Лакедемонском государстве царь в мирное время ведал, главным образом, культом и лишь в военное время наделялся полномочиями военного вождя с дополнительными правами.
 23. Аристотель. Политика. Афинская полития. М.: Мысль, 1997. 458 с. С. 122.
 24. Уже подмененная демократией, которую Аристотель, на самом деле, противопоставлял политии.
 25. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 411.
 26. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 20. М.: ГИПЛ, 1961. С. 359.
 27. Солоневич И.Л. Политические тезисы Российского народно-имперского (штабс-капитанского) движения // Наш современник. 1992. № 12. С. 158.
 28. Корона Российской Империи // Огонек. 1990. 6-13 января. С. 28-29.
 29. Крылов А.Н. Великая княгиня Мария Владимировна: «Я не занимаюсь политикой» // Российские вести. № 30 (1785). 2005. 31 августа – 6 сентября.
 30. Например, Римское государство, упразднив царскую власть, в течение 500 лет было республикой, а затем вновь вернулось к монархическому принципу, который господствовал в ней в течение почти 1500 лет.
 31. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб.: АО «Комплект», 1992. 680 с. С. 33.
 32. Полития (ныне отождествляемая с демократией) или аристократия.

References:

1. Khotya ochevidno, chto razlichnye kategorii respondentov vkladyvayut v slovo «monarkhiya» raznyi smysl, zachastuyu ves'ma dalekii ot podlinnogo sodержaniya dannogo termina.
2. Velikaya knyaginya Mariya Vladimirovna: «Ya veryu v budushchee monarkhii» // Rossiiskie vesti. № 15(1675). 2003. 23-29 aprelya.
3. Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v so stav russkogo yazyka. Materialy dlya leksicheskoi razrabotki zaimstvovannykh slov v russkoi literaturnoi rechi. Sostavlen pod red. A.N. Chudinova. Izdanie tret'e, tshchatel'no ispravlennoe i znachitel'no dopolnennoe (bolee 5000 novykh slov) preimushchestvenno sotsial'no-politicheskimi terminami, voshedshimi v zhizn' v poslednie gody. SPb.: Izdanie V.I. Gubinskogo, 1910.
4. Ob'yasnenie 25000 inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v r usskii yazyk, s oznacheniem ikh kornei / Sost. A.D. Mikhel'son. 1865.
5. Ne govorya uzhe o sovershenno bessmyslennykh opredeleniyakh vrode «Monarkhiya – gosudarstvo, glavoi kotorogo yavlyatsya monarkh», prisutstvuyushchikh, naprimer, v «Yuridicheskome slovare» 2000 g. izd., «Sovremennoi entsiklopedii» 2000 g. izd., «Bol'shom entsiklopedicheskom slovare» 2000 g. izd. i ryade dr.
6. Tolkovi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka V.I. Dal'a. M., 1994.
7. Sravn. «samoderzhavnaya monarkhiya» v sopostavlenii s «absolyutnaya monarkhiya», «ogranichennaya monarkhiya»
8. Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkom yazyke / Popov M., 1907.
9. Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka / Pavlenkov F. SPb., 1907.
10. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. SPb.
11. Aristotel'. Politika. Afinskaya politiya. M.: Mysl', 1997. 458 s.
12. «Eta dvoistvennost', – pishet L.A. Tikhomirov, – kharakterizuyashchaya Vizantiyu, povliyala ochen' vredno na e e gosudarstvennoe stroenie» (Tikhomirov L.A. Monarkhicheskaya gosudarstvennost'. S. 143-144.
13. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. SPb.; Lyubopytno, chto v sovetskoe vremya monarkhiya kharakterizovalas' kak «naibolee despoticheskaya, gospodstvuyushchaya v epokhu feodalizma (vydeleno mnoi – A.Z.) forma gosudarstvennogo pravleniya, pri kotoroi verkhovnaya vlast' prinadlezhit odnomu litsu» (Tolkovi slovar' D.N. Ushakova. 1935–1940). Eto opredelenie inogda bezdumno kopiruetsya i v sovremennykh izdaniyakh, napr. sm. Bol'shoi slovar' inostrannykh slov. M.: IDDK, 2007.
14. V Svide zakonov Rossiiskoi imperii 1906 g. eta formulirovka stala zvuchat' tak: «Imperiya Rossiiskaya upravlyatsya na tv erdykh osnovaniyakh zakonov, izdannykh v ustanovlennom poryadke» (st. 84).
15. Novaya filosofskaya entsiklopediya. V 4-kh tt. / Pod red. V.S. Stepina. M.: Mysl', 2001.
16. V protivopozhnost' polikratii (mnogovlastiya).
17. Yavleniya, mezhdru kotorymi v politicheskoi praktike zachastuyu trudno usmotret' sushchestvennye razlichiya.
18. Velikaya knyaginya Mariya Vladimirovna: «Ya veryu v budushchee monarkhii» // Rossiiskie vesti. № 15(1675). 2003. 23-29 aprelya.
19. Politologiya. Slovar'. M.: RGU, 2010.
20. V «Kratkom geograficheskom slovare» 2008 g. togo zhe izdatel'stva formulirovka inaya: «forma pravleniya, pri kotoroi verkhovnaya gosudarstvennaya vlast' prinadlezhit monarkhu (korolyu, knyazyu, sultanu, shakhu, emiru) i peredaetsya po nasledstvu».
21. Aristotel'. Politika. Afinskaya politiya. M.: Mysl', 1997. 458 s. S. 105.
22. V Lakedemskom gosudarstve tsar' v mirnoe vremya vedal, glavnyim obrazom, kul'tom i lish' v voennoe vremya nadelyalsya polnomochiyami voennogo vozhdya s dopolnitel'nymi pravami.
23. Aristotel'. Politika. Afinskaya politiya. M.: Mysl', 1997. 458 s. S. 122.
24. Uzhe podmenennaya demokratiei, kotoruyu Aristotel', na samom dele, protivopostavlyal politii.
25. Tikhomirov L.A. Monarkhicheskaya gosudarstvennost'. S. 411.
26. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. T. 20. M.: GIPL, 1961. S. 359.
27. Solonevich I.L. Politicheskie tezisy Rossiiskogo narodno-imperskogo (shtabskapitanskogo) dvizheniya // Nash sovremennik. 1992. № 12. S. 158.
28. Korona Rossiiskoi Imperii // Ogonek. 1990. 6-13 yanvarya. S. 28-29.

29. Krylov A.N. Velikaya knyaginya Mariya Vladimirovna: «Ya ne zanimayus' politikoi» // Rossiiskie vesti. № 30 (1785). 2005. 31 avgusta-6 sentyabrya.

30. Naprimer, Rimskoe gosudarstvo, uprazdniv tsarskuyu vlast', v techenie 500 let bylo respublikoi, a zatem vnov' vernulos' k monarkhicheskomu printsipu, kotoryi gospodstvoval v nei v techenie pochtii 1500 let.

31. Tikhomirov L.A. Monarkhicheskaya gosudarstvennost'. SPb.: AO «Komplekt», 1992. 680 s. S. 33.

32. Politiya (nyne otozhdestvlyaemaya s demokratiei) ili aristokratiya.

УДК 94

Монархия – форма или принцип?

Александр Николаевич Закатов

Московский государственный университет геодезии и картографии, Россия

105064, Москва, Гороховский пер., 4

кандидат исторических наук, доцент

член научного совета Российской академии наук (РАН) по изучению и охране культурного и природного наследия

E-mail: zakatovphd@gmail.com

Аннотация. В статье на основании сравнительного анализа трактовок термина «монархия» в научной, научно-справочной литературе и в исторических источниках предпринимается попытка дать выверенное и наиболее точное и обоснованное определение сути этого исторического явления.

Ключевые слова: монархия; форма; принцип; система; строй; сакральность; легитимизм; традиционализм.

UDC 323.37(477)"17-18

The Problem of the Social Background of Government Officials within the Policies of the Romanovs (18th Century - First Half of the 19th Century)

Sergey I. Degtyarev

Sumy State University, Ukraine
17 Komintern St., Sumy, 40009
PhD (History), Assistant Professor

Abstract. The article examines the attempts made by the government of the Russian Empire to solve the issue of the social background of government officials throughout the formation of the bureaucracy during the eras beginning with Peter I and ending with Alexander II. In particular, the article pays special attention to the issue of “ennobling” state service and to what extent it was relevant during the period of the bourgeois reforms.

Keywords: officialdom; bureaucracy; state service; politics; Romanovs; Russian Empire; estates.

Введение. С начала XVIII в. в Российском государстве происходили серьезные сдвиги в социально-экономическом развитии, и именно в это время здесь стали зарождаться буржуазные отношения. Тогда же сословно-представительская монархия продолжила эволюционировать к абсолютизму, вследствие чего резко снизилась роль старой аристократии (бояр) и возросло влияние дворянства, которое стало главной опорой абсолютизма [26, с. 68].

В этот же период в Российской империи началось формирование нового бюрократического аппарата, значение которого постоянно возрастало. Государство росло территориально, увеличивалось его население, усложнялась схема общественных отношений, что приводило к усложнению структуры управленческого аппарата. В связи с этим монарх вынужден был делегировать часть своих полномочий бюрократии. Чиновничество приобретало влияние на все стороны общественной и политической жизни страны. Таким образом, изучение различных аспектов истории чиновничества Российской империи периода XVIII – первой половины XIX вв. является важной составляющей понимания социальных отношений и общественно-политических процессов указанного периода.

Материалы и методы. Очерченная тематика стала популярной в среде ученых-историков и правоведов еще в XIX – в начале XX вв. Российское имперское чиновничество становилось предметом изучения таких известных ученых, как А. Градовский, И. Дитятин, В. Ивановский, И. Катаев, Н. Лазаревский и др. [7, 9, 12, 14, 17, 33]

В советский период теме бюрократии уделялось меньше внимания по идеологическим причинам. И к наиболее основательным работам этого времени следует отнести исследования П. Зайончковского, Н. Ерошкина, С. Троицкого и отдельные работы других ученых [10, 11, 19, 20, 24].

Со второй половины XX в. интерес к указанной теме (под влиянием советских ученых, в первую очередь П. Зайончковского) стали проявлять и некоторые иностранные исследователи, в частности В. Пинтнер, Х. Беннет, Д. Роуни, Р. Уортман и др. [27, 30, 31, 32].

В постсоветские времена к этой проблематике интерес значительно возрос, но в основном среди исследователей из России, Украины, Беларуси (Н. Бармак, В. Барткив, В. Володько, О. Морякова, Л. Писарькова, Л. Шепелев и др.) [3, 4, 5, 18, 21, 23, 28].

При проведении данного исследования нами были использованы принципы объективности и историзма. Они реализованы путем применения общенаучных и общеисторических методов, основными среди которых являлись исторический, логический, проблемно-хронологический.

Обсуждение. Одним из важных аспектов истории бюрократии Российской империи является вопрос о сословном происхождении чиновников. Его решение позволит дать объективную оценку тому, насколько политика монархов династии Романовых в области

государственного управления отвечала требованиям времени и шла в этом направлении "в ногу" с европейскими тенденциями.

Начиная с появления Табели о рангах, практически все Романовы пытались подорвать принцип так называемой "породы" в управлении. Они инициировали введение принципа личной выслуги, денежное жалование чиновникам, пытались сделать так, чтобы важную роль играли (или пытались играть) способности, образование. Это были одни из первых шагов в сторону создания буржуазного государства. Таким образом политика Романовых содействовала появлению элементов буржуазного государства, отрыву чиновничества от социальной среды и превращению его в бессловную прослойку капиталистического общества. В то же время эти явления были пронизаны духом сословности.

Одним из базовых нормативных документов для чиновничества Российской империи была Табель о рангах. Этот закон установил четкую иерархию должностей и чинов гражданского, военного и придворного ведомств, а также закрепил принцип продвижения чиновников по служебной лестнице не по происхождению и знатности, а в зависимости от личной выслуги, заслуг перед монархом и государством. По Табели выходцы из непривилегированных сословий, попадая в ряды бюрократии, имели право получать дворянство (личное или потомственное), что укрепляло положение императора, расширяло его социальную опору и делало бюрократию послушным исполнителем требований абсолютизма. Создание Табели о рангах существенно усилило бюрократизацию самого правящего класса [26, с. 73-75].

Другими словами, Табель о рангах, превратив в систему и унифицировав все чины в империи, обязывала всех служить и объявляла службу единственным источником получения необходимого ранга и его дальнейшего повышения. Табель открывала доступ в ряды дворянства особам "подлого" происхождения. Таким образом происходило обюрокращивание дворянства и одворянивание бюрократии [19, с. 10].

При этом на гражданскую государственную службу еще со времен Петра I пытались набирать лиц из числа привилегированных сословий, главным образом из шляхетства, но официальных ограничений по вступлению на службу для лиц других сословий не существовало. Со временем такие ограничения начали появляться. В 1771 г. на статскую службу было категорически запрещено принимать лиц так называемого податного звания. Представители каких именно сословий могли приниматься на гражданскую службу, было определено в 1779 г. – на первом плане здесь оказались дворяне. Во времена правления Павла I стали случаться некоторые исключения (иногда на гражданскую службу могли попасть и представители податных сословий), которые продолжались и при его наследнике. Окончательно этот вопрос был решен указом Николая I от 14 октября 1827 г., который касался канцелярских служащих гражданского ведомства. Согласно ему лица, которые вступали на гражданскую службу канцелярскими служащими, разделялись на четыре разряда. К первому – относились родовые (потомственные) дворяне, ко второму – дети личных дворян, купцы I гильдии, дети священников и т.п. Для каждого разряда определялся свой срок выслуги первого классного чина [22, с. 222-223].

В течение XVIII–XIX вв. бюрократический аппарат очень быстро увеличивался, его работа дифференцировалась. Это сопровождалось тем, что, по мнению некоторых исследователей, дворянская монополия на его пополнение исчезла. Кроме того, дворяне не желали заниматься в нем второстепенной работой [6, с. 59; 12, с. 4-5]. Что касается исчезновения дворянской монополии, то здесь, по нашему мнению, следует отметить, что в чистом виде ее фактически и не существовало. Время от времени предпринимались попытки создать эту монополию, в первую очередь законодательно. Полностью от таких попыток правительство отказалось лишь во второй половине XIX в. Мероприятия касательно монополизации права дворян на государственную службу были относительно активными вследствие соответствующей политики правительств Екатерины II и ее преемников вплоть до Николая I включительно. Эти монархи пытались максимально "одворянить" государственную службу. В период от Петра I до реформ Екатерины II бюрократическая система Российской империи была укомплектована по большей части так называемыми приказными служащими, чья работа на чиновничьем поприще рассматривалась, скорее, как ремесло. Такая социальная прослойка существовала и до Петра I, но именно в обозначенный период (после введения Табели о рангах) в сфере государственного управления произошла в определенной степени ассимиляция родовой боярской аристократии Российской империи с "чиновной бюрократией". В. Ключевский даже считал,

что последняя поглотила боярскую аристократию. Но как бы там ни было, мы можем увидеть, что в период формирования бюрократического аппарата Российской империи по европейским образцам, которое происходило в течение большей части XVIII в., чиновничество не было представлено лишь выходцами из дворянских или шляхетских семей, а было многословным. Фактически бюрократия Российской империи в своей природной основе не является дворянской. Просто на определенном этапе своей эволюции принадлежность к ней как к сфере, которая имела непосредственное отношение к управлению государством, стала считаться почетной привилегией, которую могли получить лишь высшие социальные группы. И даже в этот период чиновничество не стало стопроцентно закрытым для представителей недворянских сословий. Особенно это прослеживается на примерах социальной принадлежности чиновников низших, провинциальных гражданских государственных учреждений конца XVIII – первой половины XIX вв.

К началу 60-х годов XVIII в. политика Романовых привнесла в бюрократический аппарат России особые черты, такие, которые сделали его внешне несколько более похожим на бюрократическую систему некоторых европейских стран (хотя эта схожесть часто была условной). Фактически эти черты сводились к следующему:

1. Существенно увеличивается количество лиц, занятых в сфере государственного управления и усложняется иерархическая зависимость должностей.

2. Изменился принцип награждения за службу: произошел переход к постоянному денежному жалованию.

3. Высшее и среднее звенья гражданской администрации начинают оформляться в бюрократическую группу (при этом чиновничья служба остается обязательной для дворян и пребывает в тесной связи с военной).

4. При определении дворянства как отдельного класса низшее звено гражданской администрации сохраняет свое привилегированное положение касательно податных сословий, но выводится за границы дворянства, и это закрепляется законодательно [8, с. 238].

Таким образом, в течение XVIII – первой половины XIX вв. в общественной структуре Российской империи фактически происходит формирование новой социальной группы, не характерной для других европейских государств, хотя сама по себе она была в определенной степени результатом использования именно европейского опыта. Речь идет о чиновничестве, которое выходит за границу профессиональной принадлежности/ремесла и приобретает особые черты, которые более правильно назвать социо-профессиональными. Со временем реформы Александра II превратили бюрократию во влиятельного "менеджера", без которого самодержавие уже просто не могло управлять империей [2, с. 109].

Непосредственным началом так называемого периода "чиновной бюрократии" стало появление указов "О вольности дворянской" и "Жалованная грамота дворянству" [8, с. 238]. Именно в это время в бюрократическом аппарате происходят значительные изменения социального характера, в частности отток дворянского элемента из государственной службы (в первую очередь гражданской). С. Троицкий объяснял отмену обязательного характера государственной службы для дворян в 1762 г. социально-экономическим и политическим развитием страны в XVIII в. В связи с развитием товарно-денежных и капиталистических отношений дворянство пыталось расширить свои сословные права, в том числе сбросить с себя обязанность служить, поскольку это мешало его хозяйственным планам в новых условиях [25, с. 215]. Похожую идею высказывал еще раньше М. Александров, который утверждал, что слияние землевладельческого дворянства с бюрократией происходило не только путем поглощения дворянства бюрократией, но и наоборот. По его мнению, по мере развития денежного оборота и отношений все больше ощущалась нехватка в людях (дворянах) для занятия должностей в государственных учреждениях. Правительство и само дворянство были вынуждены приглашать хотя бы на низшие должности выходцев из других слоев населения (по терминологии М. Александрова, "из других классов"). Эти выходцы "часто оказывались настолько полезными для дворянства, что получали движение по службе, занимали должности более важные". Правительство награждало их чинами, а чины давали статус дворянства [1, с. 131].

В то же время, хотя Манифест 1762 г. и отменил обязательный характер государственной службы для дворян, эта сфера общественной жизни оставалась важной,

такой, которая определяла потребности и цели дворянства. Такое отношение к так долгожданному Манифесту объяснялось существованием незафиксированных законодательно, но при этом влиятельных стимулов, которые вынуждали дворян оставаться добровольно служилым сословием. Во время работы Уложенной комиссии 1767 г. поднимался ряд вопросов, которые непосредственно касались государственной службы, в частности гражданской. В том числе многие из депутатов считали, что родовое дворянство должно иметь некоторые служебные преимущества перед дворянами, которые выслужились до этого статуса. Б. Потемкин предлагал принимать на службу дворян с образованием, сразу давая им обер-офицерские чины [13, с. 62].

В целом в политике Екатерины II в сфере дворянской службы можно проследить два основных направления. Во-первых, в новых условиях правительство должно было сохранить престиж службы для дворян, склонить высшее дворянство к службе, то есть продолжить политику поддержки интересов дворянского сословия. Во-вторых, государству на важных должностях были нужны талантливые, образованные люди, а поэтому нельзя было отказываться от принципов, заложенных в основу Табели о рангах [16, с. 52-53].

Хорошо известно недовольство многих представителей дворянства возможностью проникновения в их среду лиц из менее привилегированных социальных групп. Этот вопрос в течение только XIX в. несколько раз поднимался на самом высоком уровне, результатом чего стал целый ряд подписанных императорами документов, которые усложняли получение дворянства на государственной службе (увеличен класс чина, который давал этот статус; отменялось его получение через награждение теми или иными орденами и т.п.). По нашему мнению, использование выходцев из непривилегированных слоев населения на государственной службе вызывало внутренние противоречия и даже целые конфликты внутри дворянской среды. Отказаться от профессиональных услуг чиновников-недворян дворянство не могло, а наиболее адекватной ценой за такие услуги был допуск их к привилегированному статусу в обществе. Последний мог выражаться в правах дворянства или чиновничьем авторитете (власти, возможности влиять на жизнь других людей).

Ликвидация обязательной государственной службы для дворян, более распространенные в связи с этим случаи отставок и желание шляхетства вернуться в свои имения, открывали более благоприятные возможности разночинцам для проникновения в государственный аппарат и получения дворянского статуса. В определенной мере социальному разнообразию бюрократического аппарата Российской империи содействовала инкорпорация в это государство населения новоприсоединенных национальных территорий, в частности украинских земель. Например, на государственную службу, особенно в учреждения низших инстанций, все более поступали казаки, многие из которых со временем получали права или дворянства, или приравнивались к привычным российским сословиям – мещанам, купцам и т.д., но продолжали служить (и в конце концов часто все же выслуживали дворянство). В свое время казаческое сословие было довольно открытым, поэтому в его состав попадали представители разных социальных групп – от крестьян до шляхтичей (что позже создало ряд проблем во время "вписывания" казачества в социальную схему Российской империи).

Бюрократия Российской империи в исследуемый период, как мы отмечали выше, формировалась по европейским образцам и должна была приобретать черты внесословного образования. Но, не взирая на политику семьи Романовых, в период, когда старая родовая аристократия сливалась с той прослойкой общества, которая занималась "чиновным ремеслом", бюрократический аппарат стал многосословным. Но при этом родовая аристократия смогла сохранить за собой высшие должности в государстве и составила высшую бюрократию, которая оставалась в основном закрытой для представителей других социальных групп. Низшая же бюрократия была относительно открытой для лиц многих сословий. На разных уровнях бюрократического аппарата его доступность для лиц из разных слоев населения была неодинаковой. Если представители родовой аристократии, богатого дворянства могли начать службу сразу с более высоких государственных должностей, то для лиц из числа мелкого дворянства, купечества, мещанства, казачества и т.д. государственная гражданская служба могла начаться только с низших чиновничьих должностей, что делало возможность достижения ими высших служебных ступеней весьма призрачной (хотя исключения, естественно, случались).

Переориентируя по западному образцу управленческую сферу, правительство Романовых не смогло полностью заменить старую чиновническую систему, где было много

уже неэффективных элементов, на новую, исключительно европейскую. В результате такого симбиоза появилась бюрократическая система, которую часто характеризуют как созданную по европейским образцам, но которая в реальности являлась созданной разве что лишь под европейским влиянием. Фактически бюрократия Российской империи уже на начало – середину XIX в. больше представляла собой не систему, а прослойку населения, причем наиболее привилегированную и влиятельную в государстве. Даже когда в начале XIX в. шла речь об общественном мнении, то носителем этого мнения считалось именно чиновничество, но не народ. Основной характеристикой "общественности" этого периода была принадлежность к государственной службе.

В начале второй половины XIX в. император Александр II провел ряд реформ, которые непосредственно коснулись гражданской службы и служащих. В первую очередь это мероприятия, направленные на уравнивание в правах всех гражданских чиновников, выходцами из какого сословия они бы не являлись [29, с. 665]. Указ от 9 декабря 1856 г. позволял назначать чиновников в управленческие и судебные учреждения не из дворян. Реформа полиции 1862 г. лишила дворян права избирать земских исправников (их аналоги – начальники уездной полиции – теперь назначались правительством). Судебная реформа 1864 г. ликвидировала сословные суды, и судебные чиновники теперь также назначались правительством.

Заключение. Таким образом, в течение XVIII – первой половины XIX вв. служебное сословие Российской империи формировалось из различных социальных классов населения. Это делалось для того, чтобы наложить на него особую обязанность перед государством – государственную службу. Такая служба была постоянной повинностью этого сословия. Со временем те, кто ее исполнял, получали различные льготы, имения, права.

При этом прослеживаются определенные тенденции, во многом продиктованные тесной взаимосвязью и взаимозависимостью Дома Романовых и российского дворянства. Поскольку чиновники были допущены к управлению различными сферами государственной жизни, а значит были в большей или меньшей мере обличены государственной властью, дворяне не желали допускать на службу представителей "подлых" состояний. Но при этом армия государственных служащих быстро разрасталась, и обеспечить все должности только дворянами было физически невозможно, кроме того не все из них желали служить или отдавали предпочтение военной службе. Государство же нуждалось в чиновниках, в первую очередь образованных, независимо от их социального происхождения. При этом в правительстве почти всегда находились влиятельные сановники, которые пытались (и не безуспешно) при формировании бюрократического аппарата социальный фактор ставить выше образовательного.

Фактически на примере формирования и усовершенствования бюрократической системы Российской империи, которые происходили в XVIII – первой половине XIX вв. можно наблюдать "ломку" политического мышления правительства Романовых, борьбу устаревших феодальных взглядов с новыми прогрессивными буржуазными идеями. Такая борьба закончилась (хотя и не окончательно) все же в пользу последних в эпоху преобразований Александра II.

В целом политика Романовых в области реформирования административной системы, обеспечения ее служащими зачастую отклонялась от своей основной цели в сторону поиска "золотой середины" в отношениях правительства и старого (не чиновного) дворянства. Поэтому, с одной стороны, можно говорить о прогрессивном направлении политики российских императоров в области строительства бюрократической системы. Но с другой – их частые попытки найти компромисс и угодить консервативно настроенной части дворянства в социальном вопросе делали эту политику непоследовательной, что, в свою очередь, заметно ослабляло бюрократический аппарат, становилось причиной многих негативных явлений, которые в нем возникали, а также делали процесс становления бюрократии в империи очень затяжным по времени.

Примечания:

1. Александров М.С. (Ольминский М.). Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. М.: Книгоиздательство "Коммунист", 1919. 248 с.
2. Андреев Д.А. Размышления американского историка о "сценариях власти" в царской России // Вопросы истории. № 10. 2003. С. 96-116.

3. Бармак М.В. Формування владних інституцій Російської імперії на Правобережній Україні (кінець XVIII – перша половина XIX ст.). Тернопіль: АСТОН, 2007. 512 с.
4. Бартків В.П. Місцевий державний апарат Російської імперії і селянська реформа 1861 р. в Україні (історико-правове дослідження). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харків, 2002. 19 с.
5. Володько В.В. Чиновники системи управління та судочинства Київського намісництва (80-ті – перша половина 90-х рр. XVIII ст.): соціо-професійний портрет. Дис. ... канд. істор. наук. Київ, 2007. 258 с.
6. Голосенко І.А. Начальство. Очерки по истории российской социологии чиновничества конца XIX – начала XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. VIII. № 1. С. 54-85.
7. Градовский А.Д. История местного управления в России // Градовский А.Д. Собрание сочинений. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. Т. 2. 492 с.
8. Демидова Н.Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). Сб. ст. к 70-летию со дня рождения и 45-летию научной и педагогической деятельности Б.Б. Кафенгауза. М.: Издательство "Наука", 1964. С. 206-242.
9. Дитятин И.И. Из истории местного управления // Дитятин И.И. Статьи по истории русского права. СПб.: Паровая скоропечатня А. Пороховщикова, 1895. 636 с.
10. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 2008. 710 с.
11. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: "Мысль", 1978. 288 с.
12. Ивановский В.В. Бюрократия как самостоятельный общественный класс // Русская мысль. 1903. № 8. С. 1-23.
13. Каменский А.Б. Российское дворянство в 1767 году (К проблеме консолидации) // История СССР. № 1. 1990. С. 58-77.
14. Катаев И.М. Дореформенная бюрократия по запискам, мемуарам и литературе. СПб.: Книгоиздательство типо-литографии «Энергия», б/г. 180 с.
15. Козлова Н.В. Купцы в структуре государственного управления России XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. № 6. 1994. С. 3-14.
16. Козлова А.А. Отношение элиты российского дворянства к государственной службе в период правления Екатерины II. Дис. ...канд. ист. наук. М., 2007. 201 с.
17. Лазаревский Н. Бюрократия и общество // Право. 1905. № 4. 30 января. С. 205-214.
18. Морякова О.В. Провинциальное чиновничество в России второй четверти XIX века: социальный портрет, быт и нравы // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1993. № 6. С. 11-23.
19. Павленко Н.И. У истоков русской бюрократии // Вопросы истории. № 12. 1989. С. 3-17.
20. Парусов А.И. К истории местного управления в России первой четверти XIX столетия // Ученые записки Горьковского государственного университета. Серия историко-филологическая. Вып. 72. 1964. С. 155-226.
21. Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века // Человек. 1995. № 3 (май-июнь). С. 121-139.
22. Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Свод материала и приуготовительные этюды для исторического исследования. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1870. 564 с.
23. Токць С.М. Дзяржауны апарат царызму у Беларусі у 30-60-х гг. XIX ст. (структура, функцыі, чыноуніцкі корпус). Аутареф. дыс. ... канд. гістар. навук. Мінск, 1997. 23 с.
24. Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М.: Издательство «Наука», 1974. 396 с.
25. Троицкий С.М. Р. Джонс. Освобождение русского дворянства. 1762–1785 гг. Принстон, Нью Джерси, 1973. 326 с. // История СССР. № 1. 1976. С. 214-217.
26. Троицкий С.М. Об использовании опыта Швеции при проведении административных реформ в России в первой четверти XVIII века // Вопросы истории. № 2. 1977. С. 67-75.
27. Уортман Р.С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 520 с.

28. Шепелев Л.Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб.: «Искусство-СПБ», 1999. 479 с.
29. Яблочков М. История дворянского сословия в России. СПб.: Типография А.М. Котомина, 1876. 680 с.
30. Bennett H.A. Chiny, ordena, and officialdom // Russian officialdom: the bureaucratization of the Russian society from the seventeenth to the twentieth century (edited by Walter McKenzie and Don Karl Rowney). London, 1993. P. 162-189.
31. Pintner W. The evolution of civil officialdom, 1755-1855 // Russian officialdom from the 17th through the 20th centuries: The bureaucratization of Russian society / Ed. by Pintner W., Rowney D.K. Chapel Hill, 1980. P. 190-226.
32. Rowney D.K., Pintner W.M. Officialdom and bureaucratization: an introduction // Russian officialdom: the bureaucratization of the Russian society from the seventeenth to the twentieth century / Ed. by Walter McKenzie and Don Karl Rowney. London, 1993. P. 3-18.
33. Babkina E.A., Mamadaliev A.M. Russian Nobility Problems in XVIII Century // European researcher. 2011. № 4. P. 344-346.

References:

1. Aleksandrov M.S. (Ol'minskii M.). Gosudarstvo, byurokratiya i absolyutizm v istorii Rossii. M.: Knigoizdatel'stvo "Kommunist", 1919. 248 s.
2. Andreev D.A. Razmyshleniya amerikanskogo istorika o "stsenariyakh vlasti" v tsarskoi Rossii // Voprosy istorii. № 10. 2003. S. 96-116.
3. Barmak M.V. Formuvannya vladnikh institutsii Rossiiskoï imperii na Pravoberezhnii Ukraïni (kinets' XVIII – persha polovina XIX st.). Ternopil': ASTON, 2007. 512 s.
4. Bartkiv V.P. Mistsevi derzhavnii aparat Rossiiskoï imperii i selyans'ka reforma 1861 r. v Ukraïni (istoriko-pravove doslidzhennya). Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Kharkiv, 2002. 19 s.
5. Volod'ko V.V. Chinovniki sistemi upravlinnya ta sudochinstva Kiïv'skogo namisnitstva (80-ti – persha polovina 90-kh rr. XVIII st.): sotsio-profesiinii portret. Dis. ... kand. istor. nauk. Kiïv, 2007. 258 s.
6. Golosenko I.A. Nachal'stvo. Ocherki po istorii rossiiskoi sotsiologii chinovnichestva kontsa XIX – nachala XX vv. // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 2005. T.VIII. № 1. S. 54-85.
7. Gradovskii A.D. Istoriya mestnogo upravleniya v Rossii // Gradovskii A.D. Sobranie sochinenii. SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1899. T. 2. 492 s.
8. Demidova N.F. Byurokratizatsiya gosudarstvennogo apparata absolyutizma v XVII–XVIII vv. // Absolyutizm v Rossii (XVII–XVIII vv.). Sb. st. k 70-letiyu so dnya rozhdeniya i 45-letiyu nauchnoi i pedagogicheskoi deyatel'nosti B.B. Kafengauza. M.: Izdatel'stvo "Nauka", 1964. S. 206-242.
9. Dityatin I.I. Iz istorii mestnogo upravleniya // Dityatin I.I. Stat'i po istorii russkogo prava. SPb.: Parovaya skoropechatnya A. Porokhovshchikova, 1895. 636 s.
10. Eroshkin N.P. Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolyutsionnoi Rossii. M., 2008. 710 s.
11. Zaionchkovskii P.A. Pravitel'stvennyi aparat samodержавnoi Rossii v XIX v. M.: "Mysl'", 1978. 288 s.
12. Ivanovskii V.V. Byurokratiya kak samostoyatel'nyi obshchestvennyi klass // Russkaya mysl'. 1903. № 8. S. 1-23.
13. Kamenskii A.B. Rossiiskoe dvoryanstvo v 1767 godu (K probleme konsolidatsii) // Istoriya SSSR. № 1. 1990. S. 58-77.
14. Kataev I.M. Doreformennaya byurokratiya po zapiskam, memuarom i literature. SPb.: Knigoizdatel'stvo tipo-litografii «Energiya», b/g. 180 s.
15. Kozlova N.V. Kuptsy v strukture gosudarstvennogo upravleniya Rossii XVIII v. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya. № 6. 1994. S. 3-14.
16. Kozlova A.A. Otnoshenie elity rossiiskogo dvoryanstva k gosudarstvennoi sluzhbe v period pravleniya Ekateriny II. Dis. ... kand. ist. nauk. M., 2007. 201 s.
17. Lazarevskii N. Byurokratiya i obshchestvo // Pravo. 1905. № 4. 30 yanvarya. S. 205-214.
18. Moryakova O.V. Provintsial'noe chinovnichestvo v Rossii vtoroi chetverti XIX veka: sotsial'nyi portret, byt i nray // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya. 1993. № 6. S. 11-23.
19. Pavlenko N.I. U istokov russkoi byurokratii // Voprosy istorii. № 12. 1989. S. 3-17.

20. Parusov A.I. K istorii mestnogo upravleniya v Rossii pervoi chetverti XIX stoletiya // Uchenye zapiski Gor'kovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istoriko-filologicheskaya. Vyp. 72. 1964. S. 155-226.
21. Pisar'kova L.F. Rossiiskii chinovnik na sluzhbe v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka // Chelovek. 1995. № 3 (mai-iyun'). S. 121-139.
22. Romanovich-Slavatinskii A. Dvoryanstvo v Rossii ot nachala XVIII veka do otmeny krepostnogo prava. Svod materiala i priugotovitel'nye etyudy dlya istoricheskogo izsledovaniya. SPb.: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del, 1870. 564 s.
23. Tokts' S.M. Dzyarzhauy aparat tsaryzmu u Belarusi u 30-60-kh gg. XIX st. (struktura, funktsyi, chynounitski korpus). Autaref. dys. ... kand. gistar. navuk. Minsk, 1997. 23 s.
24. Troitskii S.M. Russkii absolyutizm i dvoryanstvo v XVIII v. Formirovanie byurokratii. M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1974. 396 s.
25. Troitskii S.M. R. Dzhons. Osvobozhdenie russkogo dvoryanstva. 1762–1785 gg. Prinston, N'yu Dzherisi, 1973. 326 s. // Istoriya SSSR. № 1. 1976. S. 214-217.
26. Troitskii S.M. Ob ispol'zovanii opyta Shvetsii pri provedenii administrativnykh reform v Rossii v pervoi chetverti XVIII veka // Voprosy istorii. № 2. 1977. S. 67-75.
27. Uortman R.S. Vlastiteli i sudii: Razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoi Rossii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. 520 s.
28. Shepelev L.E. Chinovnyi mir Rossii: XVIII – nachalo XX v. SPb.: «Iskusstvo-SPB», 1999. 479 s.
29. Yablochkov M. Istoriya dvoryanskogo sosloviya v Rossii. SPb.: Tipografiya A.M. Kotomina, 1876. 680 s.
30. Bennett H.A. Chiny, ordena, and officialdom // Russian officialdom: the bureaucratization of the Russian society from the seventeenth to the twentieth century (edited by Walter McKenzie and Don Karl Rowney). London, 1993. P. 162-189.
31. Pintner W. The evolution of civil officialdom, 1755-1855 // Russian officialdom from the 17th through the 20th centuries: The bureaucratization of Russian society / Ed. by Pintner W., Rowney D.K. Chapel Hill, 1980. P. 190-226.
32. Rowney D.K., Pintner W.M. Officialdom and bureaucratization: an i ntroduction // Russian officialdom: the bureaucratization of the Russian society from the seventeenth to the twentieth century / Ed. by Walter McKenzie and Don Karl Rowney. London, 1993. P. 3-18.
33. Babkina E.A., Mamadaliev A.M. Russian Nobility Problems in XVIII Century // European researcher. 2011. № 4. P. 344-346.

УДК 323.37(477)"17-18

**Проблема социального происхождения чиновников в политике Романовых
(XVIII – первая половина XIX вв.)**

Сергей Иванович Дегтярев

Сумский государственный университет, Украина
40009, г. Сумы, ул. Коминтерна, д. 17
Кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В работе рассматриваются попытки правительства Российской империи разрешить проблему социального происхождения чиновников при формировании бюрократического аппарата в эпоху от правления Петра I до Александра II. В частности внимание уделено вопросу "одворянивания" государственной службы и степени его актуальности в период буржуазных преобразований.

Ключевые слова: чиновничество; бюрократия; государственная служба; политика; Романовы; Российская империя; сословие.

UDC 94 (47). 071 + 94(47). 072

Reorganising the Local Government at the End of the 18th and the Beginning of the 19th Centuries: Comparative Analysis of the Policies of Paul I and Alexander I

Jurij V. Tot

Saint-Petersburg State University, Russian Federation
199034, Saint-Petersburg, Mendeleevskaya liniya, 5
Dr. (History)
E-mail: y.tot@spbu.ru

Abstract. The article examines the reorganisation of the local government undertaken by Paul I and Alexander I at the beginning of their reigns. In utilising legal acts, minutes of sessions of the State Council as well the historiography of the problem, the author comes to a conclusion regarding the identity of the policies of Paul I and Alexander I.

Keywords: Alexander I; State Council; Governor General; province; nobility; local government; Paul I; judicial institutions; district.

Введение. История административных преобразований, в том числе и местного управления, вызывает у современных исследователей определенный интерес [1]. Важным этапом в изучении этой темы являются преобразования Павла I и Александра I, осуществленные до проведения министерской реформы.

В отечественной историографии сформировались различные подходы к оценке характера и взаимосвязи преобразований государственного управления, проведенных Павлом I и Александром I. М.Н. Милюков [2, с. 61] и А.Е. Пресняков [3, с. 163] утверждали, что Александр I сохранил многие установления отца в административной сфере, а затем и развил их. Московский историк А.Б. Каменский, сторонник другой точки зрения, отмечает, что Александр I по большей части сохранял «сугубо формальные, малозначительные элементы системы» Павла I, которые ему, «имевшему широкую преобразовательную программу, представлялись попросту незначительными и не носящими принципиального характера» [4, с. 114].

Анализ мер по реорганизации местного управления, проведенных Александром I в период между опубликованием манифеста о восшествии на престол и учреждением министерств (12 марта 1801 г. – 8 сентября 1802 г.), позволит установить сходство или различие, сближение или расхождение с аналогичными действиями Павла I. Манифест о восшествии на престол – по большей части декларация, отражение конкретного исторического момента – возвестил о намерении Александра править «по законам и по сердцу в Бозе почивающей августейшей бабки нашей, государыни императрицы Екатерины Великой» [5]. Манифест об учреждении министерств – начало нового этапа преобразования государственного управления. Основные его контуры были очерчены Александром I и Негласным комитетом именно в этот период, суть которого состояла в преодолении декларативности первого манифеста и разработке положений второго.

Материалы и методы. При написании статьи автор основывался на традиционных источниках изучения внутренней политики: законодательных, делопроизводственных и мемуарных. Методологической основой статьи являются принцип историзма, а также периодизационный, системный, сравнительный и персонально-биографический методы исторического исследования.

Обсуждение. Основные направления реорганизации местного управления, осуществленные Павлом I, заключались в следующем. Указ 12 декабря 1796 г. изменил административно-территориальное деление империи. Вместо 50 губерний была образована 41 (исключая Область Войска Донского) [6]. Из них 30 должны были управляться на основе общих законов, а 11, находившиеся на западных, северо-западных и юго-западных границах, – на «особых основаниях». По подсчетам М.В. Ключкова, в ходе реформы 27 губерний (т.е. 2/3 от общего их числа) были образованы на основе прежних территорий и только 1/3 – посредством «перетасовок екатерининских» губерний. При этом число уездов сократилось

на 143 единицы. Численность населения в губерниях варьировалась от 100 до 650 тысяч человек [7, с. 414-415].

Существенной корректировке подверглась система местного управления. Упразднился институт наместничества [8], изменялась структура и штаты губернских и уездных учреждений. Согласно сравнительной таблице штатов местных учреждений, действовавших в правление Екатерины II и Павла I, составленной М.В. Ключковым, эти изменения выглядят так. В губернии было упразднено пять инстанций (верхний земский суд, губернский магистрат, верхняя расправа, совестный суд и приказ общественного призрения), а в уезде – две инстанции (городовой магистрат, нижние расправы). Уголовная и гражданская палаты были объединены в одно учреждение – палату суда и расправы. В итоге к концу царствования Павла I в губернском звене управления вместо девяти действовало три учреждения: Губернское правление, Палата суда и расправы, Казенная палата, а в уездном – из семи – четыре: Правление городничего, Уездный суд (в его состав входил уездный предводитель дворянства и дворянская опека), уездное казначейство, Нижний земский суд. Упразднение отдельных судебных учреждений повлекло за собой сокращение должностей прокурора и стряпчих в этих инстанциях, а в составе нижнего земского суда – должностей двух сельских заседателей. В штатном расписании губернии были сохранены должности прокурора, землемера, архитектора, механика, а в штатном расписании уезда – должности землемера, доктора, лекаря, 2 подлекарей и 2 учеников лекаря. По данным В.М. Ключкова, численность екатерининской губернской администрации (в среднем для каждой губернии он определял 10 уездов) составляла 460 человек, а сумма на их содержание не превышала 116 тыс. рублей. Павел I сократил число чиновников местной администрации почти вдвое, до 243, а расход на них более чем на 1/3, определив его в 72 тыс. рублей [7, с. 589-592].

Упразднение отдельных структур местного управления привело к замене представителей администрации, избираемых дворянством, коронными чиновниками. М.В. Ключков, рассматривая новые штаты местных учреждений, констатировал, что дворянство было вытеснено из «судебно-административных учреждений, перешедших после того всецело в руки назначенных от короны чиновников, дворянству было оставлено лишь право выбора должностных лиц, обслуживавших прежде всего чисто дворянские интересы... предводителей дворянства, депутатов и секретаря» [7, с. 473].

Сословные представители (по два выборных дворянских заседателя) значились только в нижнем земском и уездном судах, т.е. уездном звене управления. Уездный суд стал всесословным, так как его юрисдикция распространялась не только на дворян, но и на все население уезда (за исключением городского). В селениях удельных (затем государственных) крестьян в 1797 г. было введено волостное самоуправление. Волость образовывали 6000 ревизских душ. На волостном сходе крестьяне избирали волостное правление (волостной голова и два заседателя). Сельский сход (до 20 дворов) избирал старшину и старост (помощников старшины), а также сотских и десятских. Крестьяне получили земельный надел, их недоимки списывались, хлебная подать заменялась денежным оброком [9].

В историографии сложились два основных мнения по вопросу о причинах и итогах реорганизации местного управления на рубеже XVIII–XIX вв. Одни исследователи утверждают, что император во внутренней политике реализовывал «накопившуюся в его душе ненависть ко всему тому, что делала его мать» [10, с. 41]. Другие, наоборот, полагают, что он воплощал в жизнь конкретную политическую программу, заключавшуюся в укреплении власти монарха, программу централизации и бюрократизации государственного управления [11, с. 44-45]. Первая точка зрения доминировала в дореволюционной историографии, вторая, получившая развитие в монографии М.В. Ключкова, была поддержана частью советских историков. Изучение этих проблем современными исследователями осуществляется в двух плоскостях. С одной стороны, преодолевается дореволюционная историографическая традиция, объясняющая преобразования Павла I его неприятием «деяний великой императрицы», и внутренняя политика императора рассматривается сквозь призму централизации управления [12, с. 17]. С другой – административные преобразования Павла I анализируются таким образом, чтобы выявить в них не только наличие, но и развитие тенденций, проявившихся ранее в политике Екатерины II [13, с. 196-197].

Первые указы Александра I, изданные в период с марта по июнь 1801 г., отменяли распоряжения Павла I, ограничивавшие сословные права и привилегии дворянства, восстанавливали дворянские выборы, положения Жалованных грамот дворянству и городам, разрешали свободный выезд за пределы России [14]. Вопросы местного управления и административно-территориального устройства империи, за исключением введения выборных представителей от дворян в уездный и нижний земский суды [15], не нашли отражения в законодательных актах. Отношение к этой проблеме в правительственных кругах формировалось постепенно, в ходе 15 заседаний Государственного совета в период с 25 апреля по 12 августа 1801 г.

Заседание Совета 25 апреля 1801 г. было посвящено «положению государственных и судебных губернских мест». Члены совета считали необходимым изучить состояние как упраздненных, так и функционировавших губернских учреждений, включая их штаты и принципы финансирования. На следующем заседании, 23 мая 1801 г., Совет констатировал, что значительная протяженность территорий некоторых губерний и многочисленность населения значительно снижают уровень их управления, осложняя служебные отношения между различными судебными инстанциями. Устранить эти «неудобства» предлагалось посредством изменения действовавшего административно-территориального деления, восстановив, насколько возможно, число губерний, существовавших до введения штатов 1796 г. [16, стлб. 69].

Вопросы организации губернского управления рассматривались на следующем заседании Совета, 27 мая 1801 г. Члены совета выступили за восстановление в великорусских губерниях «мест, положенных по учреждениям («Учреждения о губерниях» 1775 г. – Ю. Т.)». Предлагалось также рассмотреть целесообразность восстановления упраздненных институтов местного управления и возможность «некоторой в них перемены», что, однако, не касалось губерний, «на особых правах состоящих», так как порядок управления ими предполагал «особенное и дальнейшее соображение». Конкретные предложения по реализации намеченных проблем предполагалось сформировать в ходе «чтения» соответствовавших разделов «Учреждений», которое было проведено на четырех заседаниях (30 мая, 3, 6 и 10 июня 1801 г.) [16, стлб. 71-72]. Таким образом, Совет, пересматривая организацию местного управления, не предполагал выходить за рамки екатерининского законодательства о губерниях.

В итоге Государственный совет предложил восстановить должности губернских стряпчих по гражданским и уголовным делам, рассматривая их как «необходимых помощников губернскому прокурору», совестный суд, состоявший из судьи и выборных заседателей (по два) от дворян, купечества и казенных крестьян, а также палаты уголовного и гражданского суда. В каждой из них надлежало образовать присутствие: председатель, советник от короны и выборные заседатели (по два) от дворянства и купечества. Численность уездного суда предстояло увеличить за счет двух заседателей от казенных крестьян, переводившихся из нижней расправы. Следовало наделить уездный суд правом назначать «способных людей» на должность секретаря. Состав нижнего земского суда (уездная полиция) предлагалось пополнить двумя выборными заседателями от казенных крестьян. Кроме того предлагалось увеличить штаты, а также изменить организацию различных местных учреждений [16, стлб. 73-75, 77, 79].

Большинство членов Государственного совета на заседании 13 июня 1801 г. высказалось за восстановление института генерал-губернатора не только в пограничных и «на особенных правах состоящих» губерниях, но и «вообще» во всех губерниях. Целесообразность этой меры обосновывалась необходимостью введения «единообразия» в управлении и «лучшей связи в делах и в земском управлении» [16, стлб. 72-73]. Права и обязанности генерал-губернатора должны были регламентироваться соответствующими статьями «Уложений о губернии» 1775 г.

Отличную от других членов Государственного совета позицию по реорганизации местного управления занимал А.Р. Воронцов, изложивший ее во «Мнении об образовании присутственных мест в губерниях». Он не поддержал предложение о повсеместном восстановлении генерал-губернаторств, полагая, что должность генерал-губернатора следовало учредить только в приграничных и «на особенных правах состоящих» губерниях [16, стлб. 76-77].

Особое внимание А.Р. Воронцов уделил проблеме восстановления совестного суда. Он считал необходимым учредить его в каждой губернии, подчеркивая, что эта судебная

инстанция, согласно «Учреждениям о губерниях», должна «служить ограждением личной безопасности и преградою противу злоупотребления власти». Он предлагал законодательно развить положение о совестном суде, претворив в жизнь то, что «в учреждении о губерниях предоставлялось учинить впредь», а именно: учредить высший совестный суд в Санкт-Петербурге, определить его функции и пределы компетенции, подчинив ему все совестные суды [16, стлб. 76].

Автор «Мнения», выдвигая это положение, возможно, намеревался привлечь внимание высшей власти к проблеме формирования судебной вертикали, институты которой могли стать определенным гарантом в деле защиты «личной безопасности» подданных от «злоупотребления власти».

Обратим внимание на еще одно предложение А.Р. Воронцова, относящееся к совестному суду и зафиксированное в журнале заседания Совета 17 июня 1801 г., но отсутствующее в тексте «Мнения», – предоставить право выбирать судью совестного суда дворянству [16, стлб. 74]. Таким образом, вертикаль судебной власти должна была опираться на «первейшее» сословие государства.

А.Р. Воронцов считал необходимым не только увеличить число губерний, поддержав аналогичное предложение Совета, но и уездов, вернув статус уездных городов населенным пунктам, утратившим его в соответствии с указами Павла I. Разделяя позицию большинства Совета о возвращении дворянам права выбирать своих представителей в судебные учреждения, он тем не менее не считал обязательным восстановить все упраздненные Павлом I местные установления, обосновывая свои соображения нежеланием «умножать инстанции» и отягощать казну значительными «ежегодными издержками» [16, стлб. 75-76].

На заседании Совета 12 августа 1801 г. при окончательном рассмотрении текста указа о губерниях Д.П. Троицкий огласил мнение Александра I о преамбуле этого документа. «Изобразить сильнее во введении сего указа, – указывал император, – что не одно подражание бывшим примерам, а тем менее прихотливое желание новизны заставили приступить к сему преобразованию, но государственные нужды и уважение пользы» [16, стлб. 83]. Несмотря на общий характер формулировки, позиция монарха по вопросу преобразования местного управления была заявлена весьма конкретно. Она не сводилась только к ревизии политики Павла I или стремлению к «новизне». Вносимые коррективы должны были соответствовать насущным потребностям местного управления, что предполагало как сохранение, так и упразднение действовавших институтов, а также введение в их структуру, организацию и компетенцию новых элементов.

9 сентября 1801 г. был опубликован указ «О восстановлении пяти губерний и о подчинении пограничных губерний военным губернаторам». Однако его содержание не определялось названием. В преамбуле закона необходимость изменений в таком «пространном государстве как Империя Российская» обосновывалась двумя обстоятельствами. Во-первых, важностью «исполнения закона», так как «государственные нужды и пользы» предполагали «от времени до времени» корректировку государственного управления, а во-вторых, тем, что эффективность деятельности исполнительной власти зависела от «соразмерного распределения ее относительно к пространству земли, населению ее и нуждам обывателей». Выявленная закономерность между исполнением закона и «пространством государства», как полагали авторы преамбулы, позволила определить «затруднения и неудобства» в осуществлении правосудия и деятельности земской полиции (нижний земский суд) [17]. Указание императора было исполнено, но оно оказалось воплощенным в еще более пространной форме, чем поставленная задача.

Согласно указу 9 сентября 1801 г., восстанавливались Пензенская, Олонецкая губернии, упраздненные в 1796–1797 гг. В Малороссии, Литве и Белоруссии образовывались три новых губернии. В приграничные, а также имевшие особый статус, губернии назначались десять военных губернаторов. Тем самым Александр I поддержал А.Р. Воронцова, а не Совет, предлагавший повсеместно ввести должность генерал-губернатора. Изменялись структура и штаты местных учреждений. Восстанавливались должности губернских стряпчих по гражданским и уголовным делам, в казенной палате дополнительно учреждалась должность асессора. Палата суда и расправы была вновь разделена на палаты уголовного и гражданского суда в составе председателя палаты и советника, назначаемых правительством, и двух выборных заседателей (от дворянства и купечества). Возобновлял деятельность совестный суд и приказ общественного призрения. Совестный суд и его присутствие образовывали судья, избираемый дворянством, и

выборные заседатели (по два) от дворянства, купечества и казенных крестьян. Приказ общественного призрения, возглавлявшийся губернатором, формировался из заседателей совестного суда (по одному от каждого сословия) и секретаря. Численность уездного и нижнего земского суда увеличивалась за счет двух заседателей от свободной части крестьянского населения. Возрастала сумма, выделявшаяся на канцелярские расходы уездного суда. Чиновникам, возглавлявшим нижний земский и уездный суды, предоставлялось право назначать «способных людей» на должность секретаря [17].

Из текста указа следует, что идеи, сформулированные в преамбуле закона и обозначенные Александром I, были реализованы. Во-первых, восстанавливались упраздненные Павлом I административные и судебные учреждения, расширялись их штаты, дворянство возвращалось если не на первые, то, как минимум, на ведущие позиции в местном управлении. Во-вторых, не был воссоздан верхний земский суд, верхняя расправа, нижняя расправа, но учтены предложения А.Р. Воронцова о совестном суде и генерал-губернаторах. Таким образом, процесс подготовки указа и его окончательный текст свидетельствуют о том, что для Александра I статьи «Уложений о губерниях» не являлись догмой.

Александр I был хорошо осведомлен о состоянии местного управления не только во время правления Павла I, но и Екатерины II. В литературе нередко цитируется его письмо В.П. Кочубею от 10 мая 1796 г., в котором будущий император критически характеризовал систему государственного управления, сформировавшуюся в правление императрицы. «В наших делах, – отмечал он, – господствует неимоверный беспорядок; грабеж со всех сторон; все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду, и Империя, несмотря на то, стремится лишь к расширению своих пределов. При таком ходе вещей возможно ли одному человеку управлять государством, а тем более исправлять укоренившиеся в нем злоупотребления, это выше сил не только человека, одаренного, подобно мне, обыкновенными способностями, но даже и гения» [18, с. 150].

Современный исследователь Л.Ф. Писарькова справедливо отмечает, что законодательную политику Павла I и Александра I в сфере местного управления сближало стремление отказаться «от четкой сословной организации судебной системы, введенной Екатериной II». По мнению историка, если Павел I «полностью исключил выборный элемент из губернских учреждений и превратил его в фикцию в уездных учреждениях», то Александр I, восстановив выборы, «даже расширил участие выборных лиц в государственном управлении». В палатах уголовного и гражданского суда впервые стали заседать представители от дворян и купечества, а в уездных судах, наряду с выборными от дворян – представители от крестьян [12, с. 50-51]. Л.Ф. Писарькова, рассматривая внесенные Александром I изменения в местное управление, обоснованно устанавливает их связь с аналогичными мерами Павла I, но, отмечая сходство между ними, она не оттеняет различий. Именно они, несмотря на кажущуюся парадоксальность, подчеркивают это сходство.

Ослабляя доминирование первого сословия в учреждениях местного управления, сокращая число судебных инстанций, упрощая принципы судостроительства и судопроизводства, формируя волостное самоуправление, Павел I не только стремился к централизации управления, но и объективно укреплял позиции других сословий в системе местного управления. Александр I, возвратив дворянских выборных в местные учреждения, но введя в эти учреждения выборных от купечества, также ослаблял положение дворянства, фактически растворяя его представителей в выборных от «неблагородных сословий». По существу он, как и Павел I, способствовал формированию начал всесословной организации местного управления. Таким образом, главный вектор политики Павла I и Александра I в сфере реорганизации местного управления совпадал.

Тем не менее следует отметить одно важное отличие. Павел I осуществлял эту политику практически демонстративно, а его сын пытался максимально ее завуалировать. Изучая личность Александра I, биографы отмечали его скрытность, способность приспособливаться к людям и обстоятельствам, настойчивость в достижении поставленной цели. «У него был характер, и в иных случаях очень твердый. Он умел долго и упорно желать и ждать, – оценивал императора как политического деятеля советский историк Е.В. Тарле. – И уже выдумав что-нибудь, царь ни перед чем не останавливался, чтобы провести в жизнь свою выдумку...» [19, с. 444]. Иначе, но в том же контексте, характеризовал

царя хорошо его знавший М.М. Сперанский: «Александр слишком слаб, чтобы управлять, и слишком силен, чтобы быть управляемым» [19, 445].

В свете приведенных оценок примечателен следующий факт: 23 июля 1801 г. на заседании Негласного комитета В.П. Кочубей попытался инициировать обсуждение вопроса о восстановлении института генерал-губернаторов. В изложении П.А. Строганова дело обстояло так: «В конце заседания граф Кочубей заговорил о невыгоде назначить военных губернаторов, с подчинением им гражданской части, о которой они иногда не имеют понятия, и выразил мысль, что было бы полезно восстановить прежних генерал-губернаторов». О нежелании Александра I рассматривать этот вопрос и даже о его раздражении, вызванном выступлением В.П. Кочубея, П.А. Строганов высказался лаконично, но весьма эмоционально: «Это предложение встретило такое сильное противоречие со стороны самого императора, что дело было оставлено. Государь прервал разговор...» [20, с. 43].

Впоследствии император будет неоднократно менять свое отношение к этой проблеме. Указ 15 апреля 1803 г. фактически приравнял военных губернаторов, назначенных указом 9 сентября 1801 г. в приграничные и обладавшие особым статусом губернии, к генерал-губернаторам эпохи Екатерины II. «Военные губернаторы, управляющие гражданской частью по всем отношениям, до присутственных мест касающимся, – подчеркивалось в указе, – сообразовались с должностью главнокомандующего (генерал-губернатор – Ю. Т.), предначертанную в высочайшем учреждении об управлении губернией и поступали по оной» [21].

В 1801–1803 гг. продолжилась реализация основных положений указа 9 сентября 1801 г.: были восстановлены упраздненные Павлом I уезды, а городам, не только выведенным за штат, но и вновь образованным, был предоставлен статус уездного центра [22]. По сведениям Л.Ф. Писарьковой, из 143 упраздненных Павлом I уездов, не было воссоздано 39, что составило более 27 % их общей численности [12, с. 49].

Заключение. Административно-территориальное деление Российской империи, установленное в начале правления Александра I, не соответствовало екатерининскому точно так же, как организация и структура учреждений местного управления – «Учреждениям о губерниях» 1775 г. И это не единственное совпадение в реорганизациях местного управления, осуществленных Павлом I и Александром I. Тожественны были определившие характер реорганизации государственного управления цели, к достижению которых они шли разными путями. Павел I видел их в централизации государственного управления и постепенном ограничении влияния дворянства на институты местного управления. Александр I – в более широком участии представителей «неблагородных» сословий в местном управлении и завершении процесса образования министерств, начавшегося при Павле I и ставшего важным звеном в централизации управления. Как Павел I, так и Александр I рассматривали реорганизацию местного управления в контексте общей централизации управления. «Вместе с учреждением министерств помышлено было и о лучшем образовании губернского устройства, но ни в 1802 г., ни в 1809–1811 гг. не было составлено полного на сию часть проекта, – писал в конце царствования Александра I М.М. Сперанский. – Все состояло токмо в разных мыслях и первоначальных начертаниях» [23, с. 73].

Примечания:

1. Административные реформы в России: история и современность. М.: Росспэн, 2006. 645 с.; Шепелев Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб.: «Искусство-СПб», 2007. 461 с.; Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: Замыслы, проекты, воплощение. М.: «Новый хронограф», 2012. 448 с.
2. Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. Ч. 1. М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», Редакция газеты «Труд», 1993. 528 с.
3. Пресняков А.Е. Александр I // Российские самодержцы. М.: «Книга», 1990. С. 145–257.
4. Каменский А.Б. Административное управление в России XVIII в. // Административные реформы в России: история и современность. М.: Росспэн, 2006. С. 60–115.

5. Манифест о кончине императора Павла I и вступлении на престол императора Александра I // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 26. № 19779. СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 583-584.
6. О новом разделении государства на губернии // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 24. № 17634. СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 229-230.
7. Ключков М.В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг.: Сенатская типография, 1916. 615 с.
8. О сроках разбора и сдачи дел присутственных мест, упраздненных по случаю нового образования губерний // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 24. № 17677. СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 249-250.
9. Учреждение об императорской фамилии. № 17906. (Отд. 8). С. 525-569; О разделении казенных селений на волости и о порядке внутреннего их управления. № 18082. С. 672-677. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 24. СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830.
10. Корнилов А.А. Курс истории России XIX в. Ч. I. Лекция III. М.: «Высшая школа», 1993. 446 с.
11. Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.- Л.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 456 с.
12. Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: Замыслы, проекты, воплощение. М.: «Новый хронограф», 2012. 448 с.
13. Анисимов Е.В. Россия при Павле I // Власть и реформы. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1996. С. 191-198.
14. О восстановлении дворянских выборов. № 19790. С. 590-591; О свободном пропуске едущих в Россию и из оной отъезжающих. № 19801. С. 593-595; О восстановлении жалованной дворянству грамоты. № 19810. С. 601-602; О восстановлении Городового положения и грамоты данной городам. №. 19811. С. 602-603; О восстановлении статей Городового положения, отмененными состоявшимися после этого указами. № 19901. С. 667-670 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 26. СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830.
15. О восстановлении дворянских выборов // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 26. № 19790. СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 590-591.
16. Архив Государственного Совета. Т. 3. Царствование императора Александра I (1801–1810 гг.). Часть 1. СПб.: В Типографии II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1878. 884 стлб.
17. О восстановлении пяти губерний и о подчинении пограничных губерний военным губернаторам // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 26. № 20004. СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 775-780.
18. Цит. по: Шильдер Н.К. Александр I // Русский биографический словарь. Т. 1. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1896. 892 с.
19. Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию 1812 г. // Сочинения. Т. VII. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. 866 с.
20. Извлечения из «Заседаний неофициального комитета» // Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 1. Приложение. СПб.: Типография Ф. Сущинского, 1869. С. 39-91.
21. О поступании военным губернаторам, управляющим гражданскою частию по всем отношениям, до присутственных мест касающимся, по должности главнокомандующего // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 27. № 20713. СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 541-542.
22. О восстановлении заштатных городов разных губерний. № 20245. С. 124-125; Об оставлении города Петрозаводска губернским, о восстановлении в Олонецкой губернии трех городов с их уездами, о присоединении города Кеми от Олонецкой губернии к Архангельской и о штатах Олонецкой и Архангельской губерний. № 20455. С. 305; О высочайшем утверждении штатов для губерний: Тамбовской, Воронежской, Пензенской и

Саратовской. С. 633. (См.: Книга штатов. Отделение IV. ПСЗ-1. Т. XLIV. Царствование государя Александра I (1801–1812) С. 20-22) // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 27. СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830.

23. Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений. Отдел полицейский. Часть I. Отделение I. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1870. 638 с.

References:

1. Administrativnye reformy v Rossii: istoriya i sovremennost'. M.: Rosspen, 2006. 645 s.; Shepelev L.E. Apparat vlasti v Rossii. Epokha Aleksandra I i Nikolaya I. SPb.: «Iskusstvo-SPB», 2007. 461 s.; Pisar'kova L.F. Gosudarstvennoe upravlenie Rossii v pervoi chetverti XIX v.: Zamysly, proekty, voploshchenie. M.: «Novyi khronograf», 2012. 448 s.
2. Milyukov P.N. Ocherki po istorii russkoi kul'tury. T. 1. Ch. 1. M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress», «Kul'tura», Redaktsiya gazety «Trud», 1993. 528 s.
3. Presnyakov A.E. Aleksandr I // Rossiiskie samodержzhtsy. M.: «Kniga», 1990. S. 145-257.
4. Kamenskii A.B. Administrativnoe upravlenie v Rossii XVIII v. // Administrativnye reformy v Rossii: istoriya i sovremennost'. M.: Rosspen, 2006. S. 60-115.
5. Manifest o konchine imperatora Pavla I i vstuplenii na prestol imperatora Aleksandra I // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. T. 26. № 19779. SPb.: Pечатано в Типографии II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. Kantselyarii, 1830. S. 583-584.
6. O no vom razdelenii gosudarstva na g ubernii // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. T. 24. № 17634. SPb.: Pечатано в Типографии II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. Kantselyarii, 1830. S. 229-230.
7. Klochkov M.V. Ocherki pravitel'svennoi deyatelnosti vremeni Pavla I. Pg.: Senatskaya tipografiya, 1916. 615 s.
8. O srokakh razbora i sdachi del prisutstvennykh mest, uprazdnennykh po sluchayu novogo obrazovaniya gubernii // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. T. 24. № 17677. SPb.: Pечатано в Типографии II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. Kantselyarii, 1830. S. 249-250.
9. Uchrezhdenie ob imperatorskoi familii. № 17906. (Otd. 8). S. 525-569; O razdelenii kazennykh selenii na volosti i o p oryadke vnutrennego ikh upravleniya. № 18082. S. 672-677. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. T. 24. SPb.: Pечатано в Типографии II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. Kantselyarii, 1830.
10. Kornilov A.A. Kurs istorii Rossii XIX v. Ch. I. Lektsiya III. M.: «Vysshaya shkola», 1993. 446 s.
11. Predtechenskii A.V. Ocherki obshchestvenno-politicheskoi istorii Rossii v pervoi chetverti XIX v. M.- L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1957. 456 s.
12. Pisar'kova L.F. Gosudarstvennoe upravlenie Rossii v pervoi chetverti XIX v.: Zamysly, proekty, voploshchenie. M.: «Novyi khronograf», 2012. 448 s.
13. Anisimov E.V. Rossiya pri Pavle I // Vlast' i reformy. SPb.: «Dmitrii Bulanin», 1996. S. 191-198.
14. O vosstanovlenii dvoryanskikh vyborov. № 19790. S. 590-591; O svobodnom propuske edushchikh v Rossiyu i iz onoi ot"ezhayushchikh. № 19801. S. 593-595; O vosstanovlenii zhalovannoi dvoryanstvu gramoty. № 19810. S. 601-602; O vosstanovlenii Gorodovogo polozheniya i gramoty dannoi gorodam. №. 19811. S. 602-603; O vosstanovlenii statei Gorodovogo polozheniya, otmenennymi sostoyavshimisya posle etogo ukazami. № 19901. S. 667-670 // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. T. 26. SPb.: Pечатано в Типографии II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. Kantselyarii, 1830.
15. O vosstanovlenii dvoryanskikh vyborov // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. T. 26. № 19790. SPb.: Pечатано в Типографии II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. Kantselyarii, 1830. S. 590-591.
16. Arkhiv Gosudarstvennogo Soveta. T. 3. Tsarstvovanie imperatora Aleksandra I (1801–1810 gg.). Chast' 1. SPb.: V Типографии II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. Kantselyarii, 1878. 884 stlb.
17. O vosstanovlenii pyati gubernii i o p odchinenii pogranychnykh gubernii voennym gubernatoram // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. T. 26. № 20004. SPb.: Pечатано в Типографии II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. Kantselyarii, 1830. S. 775-780.

18. Tsit. po: Shil'der N.K. Aleksandr I // Russkii biograficheskii slovar'. T. 1. SPb.: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1896. 892 s.
19. Tarle E.V. Nashestvie Napoleona na Rossiyu 1812 g. // Sochineniya. T. VII. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959. 866 s.
20. Izvlecheniya iz «Zasedanii neofitsial'nogo komiteta» // Bogdanovich M.I. Istoriya tsarstvovaniya imperatora Aleksandra I i Rossii v ego vremena. T. 1. Prilozhenie. SPb.: Tipografiya F. Sushchinskogo, 1869. S. 39-91.
21. O postupanii voennym gubernatoram, upravlyayushchim grazhdanskoyu chastiyu po vsem otnosheniyam, do prisutstvennykh mest kasayushchimsya, po dolzhnosti glavnokomanduyushchego // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. T. 27. № 20713. SPb.: Pечатano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. Kantselyarii, 1830. S. 541-542.
22. O vosstanovlenii zashtatnykh gorodov raznykh gubernii. № 20245. S. 124-125; Ob ostavlennii goroda Petrozavodska gubernskim, o vosstanovlenii v Olonetskoii gubernii trekh gorodov s ikh uezdami, o prisoedinenii goroda Kemi ot Olonetskoii gubernii k Arkhangel'skoii i o shtatakh Olonetskoii i Arkhangel'skoii gubernii. № 20455. S. 305; O vysochaishem utverzhdenii shtatov dlya gubernii: Tambovskoi, Voronezhskoi, Penzenskoi i Saratovskoi. S. 633. (Sm.: Kniga shtatov. Otdelenie IV. PSZ-1. T. XLIV. Tsarstvovanie gosudarya Aleksandra I (1801–1812) S. 20-22) // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. T. 27. SPb.: Pечатano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. Kantselyarii, 1830.
23. Materialy, sobrannye dlya vysochaishe uchrezhdennoi komissii o p reobrazovanii gubernskikh i uezdnykh uchrezhdenii. Otdel politseiskii. Chast' I. Otdelenie I. SPb.: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del, II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. Kantselyarii, 1870. 638 s.

УДК 94 (47). 071 + 94(47). 072

**Реорганизация местного управления в конце XVIII – начале XIX вв.:
сравнительный анализ политики Павла I и Александра I**

Тот Юрий Викторович

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5
доктор исторических наук, профессор
E-mail: y.tot@spbu.ru

Аннотация. В статье рассматривается реорганизация местного управления, осуществленная Павлом I и Александром I в начале царствования. Опираясь на законодательные акты, журналы заседаний Государственного совета, а также историографию проблемы, автор приходит к выводу о тождественности политики Павла I и Александра I.

Ключевые слова: Александр I; Государственный совет; генерал-губернатор; губерния; дворянство; местное управление; Павел I; судебные учреждения; уезд.

UDC 061.62 (571.16)

Emperor Nicholas II and Tomsk University *

¹ Sergey F. Fominykh

² Alexander N. Sorokin

³ Sergei A. Nekrylov

¹ National Research Tomsk State University, Russian Federation
Dr. (History), Professor
634050, Tomsk, Lenin Avenue, 36
E-mail: fsf@mail2000.ru

² National Research Tomsk State University, Russian Federation
PhD (History), Professor
634050, Tomsk, Lenin Avenue, 36
E-mail: salexhist@mail2000.ru

³ National Research Tomsk State University, Russian Federation
Dr. (History), Professor
634050, Tomsk, Lenin Avenue, 36
E-mail: san_hist@sibmail.com

Abstract. The article is dedicated to the heir to the throne Nicholas Alexandrovich (the future Tsar Nicholas II) visiting Tomsk and the Imperial Tomsk University on July 5 and 6, 1891, while he was returning from his trip to the east. On the basis of the available scientific literature, documents, including those being introduced into scientific circulation for the first time, and the periodical press, the article reconstructs the history of the Tsar's visit to Russia's first higher education institution in Asia. The article is meant for those interested in the history of the Romanov kin as well as the history of higher learning and science in Russia.

Keywords: Tomsk University; Emperor Nicholas II; Tomsk; Asian Russia; science; higher education institution.

Введение. В связи с 400-летием Дома Романовых усилился интерес к его истории. В этом плане одним из центральных сюжетов является жизнь последнего Российского императора Николая II. Прежде чем заступить на престол он совершил путешествие на Восток, тем самым подчеркнув важность этого региона в геополитических предпочтениях России. По возвращении в Россию Николай Александрович положил начало строительству Транссибирской магистрали и ознакомился с состоянием обширнейших территорий Дальнего Востока и Сибири. Значительный интерес он проявил и к состоянию народного образования и науки, свидетельством чего стало посещение им первого за Уралом высшего учебного заведения – Императорского Томского университета, в судьбе которого сыграли большую роль его предшественники на престоле Александр I, Александр II и Александр III.

Императору Николаю II посвящено много исследовательской литературы. Часть трудов сфокусирована на изучении личности, психологической характеристике царствующей особы, его взаимоотношениях с членами семьи, трагической судьбе [1]. В других работах рассмотрены различные аспекты правления Николая II [2]. В меньшей степени изучена его роль в развитии науки и высшего образования на востоке страны.

Материалы и методы. Основным источником для написания статьи послужили материалы фондов Ф. 102 «Томский государственный университет» и Ф. 104 «Томское городское полицейское управление», хранящихся в Государственном архиве Томской области (ГАТО). Это переписка, циркуляры, отчетно-сметная документация по организации встречи и пребывания цесаревича-наследника Николая Александровича в Томске. Источниковую базу исследования составили также «Известия Императорского Томского университета» за 1891 г., которые содержат подробную информацию о ходе визита цесаревича в Императорский Томский университет. Информативным в плане изучения

* Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ П 220 в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности», № 14.В25.31.0009.

пребывания Николая Александровича в Томске служит третий том книги Э.Э. Ухтомского «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891». Отдельные аспекты, характеризующие подготовительные работы в городе, отражены на страницах томской газеты «Сибирский вестник».

В работе использован сравнительно-исторический метод, дающий возможность вскрыть сущность изучаемых явлений и по сходству, и по различию присущих им свойств, а также проводить сравнение в пространстве и времени. Данный метод позволил выявить общее и особенное в государственной политике в области высшего образования и науки в разные исторические периоды. При определении различных количественных и качественных характеристик подготовительных мероприятий, приуроченных к посещению Томска цесаревичем, широко использовались статистический метод, историко-социологический анализ.

Обсуждение. В 1890–1891 гг. цесаревич Николай Романов совершил путешествие вокруг Азии и подвергся в Японии покушению (апрель 1891 г.). На обратном пути он произвел закладку Великого Сибирского пути на восточном его конце, во Владивостоке (май 1891 г.), и был назначен председателем Комитета по его сооружению. В июле того же на 2 дня цесаревич остановился в Томске.

К моменту встречи цесаревича в г. Томске была проведена огромная подготовительная работа. Прежде всего были проведены благоустроительные работы по приведению в порядок улиц, зданий и сооружений. Об этом красноречиво сообщается в «Сибирском вестнике»: «Весь город в ожидании Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича убран флагами и зелень, но некоторые здания, как частные, так и казенные, обращают на себя особенное внимание, благодаря изяществу и вкусу, с которым они убраны» [3]. К приезду наследника напротив Свято-Троицкого собора (ныне – Новособорная площадь) был построен дом губернатора (ныне Дом ученых), располагавший 42 комнатами [4, с. 106]. Для встречи цесаревича в районе Белого озера была построена Триумфальная арка и деревянный павильон. Купцом Кухтериним в селе Семилужки был построен гостевой домик, предназначенный для приема и ночлега Великого князя Николая Александровича.

Томскъ.—Tomsk. № 6.
Триумфальныя ворота.

Триумфальная арка, построенная в районе Белого озера г. Томска для встречи цесаревича Николая Александровича

Подготовительными мероприятиями к встрече наследника было охвачено большинство населения города и губернии. Так, епископ Томский и Семипалатинский Макарий с представителями томского городского духовенства подготовил проект церковных

церемоний, которые совершались во время проезда цесаревича по Томской епархии и в г. Томске [4, с. 105].

К приезду цесаревича фотографами Ю.У. Ержинским, С.А. Петкевичем, Оппенгеймом был изготовлен альбом, содержащий 32 фотографии с видами г. Томска. Альбом вызвал большой интерес и получил высокую оценку городского головы П.В. Михайлова и гласных томской городской думы [3]. Фотографами были также сделаны снимки со всех блюд и солонок, приготовленных городом и округами Томской губернии для поднесения наследнику, и гостиничного домика и павильона, фотографические карточки и портреты цесаревича в большом размере [3]. Наставники и воспитанницы Томской Мариинской женской гимназии вышили для наследника роскошную плюшевую скатерть и подушку [3].

Визит наследника был своего рода испытанием и для томской полиции, которую возглавлял полицмейстер В.В. Ушаков. Вопрос о безопасности наследника являлся одним из важнейших в свете произошедшего в апреле 1891 г. в Японии неудачного покушения на цесаревича. Накануне приезда наследника в Томск были арестованы и выдворены за пределы города все нежелательные и подозрительные лица, большая часть которых – ссыльные и преступники [5, д. 2370]. Более того, на все запланированные во время пребывания цесаревича в Томске общественные мероприятия составлялся список присутствующих лиц, который предварительно представлялся и утверждался томским полицмейстером [5, д. 2393, л. 2-50]. Эти и другие меры, предпринятые местной полицией накануне и во время пребывания в Томске наследника Николая Романова, позволили обеспечить безопасность и порядок в городе, за что впоследствии томский полицмейстер В.В. Ушаков был удостоен перстнем с сапфиром и бриллиантами, а также со всеми чинами полиции получил благодарность губернатора [6].

Последней остановкой цесаревича на пути в Томск стал г. Мариинск, откуда он выехал утром 5 июля. В 9 часов утра 55 минут того же дня наследник приехал в Томск, где его возле павильона ожидали городской голова П.В. Михайлов, чиновники и горожане, с воодушевлением встретившие наследника престола. П.В. Михайлов встречал цесаревича хлебом-солью на специально изготовленном для этого блюде. В первый день пребывания в Томске Великий князь Николай Александрович посетил Иверскую часовню, дом губернатора, женский монастырь (ныне – Иоанно-Предтеченский монастырь) и Томское общественное собрание [4, с. 109-114]. Утром 6 июля цесаревич посетил Императорский Томский университет.

Императорский Томский университет в конце XIX в.

Великий князь Николай Александрович был встречен при подъезде делегацией профессоров университета во главе с ректором В.Н. Великим и попечителем Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринским, торжественно вручившим цесаревичу почетный рапорт. Сразу же после встречи наследник направился в университетскую церковь, при входе в которую его приветствовал настоятель, профессор богословия,

священник Д.Н. Беликов краткой речью: «Да благословит Господь Бог вхождение твое в этот новый для Сибири рассадник высших научных знаний! Пламенное моление трудящихся здесь: да пребудеши и во вся дни в той милости всевышнего, в светлом и святом озарении которой явился ты нам от края востока! В высоком счастье видения царственного лица твоего, нашей радости, нашим восторгам нет меры и предела» [7 с. 101].

Затем цесаревич Николай Александрович вошел в церковь и, заняв приготовленное место, выслушал краткое молебствие и приложился к святому кресту. После этого наследник в качестве председателя принял участие в торжественном заседании совета ИТУ в актовом зале, на котором присутствовали профессора университета, в частности зоолог Н.Ф. Кащенко, гистолог А.С. Догель, минералог А.М. Зайцев и инспектор студентов. Заседание было открыто речью В.М. Флоринского. «Ваше Императорское Высочество, – обратился к цесаревичу он. – В первый раз отдаленная Сибирь испытывает счастье лицезреть такого Высокого Царственного Гостя. Как солнце, шествуете вы с востока на запад, освещая и согревая Русскую землю от крайних азиатских пределов ее, от моря и до моря. Излишне было бы перечислять здесь все плоды и последствия этого трудного и славного шествия. Всюду оно несет за собой милости и новые блага для Сибирской страны, с которою веками было связано представление как о стране холода, мрака и запустения» [7, с. 101].

Фото, подаренное Цесаревичем попечителю Западно-Сибирского учебного округа Ф.М. Флоринскому во время посещения Томска (июль 1891 г.)

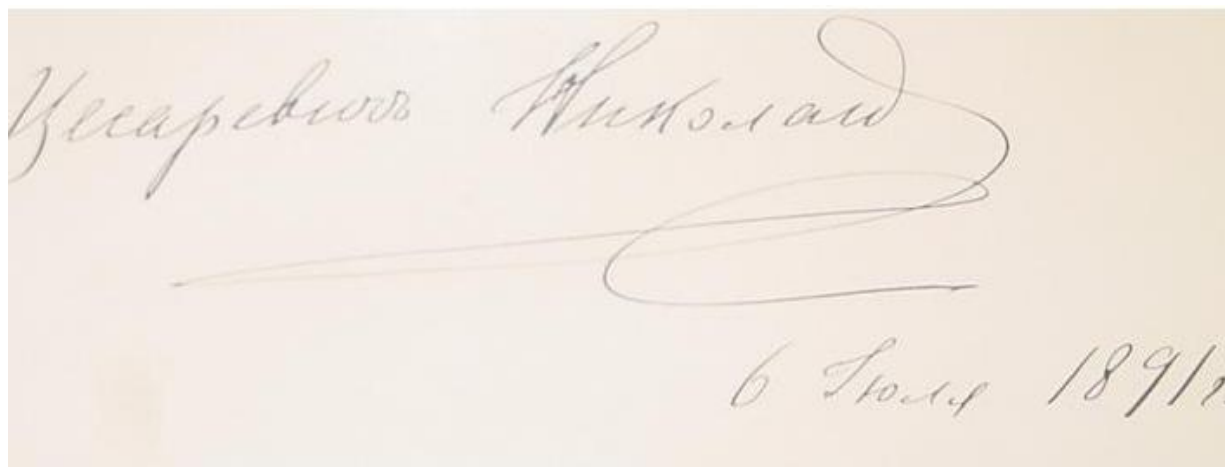
В.М. Флоринский отметил, что «первую зарю восходящего духовного света, первый дар высокой Монаршей милости» Сибирь приветствовала в Томске три года назад (1888 г.) при открытии «местного рассадника высшего образования» – Императорского Томского университета. Далее попечитель подчеркнул, что этим «многознаменательным актом Сибирь вступила как равноправный член в общую образованную семью прочих русских областей, положив этим прочное основание для своего дальнейшего духовного роста и преуспеяния. Сибирь получила новый ряд Царских милостей», в числе которых он

посчитал и путешествие ЕИВ Николая Александровича по необъятным пространствам России. Далее В.М. Флоринский отметил: «Верноподданное русское чувство не может не ценить такого самопожертвования, предпринятого Вашим Императорским Высочеством для личного ознакомления с отдаленнейшею половиною своей страны, с ее богатством и убожеством, с ее потребностями и недостатками. Что может быть выше такой Царской милости! Миллионы русских людей ныне имеют счастье в первый раз лицезреть Царского Первенца, будущего главу и вождя всего русского народа, и сохранять в своей памяти и в памяти грядущих поколений его светлый образ» [7, с. 102].

При этом, по мнению В.М. Флоринского, Императорский Томский университет в этом отношении пользуется «сугубым счастьем», т.к. вдвойне приветствует в своих стенах Его Императорское Высочество: и как Государя Наследника Цесаревича, и как первого Почетного Члена университетской корпорации [7, с. 102]. Следует отметить, что вопрос об избрании цесаревича обсуждался на заседании совета Томского университета 23 февраля 1891 г. Последний через министра народного просвещения ходатайствовал перед Александром III о разрешении на избрание наследника Великого князя Николая Александровича почетным членом Императорского Томского университета.

Затем В.М. Флоринский обратился к цесаревичу с просьбой принять диплом почетного члена ИТУ. Свою речь В.М. Флоринский закончил следующими словами: «Примите, Ваше Императорское Высочество, юный Томский университет под свое милостивое покровительство. Осчастливленные Вашим личным посещением и вниманием, мы почерпнем в этом незабвенном акте новые, удвоенные силы для достойного служения нашему возлюбленному Монарху и дорогому нам Отечеству» [7, с. 102].

После речи В.М. Флоринского ректор ИТУ В.Н. Великий «поднес Его Высочеству в изящном футляре диплом на звание почетного члена Императорского Томского университета. Хор студентов исполнил при этом народный гимн, по окончании которого Его Высочество обратился к присутствовавшим... и сказал, что «он с удовольствием принимает звание почетного члена Томского университета, посещение которого останется самым отрадным воспоминанием из всего путешествия по дорогой ему Сибири» [7, с. 102].

Автограф, сделанный цесаревичем Николаем Александровичем в Книге почетных посетителей библиотеки Томского университета. 6 июля 1891 г.

Из актового зала цесаревич проследовал в университетскую библиотеку, где подробно осмотрел наиболее ценные и редкие издания из собрания, пожертвованного графом А.Г. Строгановым [8]. После этого Николай Александрович осмотрел физиологическую лабораторию, зоологический музей, минералогический кабинет и поднялся на второй этаж главного корпуса, где посетил археологический музей, гистологический кабинет. С большим интересом он осмотрел ботанический и фармацевтический кабинеты. Цесаревич посетил также находившееся в здании университета помещение классической мужской гимназии. Обойдя все классы гимназии, он вновь спустился на первый этаж и, пройдя через помещение кабинета общей патологии и физического кабинета, задержался в зале Совета. Здесь цесаревичу были поднесены издания Томского университета: три книги вышедших к тому времени «Университетских Известий» и первый том каталога Университетской библиотеки. После посещения университета, продолжавшегося более полутора часов,

наследник проследовал на пароходную пристань для дальнейшего пути. На пароходе «Николай» он направился в Тобольск [7, с. 102].

В библиотеке Императорского Томского университета в конце XIX в.

В дальнейшем, будучи Российским императором, Николай II продолжал интересоваться первым университетом в Азиатской России. В 1896 г. он распорядился предоставить Томскому университету из царских библиотек Зимнего и Аничкова дворцов весьма ценные книги, в т.ч. «Bibliorum Codex Sinaiticus». 23 октября 1897 г. Государственный Совет рассмотрел представление министра народного просвещения о проекте штатов юридического факультета, который 29 декабря того же года утвердил Николай II [9, с. 307]. Второй в Томском университете факультет был открыт в 1898 г.

10 февраля 1903 г. император Николай II подписал Высочайшее повеление о выделении 26000 руб. на строительство нового здания анатомического театра Томского университета, в том числе 23300 руб. на постройку самого театра и 27000 руб. на 2 служительские казармы. Строительство нового анатомического корпуса обошлось казне в 254276 руб. и завершилось летом 1907 г. Общая площадь пола во всех этажах здания, включая подвальное помещение, составила 1080 кв. саженей [10, с. 123]. Ежегодно министр народного просвещения при докладе вручал царю очередной том «Известий Императорского Томского университета». Всего их до февраля 1917 г. вышло 66. Еще один интересный факт: летом 1918 г. в Екатеринбург, где в июле месяце была расстреляна царская семья, был командирован профессор Томского университета Э.В. Диль, чтобы перевезти архив царской семьи в Томск для хранения его в Университетской библиотеке. Но по разным обстоятельствам эта поездка не увенчалась успехом [11].

Заключение. Посещение цесаревичем Николаем Александровичем Императорского Томского университета в 1891 г. было свидетельством того внимания, которое уделяло правительство развитию высшего образования и науки в дореволюционный период на востоке страны. Томский университет, почетным членом которого являлся Николай II, уже до революции 1917 г. стал первым научно-образовательным центром в азиатской части

России, выполняя важную научную миссию по изучению природы и естественных богатств Сибири, и продолжает и в наши дни оставаться в числе ведущих университетов России.

Примечания:

1. Kurth, Peter. Tsar: The Lost World of Nicholas and Alexandra. Boston: Black Bay Books, 1998. 230 pp.; Perry, John Curtis and Constantine Pleshakov. The Flight of the Romanovs: A Family Saga. New York, Basic Books, 1999. 427 pp.; Bokhanov, Alexander, Mainfred Knodt, Vladimir Oustimenko, Zinaida Peregudova and Lyubov Tyutunnik. The Romanovs: Love, Power, and Tradegey. London: Leppi Publications, 1993. 321 pp.; Nicholas II: the last of the tsars. By Marc Ferro (trans. Brian Pearce). Harmondsworth: Viking, 1991. Pp. 305; Вильтон Р. Последние дни Романовых // Последние дни Романовых. М.: Книга, 1991. С. 363-476; Алферьев Е.Е. Император Николай II как человек сильной воли. Материалы для составления Жития Святого Благочестивейшего Царя – Мученика Николая Великого Стратотерпца. Джорданвилль: Свято-Троицкий Монастырь, 1983. 152 с.; Буранов Ю.А., Хрусталеv В.М. Гибель Императорского Дома. 1917–1919 гг. М.: Прогресс, 1992. 347 с.; Иоффе Г.З. Революция и судьба Романовых. М.: Республика, 1992. 351 с.; Непеин И. Крестный путь царской семьи // Непеин И. Перед расстрелом (Последние письма царской семьи). Омск: Омское книжное изд-во, 1992. С. 3-45.
2. Kurth, Peter. Tsar: The Lost World of Nicholas and Alexandra. Boston: Black Bay Books, 1998. 230 pp.; Perry, John Curtis and Constantine Pleshakov. The Flight of the Romanovs: A Family Saga. New York, Basic Books, 1999. 427 pp.; Bokhanov, Alexander, Mainfred Knodt, Vladimir Oustimenko, Zinaida Peregudova and Lyubov Tyutunnik. The Romanovs: Love, Power, and Tradegey. London: Leppi Publications, 1993. 321 pp.; Nicholas II: the last of the tsars. By Marc Ferro (trans. Brian Pearce). Harmondsworth: Viking, 1991. Pp. 305; Анфимов А.М. Царствование императора Николая II в цифрах и фактах // Отечественная история. 1994. № 3. С. 58-76; Боханов А.Н. Сумерки монархии. М.: Воскресенье, 1993. 288 с.; Кряжев Ю.Н. Николай II как военно-политический деятель России. Курган, 1997. 224 с.; Сивков К.В. Николай II и его царствование (библиографический обзор) // Голос минувшего. 1917. № 910.
3. Сибирский вестник. 1891. 5 июля.
4. Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891. Т. 3. СПб., Лейпциг, 1897.
5. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 104. Оп. 1.
6. Ларьков Н.С., Чернова И.В., Войтович А.В. 200 лет на страже порядка. Очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв. Томск, 2002; Красное Знамя. 2011. 18 августа.
7. Известия Императорского Томского университета. 1892. Кн. 4.
8. Филимонов М.Р. Книжная сокровищница Сибири: К 100-летию со дня открытия Научной библиотеки Томского университета / Под ред. Л.И. Боженко. Томск, 1988.
9. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в Азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919г. Дис. ... докт. ист. наук. Томск, 2009.
10. Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1905 год. Томск, 1907.
11. Диль Э. В Екатеринбург: поездка за царскими бумагами // Архив русской революции. М.: «Терра» – «Тerra», 1993. С. 277-293.

References:

1. Kurth, Peter. Tsar: The Lost World of Nicholas and Alexandra. Boston: Black Bay Books, 1998. 230 pp.; Perry, John Curtis and Constantine Pleshakov. The Flight of the Romanovs: A Family Saga. New York, Basic Books, 1999. 427 pp.; Bokhanov, Alexander, Mainfred Knodt, Vladimir Oustimenko, Zinaida Peregudova and Lyubov Tyutunnik. The Romanovs: Love, Power, and Tradegey. London: Leppi Publications, 1993. 321 pp.; Nicholas II: the last of the tsars. By Marc Ferro (trans. Brian Pearce). Harmondsworth: Viking, 1991. Pp. 305; Vil'ton R. Poslednie dni Romanovykh // Poslednie dni Romanovykh. М.: Книга, 1991. С. 363-476; Alfer'ev E.E. Imperator Nikolai II kak chelovek sil'noi voli. Materialy dlya sostavleniya Zhitiya Svyatogo Blagochestiveishego Tsarya – Muchenika Nikolaya Velikogo Strastotertsa. Dzhordanvill': Svyato-Troitskii Monastyr', 1983. 152 s.; Buranov Yu.A., Khrustalev V.M. Gibel' Imperatorskogo Doma. 1917–1919 gg. М.: Progress, 1992. 347 s.; Ioffe G.Z. Revolyutsiya i sud'ba Romanovykh. М.: Respublika, 1992. 351 s.; Nepein I. Krestnyi put' tsarskoi sem'i // Nepein I. Pered rasstrelom (Poslednie pis'ma tsarskoi sem'i). Омск: Омское knizhnoe izd-vo, 1992. С. 3-45.
2. Kurth, Peter. Tsar: The Lost World of Nicholas and Alexandra. Boston: Black Bay Books, 1998. 230 pp.; Perry, John Curtis and Constantine Pleshakov. The Flight of the Romanovs: A Family Saga. New York, Basic Books, 1999. 427 pp.; Bokhanov, Alexander, Mainfred Knodt, Vladimir Oustimenko,

Zinaida Peregodova and Lyubov Tyutunnik. *The Romanovs: Love, Power, and Tragedy*. London: Leppi Publications, 1993. 321 pp.; *Nicholas II: the last of the tsars*. By Marc Ferro (trans. Brian Pearce). Harmondsworth: Viking, 1991. Pp. 305; Anfimov A.M. *Tsarstvovanie imperatora Nikolaya II v tsifrah i faktakh // Otechestvennaya istoriya*. 1994. № 3. S. 58-76; Bokhanov A.N. *Sumerki monarkhii*. M.: Voskresen'e, 1993. 288 s.; Kryazhev Yu.N. *Nikolai II kak voenno-politicheskii deyatel' Rossii*. Kurgan, 1997. 224 s.; Sivkov K.V. *Nikolai II i ego tsarstvovanie (bibliograficheskii obzor) // Golos minuvshogo*. 1917. № 910.

3. *Sibirskii vestnik*. 1891. 5 iyulya.

4. Ukhtomskii E.E. *Puteshestvie na Vostok Ego Imperatorskogo Vysochestva gosudarya naslednika tsesarevicha, 1890–1891*. T. 3. SPb., Leiptsig, 1897.

5. Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti (GATO). F. 104. Op. 1.

6. Lar'kov N.S., Chernova I.V., Voitovich A.V. *200 let na strazhe poryadka. Ocherki istorii organov vnutrennikh del Tomskoi gubernii, okruga, oblasti v XIX–XX vv.* Tomsk, 2002; *Krasnoe Znamya*. 2011. 18 avgusta.

7. *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta*. 1892. Kn. 4.

8. Filimonov M.R. *Knizhnaya sokrovishchnitsa Sibiri: K 100-letiyu so dnya otkrytiya Nauchnoi biblioteki Tomskogo universiteta / Pod red. L.I. Bozhenko*. Tomsk, 1988.

9. Nekrylov S.A. *Tomskii universitet – pervyi nauchnyi tsentr v Aziatskoi chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919g. Dis. ... dokt. ist. nauk. Tomsk, 2009.*

10. *Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Tomskogo universiteta za 1905 god*. Tomsk, 1907.

11. Dil' E. *V Ekaterinburg: poezdka za tsarskimi bumagami // Arkhiv russkoi revolyutsii*. M.: «Terra» – «Terra», 1993. S. 277-293.

УДК 061.62 (571.16)

Император Николай II и Томский университет

¹ Сергей Федорович Фоминых

² Александр Николаевич Сорокин

³ Сергей Александрович Некрылов

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия
Доктор исторических наук, профессор
634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36
E-mail: fsf@mail2000.ru

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия
Кандидат исторических наук, доцент
634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36
E-mail: salexhist@mail2000.ru

³ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия
Доктор исторических наук, профессор
634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36
E-mail: san_hist@sibmail.com

Аннотация. Статья посвящена посещению цесаревичем Николаем Александровичем Томска и Императорского Томского университета 5–6 июля 1891 г. на пути его возвращения из восточного путешествия. На основании имеющейся научной литературы, документальных материалов, в том числе впервые вводимых в научный оборот, и периодической печати реконструируется история посещения цесаревичем первого в Азиатской России высшего учебного заведения. Статья предназначена для интересующихся историей рода Романовых, а также истории высшего образования и науки в России.

Ключевые слова: Томский университет; император Николай II; Томск; Азиатская Россия; наука; высшая школа.

UDC 94

The Romanovs and the Russian Army: the Participation of Nicholas II and Members of the Emperor's family in the Large-scale Manoeuvres of 1902

Vladimir V. Korovin

South West State University, Russian Federation
305040, Kursk, st. 50 years of October, 94
Dr. (History), Professor
E-mail: vlavikor@yandex.ru

Abstract. The article uses documents from federal archives that are being entered into circulation to detail the various aspects of the organisation of large-scale manoeuvres within the Kursk Province in 1902 that included Nicholas II, members of the Emperor's family and as well as foreign observers. The materials presented in the article expand our understanding of the ruling dynasty's participation in the structure and organisation of the military at the beginning of the 20th century.

Keywords: large-scale manoeuvres; corps; headquarters; Kursk; stationing; South Army; Moscow Army; observation; Nicholas II; enemy.

Введение. Проведение войсковых учений в Высочайшем присутствии – явление типичное для российской военной истории. Состоявшиеся в конце лета 1902 года на территории Курской губернии Большие маневры готовились основательно. К участию в них были привлечены войска Московского, Киевского, Одесского и Виленского военных округов общей численностью около 90 тысяч военнослужащих. О ходе и результатах этого крупнейшего для начала XX века смотра боеготовности войск опубликовано немало материалов, подготовленных участниками событий, военными специалистами, историками [1]. В данной статье предпринята попытка раскрыть ранее не нашедшие должного отражения в исторической литературе вопросы многоплановой подготовительной работы по организации Больших маневров 1902 года и участия в них членов императорской семьи.

Материалы и методы. Основными источниками для подготовки данной публикации стали материалы, выявленные автором в фондах Российского государственного военно-исторического архива (Москва), Российского государственного архива кинофотодокументов (Красногорск), Государственного архива Курской области (Курск). Дополнительная информация об описываемых событиях получена из материалов периодической печати начала XX века.

Автором использовались проблемно-хронологический метод, позволивший изучить проблему исследования в последовательном развитии, и структурно-функциональный метод, способствовавший определению основных направлений работы органов военного управления и характер их влияния на ход изучаемых событий.

Обсуждение. Военное министерство запланировало проведение Большого маневра между железной и шоссейной дорогами, связывающими Орел и Курск, еще в августе 1900 года [2, л. 1]. В нем должны были принять участие войска Киевского, Одесского, Московского, Виленского военных округов, объединенные в две сводные армии – Южную и Московскую. Район маневра представлял значительные трудности для передвижения войск и выполнения поставленных задач: всхолмленный рельеф, перерезанный целой сетью глубоких лощин и оврагов с крутыми, обрывистыми берегами; обилие мелких рек, имеющих болотистые долины и плохие переправы.

Но запланированные на 22–29 августа 1900 г. маневры под Курском провести не удалось. Можно предположить, что причиной тому стали события в Северо-Восточном Китае, отголоски которых давали о себе знать и в последующие годы. Так, во Всеподданнейшем докладе по Военному министерству 1902 года отмечалось: «Хотя деятельность Военного министерства в отчетном году и была менее напряженной, чем в предшествующий год, вследствие окончания китайских смут, но все же она осложнялась тем обстоятельством, что часть наших сил находится еще на неприятельской территории и не может покинуть владений Китая, пока в Маньчжурии не водворятся прочный порядок и

спокойствие, которые гарантировали бы нам безопасность достройки эксплуатации ВКЖД, на сооружение которой вся Россия принесла так много жертв» [3].

22 декабря 1901 г. помощник начальника Главного штаба генерал-лейтенант Е.Е. Уссаковский направил начальнику штаба Киевского военного округа генерал-лейтенанту В.А. Сухомлинову предписание «О больших маневрах в 1902 году». В нем указывалось: «Представленный Вашим превосходительством проект маневров в Курской губернии должен был Военному министру и, несколько видоизмененный его Высокопревосходительством, представлен был Государю Императору. Его Величество изволил повелеть, чтобы начальникам маневрирующих армий была предоставлена возможно большая свобода действий и чтобы их не связывали задачами на каждый день, дабы не уменьшить поучительности маневров. Ввиду изложенного, главный штаб препровождает при сем копию представленного Государю Императору проекта маневров, который должен служить лишь канвой для разработки соображений по устройству продовольствования войск на маневрах, отнюдь не определяя точно и неизменно действий маневрирующих сторон на каждый день. Вместе с тем Главный штаб просит Ваше превосходительство сообщить, когда можно ожидать соображения по выполнению маневров войсками Южной армии в форме проекта, подобного представленному в 1900 году» [4, л. 3-зоб.].

В приложении к предписанию излагались легенда маневров и задачи Южной армии. Разработанный план в основном повторял ранее подготовленный к маневрам 1900 г., с частичным изменением района действий. Западная армия, переправившись через Днепр на участке Орша – Речица, наступает широким фронтом на Москву. Для обеспечения правого фланга уступом вперед выслана Южная армия, переправившаяся через Днепр у Киева. Ей поставлена задача – от Киева двинуться кратчайшим путем на Курск для захвата этого железнодорожного узла. А затем, по прибытии подкреплений, наступать на Москву. Путь подвоза Южной армии – железная дорога Курск – Киев.

Для прикрытия Курска сформирована Московская армия, которой приказано двинуться через Орел к Курску, встретить Южную армию и отбросить ее к югу. Путь подвоза Московской армии – железная дорога Орел – Курск [4, л. 242].

В первый день маневров, 29 августа 1902 г., Южная армия, обнаружив наступление Московской армии, должна была остаться на р. Реут до подхода подкреплений. На случай отступления ей предстояло укрепить арьергардные позиции у с. Косторная. Вся конница, кроме корпусной, высылалась вперед для выяснения сил и направления движения противника. Московская армия, выслав для той же цели свою конницу, должна перейти через р. Сейм и достичь главными силами линии сел Малютино – Одоевка – х. Черницынский – Николаевка. Допускалась возможность столкновения конницы и авангардов армий.

Во второй день Южной армии предстояло оборонять рубеж реки Реут и после боя отойти на линию сел Бобрик – Дуров – Раково – Б.-Солдатское, куда к ней должно прибыть подкрепление. На третий день планировалась дневка. В четвертый день Южная армия переходит в наступление к Курску и форсирует реку Реут на участке Благодатное – Косторное. Московская армия с боем отступает к реке Сейм на линию Никольское – Анахино. Пятый день: Южная армия продолжает наступление к Сейму на линию Сорокино – Анахино. Московская армия отходит с боем на правый берег Сейма и защищается за рекой.

Шестой день: Московская армия обороняет укрепленную позицию у с. Косторное. Южная армия форсирует р. Сейм и атакует противника на его позиции. Седьмой день – дневка. Восьмой день: Высочайший парад на высоте между селами Косторная и Моква (Соколья) в 6 верстах от окраины сл. Казацкая (предместье Курска) [4, л. 243].

Уже 29 января 1902 г. командирам частей и начальникам служб из штаба Киевского военного округа были направлены описания района предстоящих маневров, а 2 марта военно-топографический отдел Главного штаба прислал в штаб округа 220 листов трехверстной топографической карты европейской части России [4, л. 7-10, 24].

Для предварительной подготовки района маневра к приему войск 9 февраля 1902 г. Курскому губернатору А.Д. Милютину было направлено письмо из штаба Киевского военного округа за подписью генерал-майора Н.В. Рузского. Из него следовало, что район предстоящих маневров в высочайшем присутствии охватывал территорию Курского,

Льговского, Суджанского и Рыльского уездов Курской губернии. К письму прилагалась карта района маневра.

От руководства губернии требовалось все дороги в установленных границах привести в такой порядок, чтобы движение войск и обозов могло производиться беспрепятственно. Обозначенные на карте дороги должны были расширяться до определенной законом нормы, а грунтовое покрытие следовало укрепить укатыванием верхнего слоя рыхлой земли. Особое внимание обращалось на выравнивание спусков и подъемов, крутизна которых должна была обеспечить продвижение нагруженной повозки казенного образца (максимальный полезный груз 25 пудов). Подобные требования предъявлялись к мостам, речным переправам, плотинам. Их предстояло привести в исправное состояние, допускающее прохождение артиллерии и обозов. На всех перекрестках дорог, отмеченных на карте, необходимо было иметь столбы – указатели с соответствующими надписями.

В прилагаемой к письму ведомости перечислялись планируемые пункты ночлега частей Южной армии с указанием количества людей и лошадей. Окружной штаб просил распоряжения курского губернатора о своевременной заготовке губернскими распорядительными комитетами в указанных пунктах необходимого количества дров и подстилочных принадлежностей. Для обеспечения войск питьевой водой во всех селениях, определенных к размещению военнослужащих, требовалось подготовить колодцы и ключи. Во избежание загрязнения источников запрещалось замачивание конопли во всех реках и ручьях маневренного района (особенно на реках Реут и Воробжа до 4 сентября 1902 г. включительно) [4, л. 15-16-об.].

Двадцать населенных пунктов губернии, предназначенных к организации ночлега, были недостаточно обеспечены водой. Решить эту проблему предполагалось путем использования нортоновских колодцев. Как следует из письма Главного штаба от 10 мая 1902 г. начальнику штаба Киевского военного округа, «с разрешения Военного министра Главным инженерным управлением уже заказаны нортоновские колодцы для снабжения ими войск, участвующих в Курских маневрах, по расчету двух колодцев на каждый пехотный полк и каждую пехотную резервную бригаду» [4, л. 121].

Еще в январе 1902 г. с целью подготовки к предстоящим маневрам была запланирована полевая поездка штабных офицеров в Курскую губернию. Руководить полевым выездом должен был генерал-квартирмейстер Н.В. Рузский. Но переписка между Главным штабом и штабом Киевского военного округа указывает на то, что сроки поездки неоднократно переносились. В результате выезд в район маневров удалось организовать только 20 апреля. В нем приняли участие 30 офицеров под руководством нового генерал-квартирмейстера А.А. Маврина, сменившего на этом посту 10 апреля 1902 г. Н.В. Рузского, который занял должность начальника штаба Киевского военного округа. Полевая поездка позволила внести необходимые коррективы в план мероприятий по подготовке маневров [4, л. 42-43, 82-84, 110-113].

С целью обеспечения района маневров связью предполагалось использовать и местные телефонные сети, сведения о которых были доставлены в штаб округа. В их числе линии телефонной связи графа Петра Клейнмихеля (в Курском уезде), Военного ведомства (между казармой летучих артиллерийских парков и водокачкой в Курске), потребительского общества (в Льгове), князя Александра Барятинского (между с. Ивановское и дворцом в Марьино), потомственного почетного гражданина Тахтомирова, князя Петра Долгорукова (в Суджанском уезде) [4, л. 150-об.-151].

1 июня 1902 г. начальнику штаба Киевского военного округа из Главного штаба были направлены руководящие указания для детальной разработки проекта предстоящих в Курской губернии маневров. В них нашли отражение многие организационные вопросы. Часть из них была связана с присутствием на предстоящих маневрах Николая II и членов императорской семьи. Так, в предписании отмечалось, что «занятие караулов в местах пребывания Его императорского Величества и Его императорского Высочества Великого князя Михаила Николаевича может быть возложено на батальон 129-го пехотного Бессарабского полка... Для охраны железнодорожного пути на время следования по нему императорских поездов может быть назначено соответствующее число частей XXI армейского корпуса» [4, л. 152].

В указаниях перечислялись и другие меры, обеспечивающие проведение маневров. Например, в помощь полиции Курска на период пребывания в городе императора с сопровождающими лицами выделялись два батальона 129-го пехотного Бессарабского полка

и одна сотня 1-го Уральского казачьего полка. Для хозяйственных нужд разрешалось использование интендантства нижних чинов из частей XXI армейского корпуса.

На время маневров отпускалось пехоте по 100 холостых патронов на винтовку, коннице – по 50 и саперам – по 30, а артиллерии – по 100 холостых зарядов с фиктивными снарядами. Одновременно был решен вопрос об отпуске средств телеграфной и телефонной связи. Для усиления позиций проволочными сетями Главное инженерное управление выделяло 450 пудов проволоки, а также 2250 руб. на изготовление кольев. На расходы по устройству голубиной почты отпускалось по смете 300 руб.

Предписанием устанавливалась форма одежды для войск на маневрах и в день смотра – обыкновенная, «нижним чинам быть в мундирах второго срока (на маневрах в случае жаркой погоды – в гимнастических рубашках и фуражках с белыми чехлами и козырьками)» [4, л. Л. 153-154].

Заблаговременно решался вопрос о санитарном обслуживании участников маневров. В соответствии с докладом Главного военно-медицинского управления, предполагаемая заболеваемость военнослужащих должна была составлять один человек на тысячу солдат и офицеров в день. Для оказания первой медицинской помощи нуждающимся в Южной армии открывались приемные покои на 204 места, с последующей эвакуацией в Киевский военный госпиталь. Больных и раненых из Московской армии готовы были принять приемные покои в районе дислокации и Курский запасной полевой госпиталь [5, л. 152-152об.].

В июле 1902 г. был окончательно решен вопрос об участии иностранных военных наблюдателей на маневрах. Управляющий делами военно-ученого комитета Главного штаба известил штаб Киевского военного округа о том, что император принял решение допустить иностранных военных агентов на Большие маневры, чтобы они состояли при штабах округов. 23 июля был определен персональный состав агентов, направляемых в корпуса Южной армии: германский – майор, барон Лютвиц; итальянский – подполковник, граф Руджиери; французский – подполковник Мулен; японский – генерал-майор Мурата. Но уже 9 августа телеграммой из Петербурга сообщалось, что вместо японского агента на маневрах будет присутствовать австрийский и назначить его необходимо в один корпус с германским. 16 августа Главный штаб потребовал от штаба Киевского военного округа обеспечить военных агентов всем необходимым: помещением, довольствием, верховыми лошадьми, перевозочными средствами, конными вестовыми. Военных агентов предполагалось вывезти из Курска на ст. Иваново 28 августа, откуда доставить их в штаб Южной армии для представления командующему, а затем препроводить в штабы корпусов [6].

К началу августа 1902 г. штабом Киевского военного округа были разработаны подробные инструкции для службы транспортов, службы на этапах, по санитарно-врачебной части, для оценочных комиссий по определению убытков землевладельцам, по устройству продовольственной части. Согласно последней, во время больших маневров «для довольствия войск хлебом на ст. Коренево формируются 4 полевых военных хлебопекарни» [5, л. 394, 396, 402, 413].

Интендантский продовольственный склад на станции Коренево к 17 августа «состоял из 24816 пуд. муки, 2852 пуд. круп, 140 пуд. овощных консервов, 1536 порций мясных консервов, 6104 пуд. овса, 2106 пуд. сена и 50 пуд. тмина. Продукты были сложены частью на четырех специально приготовленных деревянных настилах под брезентами, частью – в помещении бывшего пакгауза железной дороги» [7, с. 108].

Перевозка участвовавших в маневрах войск к исходным пунктам осуществлялась по железным дорогам. Для этих целей потребовалось 229 воинских эшелонов. Наиболее напряженная работа выпала на долю Московско-Курской (от 14 до 18 воинских поездов в сутки), Курско-Харьково-Севастопольской и Московско-Киево-Воронежской (от 5 до 26 воинских поездов) железных дорог. Транспортировка войск была осуществлена в течение 9–10 дней до начала маневров без крупных задержек и срывов [7, с. 110-111].

Император Николай II и члены царской семьи приехали в Курск вечером 29 августа 1902 года. На железнодорожном вокзале высоких гостей встречали губернатор А.Д. Милютин, епископ Курский и Белгородский Лаврентий, предводители губернского и уездного дворянства, важные местные чиновники, представители земств. После церемонии встречи императора с поднесением хлеба-соли Николай II отправился на железнодорожную станцию Рышково вблизи Курска, где в специальном бронированном поезде на время проведения маневров разместилась царская ставка [8, с. 14].

К месту учений император прибыл 30 августа. В девять часов утра в сопровождении наследника престола, Великих князей, министров императорского двора, генерал-адъютанта М.И. Драгомирова и других сопровождающих лиц царский поезд отбыл со станции Рышково к железнодорожной платформе Курско-Киевской дороги у деревни Дьяконово. Здесь Николай II объезжал войска и поздравлял части, которые в тот день отмечали свои полковые праздники. Затем император проехал верхом к селу Колпаково, где сел в экипаж и направился вдоль реки Реут на железнодорожную станцию Иванино, откуда вернулся поездом на стацию Рышково. В период с 30 августа по 4 сентября Николай II наблюдал за учениями, объезжая войска и посещая села Лозовское, Дьяконово, Иванино, Колпаково. С возвышенного пункта у села Мальцево перед взором императора открывалась грандиозная панорама продвижения войск, подхода рядовых частей Южной армии, переправы вброд 4-й стрелковой бригады [9, с. 32].

Обнаруженные нами в фондах РГВИА дневниковые записи военного министра А.Н. Куропаткина (1848–1925), содержат не только дополнительные сведения о ходе учений, но и его личные впечатления о встрече с императором: «30 августа действия противника были весьма разрозненны. Первоначально Сводный корпус атаковал расположение правого фланга 10-го корпуса. Затем появилась кавалерия, обошедшая наш левый фланг (очень далеко), а за нею еще дальше пехота... Сводный неприятельский корпус появился на нашей стороне против с. Старое Гатище. Тогда я приостановил наступление и ввел весь общий резерв армии в дело... Как раз в это время приехал Государь Император. Я Ему представил почетный рапорт. Государь был очень доволен объездом войск. Его Величество говорил мне про войска Южной армии, как они искусно пользуются местностью: не видно, как появятся и быстро скроются. На глазах Государя 10-я кавалерийская дивизия атаковала прорвавшихся через наши 34 батальона пять батальонов противника» [4, л. 611].

Как следует из дневника военного министра, командовавшего на маневрах войсками Южной армии, поведение императора в ходе учений было противоречивым. С одной стороны, он живо интересовался всем происходящим, стремился отслеживать мельчайшие изменения в расстановке сил, с другой – как «венценосная особа» требовал, чтобы атаки противоборствующих сторон не начинались слишком рано.

1 сентября Николай II прибыл на лошадях в Курск. На въезде в город царскую кавалькаду ожидала депутация городской Думы. При виде государя огромная толпа горожан разразилась ликующе громким «ура!». Николай II принял от городского головы хлеб-соль и направился на Красную площадь в кафедральный Знаменский собор, отсюда – в Сергиево-Казанский. По Московской улице толпы возбужденной публики приветствовали государя. Поднявшись в летнюю церковь собора на втором этаже, Николай II с интересом осмотрел резной иконостас и выставленные для обозрения знамена курских ополченческих дружин времен Крымской войны. Затем государь проследовал в Знаменскую общину сестер милосердия Курского отделения Красного Креста, отсюда вновь по Московской улице – к зданию Дворянского собрания, где у парадного подъезда его встречал предводитель курского дворянства шталмейстер А.Д. Дурново с уездными предводителями.

В большом зале Дворянского собрания в присутствии Николая II состоялось торжественное открытие памятника его отцу, императору Александру III. Преосвященный архиепископ Лаврентий с духовенством совершил богослужение, после чего А.Д. Дурново сдернул с памятника белое шелковое покрывало и прочел монарху благодарственный адрес. Через анфиладу холлов Николая II провели в верхние этажи здания, где он осмотрел дворянский пансион-приют, после чего отправился в «Дом губернатора».

К этому времени в Белом зале губернаторского дома собрались курский, орловский, воронежский и черниговский губернаторы, чиновники Министерства внутренних дел, старшины и старосты из четырех названных губерний, а также Харьковской и Полтавской. Когда император вошел в продолговатый овальный зал, курский вице-губернатор Н.Г. фон Бюнтинг стал представлять ему волостных старшин и сельских старост, называя место, откуда каждый прибыл. Обойдя всех крестьян, царь обратился к ним с речью, а потом стал расспрашивать о делах на местах. Около трех часов дня государь простился с собравшимися, вышел к большой толпе приветствовавших его курян, сел в открытый экипаж и направился на станцию Рышково [8, с. 15].

3 сентября 1902 г. маневры завершились атакой Южной армии позиции, занимаемой Московской армией к западу от Курска. Император с высочайшими особами и свитой выехал в экипаже со станции Рышково к левому флангу расположения Московской армии у

селения Моква. Пересев там на коня, Николай II объезжал войска 17-го и 13-го корпусов, здороваясь с ними. Громогласное «ура» несло по рядам войск. К приезду императора Южная армия, уже переправившаяся через Сейм, вела атаку позиции Московской армии. В 11-м часу утра последовала общая атака высот у села Косторное. Войска наступали бодро и имели свежий вид. В 10 ч. 45 мин. утра император приказал трубить отбой, после чего был дан сигнал к сбору начальников. Николай II в сопровождении главного посредника Великого князя Михаила Николаевича и командующих обеими армиями, объезжал войска. Громогласное, долго не смолкающее «ура» разносилось по всему полю. После объезда войск у селения Косторное, на поляне, был приготовлен Высочайший завтрак, к которому пригласили войсковых начальников и офицеров ближайших частей. Собралось около 4000 человек. За завтраком император пил за здоровье войск, участвовавших в маневрах. Громовое «ура» было ответом на его слова. После завтрака Николай II с наследником престола Великим князем Михаилом Александровичем в сопровождении Великих князей и свиты отбыл в экипаже на станцию Рышково [10].

Состоявшийся по окончании маневров императорский завтрак был несколько омрачен поведением приглашенных на него офицеров. По поводу случившегося Командующий императорской Главной Квартирой генерал В.Б. Фредерикс сообщал командующему Южной армией: «3 сентября во время состоявшегося после отбоя завтрака у Царской палатки близ селения Косторная, на который были приглашены офицеры частей войск, принимавших участие в маневрах, многие из них брали на память принадлежности столовой посуды Высочайшего Двора на глазах Его Величества, не получив на то разрешения. Вполне понимая желание господ офицеров сохранить вещественное напоминание о царском к ним внимании, я, тем не менее, признаю выбранный ими способ крайне неудобным, о чем прошу сообщить офицерам, приглашенным на завтрак после смотра 5 сентября» [5, л. 260].

В тот же день Николай II лично выступил в роли примирителя А.Н. Куропоткина с командовавшим Московской армией Великим князем Сергеем Александровичем: «Государь милостиво встретил меня, когда был дан отбой. Сам указал подъехать к Великому князю Сергею Александровичу и «помириться». Мы крепко пожали друг другу руки. Государь сказал: «Надо поцеловаться», – что мы и исполнили после завтрака» [4, л. 608об.]. Необходимо заметить, что у А.Н. Куропоткина были основания обижаться на своего условного противника. Только своевременное вмешательство императора не позволило южным «разгромить» Московскую армию, возглавляемую Великим князем, одержав, таким образом, окончательную победу. Но подобная ситуация была недопустима по соображениям политкорректности и дворцового этикета. Хотя критическое положение, в котором оказалась во время маневров Московская армия, требовало принятия серьезных мер, направленных на совершенствование системы управления войсками, что будет подтверждено дальнейшим ходом событий военной истории.

Прошедшие маневры имели и внешнеполитическое значение. Кроме иностранных военных наблюдателей, на завершающем этапе к ним присоединился персидский шах Музаффар-Эддин-Хан. 4 сентября на платформе станции Рышково для его встречи выстроился почетный караул со знаменем и оркестром от 129-го Бессарабского полка. Здесь же присутствовали шеф полка, Великий князь Михаил Александрович, командующий войсками Киевского военного округа генерал-адъютант М.И. Драгомиров, командование 21-го корпуса, в состав которого входил 129-й полк. Вслед за этим на станционную платформу прибыли император, высочайшие особы и свита. В четыре часа дня к станции подошел особый императорский поезд, в котором находились шах со своим первым министром и персидским послом в России, значительное число свиты и прислуги. После приветствий Николай II с шахом прошли по фронту почетного караула и приняли ординарцев, затем спустились к палаткам. Царствующие особы нанесли друг другу визиты.

В семь часов вечера в большом шатре, разбитом на площадке у станции и освещенном электричеством, состоялся парадный обед. В нем, кроме высочайших особ и лиц свиты, участвовали старшие начальники обеих армий, 21-го армейского корпуса и несколько представителей гражданской власти Курской губернии, в числе которых – губернатор и предводитель дворянства [9, с. 37].

5 сентября 1902 г. на окраине Курска состоялся грандиозный парад войск, на котором присутствовали император Николай II, персидский шах Музаффар-Эддин-Хан, Великие князья, большая императорская свита, а также масса обывателей из города, пригородных

слобод и ближайших селений. Перед ними парадным строем прошли свыше 90000 человек, принимавших участие в военных маневрах.

Смотр был назначен на 10 часов утра. С рассветом над городом завис плотный туман, который рассеялся к началу парада. В 9 часов войска уже стояли на предназначенном месте, построенные на три фаса, образуя гигантскую букву П, в середине которой у высшей точки возвышенности находился украшенный живыми цветами царский шатер, а также трибуна для гостей. Войска стояли в плотных густых колоннах каждого фаса, образуя линию примерно в восемьсот метров.

В первых рядах находилась пехота, за ней располагалась пешая артиллерия, следом – конная, по-батареино в развернутом строю со снятыми с передков орудиями. Все три фаса войск, длиной в два километра и глубиной в двести метров, с волнением ждали прибытия государя.

В 10 часов 10 минут показался всадник с алым значком, за которым скакала сотня казаков в черных папахах и малиновых башлыках. За ними следовала царская коляска с императором и персидским шахом, еще одна – с наследником престола Великим князем Михаилом Александровичем, а далее – экипажи с высокими чинами царской свиты. Как только императорская коляска подъехала к царскому шатру, громадный желтый штандарт с черным орлом поднялся на высоком полосатом флагштоке.

Выйдя из коляски, царь, облаченный в мундир 65-го пехотного Московского полка, сел на вороного коня и подъехал к парадным построениям Московской армии. На великолепном коне для отдачи рапорта был командующий парадом, генерал-фельдмаршал, Великий князь Михаил Николаевич. Начался объезд построений. Впереди скакал император, за ним командующие парадом и Московской армией.

После объезда построений, в 11 часов 35 минут, император вернулся к царскому шатру и встал рядом, чтобы приветствовать прохождение войск. Трибуны с почетными гостями и огромные массы любопытного люда замерли в ожидании. Громовой залп артиллерийских орудий возвестил о начале смотра. Могучее «ура!» десятков тысяч голосов прокатилось над рядами выстроенных в парадном расчете генералов, офицеров и солдат.

В торжественном церемониальном марше, под дробный бой барабанщиков и звуки оркестров, мерным шагом мимо царского шатра двинулась с северо-запада Московская армия. Полк за полком, отбивая шаг, проходили 1-я, 36-я, 3-я, 35-я пехотные дивизии, за ними – 5-я стрелковая бригада. Каждая часть удостоивалась благодарности императора. Грохоча, прошла пешая артиллерия. За ней рысью двигались драгуны, галопом проследовал прекрасно подобранный Сумской полк, за которым наметом двигались донцы. Наконец, шагом прошли по Казацкому полю кавалерия и конная артиллерия.

Войска проходили церемониальным маршем: пехота и конница полковыми резервными колоннами, а артиллерия по-дивизинно, причем особенно эффектен и строен был марш стрелковых бригад. Шах и Великий князь Михаил Александрович с частью персидской свиты во время прохождения армий церемониальным маршем находились в императорском павильоне.

Ровно час длилось церемониальное прохождение Московской армии. Император перешел на другую сторону царского шатра, и теперь уже с юго-востока двинулась в парадном марше Южная армия. Еще одна деталь, отмеченная профессиональным военным Л.Л. Драке, заслуживает внимания: «Даже при прохождении церемониальным маршем можно было заметить некоторую разницу между войсками различных округов; так, части пехоты, принадлежавшие к составу Киевского военного Округа и особенно стрелковые бригады, шли широким, размашистым и свободным шагом, а пехота Московского военного Округа несколько напряженно и даже, в некоторых частях, укорачивая шаг, что, конечно, до некоторой степени помогало равнению по шеренгам, которое, однако, в упомянутых выше войсковых частях, шедших широким, свободным шагом, было далеко не хуже» [5, с. 38].

Только в 13 часов 35 минут закончилось прохождение войск. Финальный аккорд парада изумил всех. Держа на оттяжках большие баллоны «Петербург № 1» и «Петербург № 2», два отделения Санкт-Петербургского воздухоплавательного парка подошли к царскому павильону, и после громкой команды оба шара плавно взмыли в небо. Николай II и персидский шах сели в коляску и отбыли с Казацкого поля. Толпы народа бежали вслед, провожая императора восторженными криками «ура!» [11, с. 27-28]

Поделится наблюдениями о параде и военный министр А.Н. Куропаткин: «Обе армии должен был представлять Великий князь Михаил Николаевич, но Его Императорское

Высочество ехал поодаль от Государя. Доктор запретил ему сколько-нибудь быструю езду. Ранее встречи Государя Императора я успел объехать все войска, кроме артиллерии, и поздороваться с ними. Обезд длился долго. Только местами Государь шел галопом. Войска были прекрасно выстроены. Церемониальный марш прошел прекрасно. Было жарко, но не чересчур пыльно. Одна армия шла одной стороной павильона, другая – другой. Трибуны были покрыты массой публики. Позабыл прибавить, что Государь Император не приказал ставить значки с наименованием полков, подобно тому, как то было во Франции, и, по-видимому, пожалел об этом. В полках Одесского военного округа, с чехлами во всю фуражку, не видно номеров полков. Государь обратился ко мне, чтобы я докладывал названия частей. Проходили войска стройно и грозно: александровскими колоннами. Каждые два батальона полка получали Царское спасибо.

Государь Император обратил внимание и несколько раз повторил замечание, что темп марша Киевских войск слишком част. Генерал-адъютант Драгомиров объяснил, что не более 120 шагов в минуту, но что при скором темпе идут веселее. Было обращено также внимание, что войска Киевского военного округа, отвечая на приветствие Государя (и всем), выкрикивали ясно только «рады стараться», а «Ваше Императорское Величество» не было вовсе слышно. За завтраком, после тоста в честь Шаха и ответного тоста за Государя Шахом и Великим князем Михаилом Николаевичем, Государь провозгласил тост за Великих князей Михаила Николаевича и Сергея Александровича, генерал-адъютанта Куропаткина и все войска. «Ура!» кричали громко и много. После завтрака Государь поцеловал меня и поблагодарил за маневр» [4, л. 610-610-об.].

Впечатления о происходившем в эти дни на территории губернии, а также чувства, проявленные к императору, отражены и в частной переписке курян. Так, в письме преподавателя Владимира Александровича и его супруги Александры Васильевны Старосельских сыну Николаю от 6 сентября сообщалось: «Дорогой сынок, Коля! Очень жаль, что ты, имея возможность побыть у нас в это знаменательное, историческое время для Курска, тем не менее не приехал к нам. ...Сидя в трибунах, мы с мамою вспоминали о тебе и жалели, что тебя с нами не было. Погода была чудная. Быть вблизи своего Государя, видеть его, видеть такую массу, войска, слышать восторженные приветствия по адресу Государя – это много значит для русского сердца. Жаль, что ты отсутствовал.

...Миша наш в восторге от Государя, все рассказывает, что он близко его видел и что царь очень симпатичен. Действительно, наружность Государя очень милая и располагающая к себе. Мне Царь больше понравился, чем наследник: у Государя прекрасные голубые глаза и выражение полнейшего незлобия. С таким доверием на вас смотрит, что невольно вызывает к себе расположение. Курск очарован им... Государь соприкасался с простым народом и с удовольствием расспрашивал крестьян об их житье-бытье. Государь постоянно сердился, если его сопровождали жандармы и полиция, ему хочется быть ближе к своему народу, и в деревне Дьяконовой, Колпаковой, Ваниной, Мокве и Рыжковой Государю удавалось приблизиться к мужичку и побеседовать с ним. В Курске в последнее время полиция была удалена, и мы видели Государя в двух шагах. Во время генерального сражения (3-го сент[ября]), экипаж Государя проехал в двух шагах от меня. Миша и Вася преусердно и прегромко кричали «ура!» Будь здоров. Любящие тебя отец и мать В. и А. Старосельские» [11, с. 41-42].

Заключение. В целом, проведенная подготовительная работа, сам ход маневров, а также присутствие на них Николая II и членов императорской семьи позволили обеспечить своевременное и успешное выполнение поставленных перед штабами, службами и войсками задач. Выявленные в ходе маневров недостатки были детально проанализированы в отчете главного посредника – Великого князя Михаила Николаевича, справедливо отметившего: «Минувшие маневры дали обширный материал для суждения о результатах мирной подготовки войск и степени готовности их к выполнению тех назначений, которые могут выпасть на их долю в случае войны. Прекрасные качества солдата, его выносливость и неутомимость, служащие верным залогом для достижения блестящих результатов, вновь были проявлены на маневрах и вновь доказали, что с нашим солдатом самые трудные и тяжелые задачи не встретят затруднений при их выполнении» [7, с. 82].

Примечания:

1. См.: Всеподданнейший отчет главного посредника о больших в Высочайшем присутствии маневрах в Курской губернии 1902 года. СПб, 1903. 128 с.: карт.; Драке Л.Л. В период больших

Курских маневров 1902 г. (Отрывочные воспоминания) // Военно-исторический вестник (Киев). 1911. № 3-4. С. 31-38; Степанов В.Б. Большие военные маневры под Курском // Курский край. 2003. № 3-4. С. 14-16.

2. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 1759. Оп. 3. Д. 77.

3. РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 77. Л. 2.

4. РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 1014.

5. РГВИА. Ф. 372. Оп. 4. Д. 80. Л. 152-152-об.

6. РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 325. Л. 1, 6, 12, 16.

7. Всеподданнейший отчет главного посредника о больших в Высочайшем присутствии маневрах в Курской губернии 1902 года. СПб., 1903.

8. Степанов В.Б. Большие военные маневры под Курском // Курский край. 2003. № 3-4. С. 14.

9. Драке Л.Л. В период Больших курских маневров 1902 г. (Отрывочные воспоминания) // Военно-исторический вестник (Киев). 1911. № 3-4.

10. Нива. 1902. № 37. С. 743.

11. «Прекрасные качества солдата вновь были проявлены на маневрах...» (К 110-летию проведения на территории Курской губернии Больших маневров в Высочайшем присутствии): Курский военно-исторический сборник. Вып. 9. Курск, 2012.

References:

1. Sm.: Vsepoddanneishii otchet glavnogo posrednika o bol'shikh v V ysochaishem prisutstvii manevrakh v Kurskoi gubernii 1902 goda. SPb, 1903. 128 s.: kart.; Drake L.L. V period bol'shikh Kurskikh manevrov 1902 g. (Otryvochnye vospominaniya) // Voенно-istoricheskii vestnik (Kiev). 1911. № 3-4. S. 31-38; Stepanov V.B. Bol'shie voennye manevry pod Kurskom // Kurskii krai. 2003. № 3-4. S. 14-16.

2. Rossiiskii gosudarstvennyi voенно-istoricheskii arkhiv (dalee – RGVIA). F. 1759. Op. 3. D. 77.

3. RGVIA. F. 1. Op. 2. D. 77. L. 2.

4. RGVIA. F. 1759. Op. 3. D. 1014.

5. RGVIA. F. 372. Op. 4. D. 80. L. 152-152-ob.

6. RGVIA. F. 1759. Op. 3. D. 325. L. 1, 6, 12, 16.

7. Vsepoddanneishii otchet glavnogo posrednika o bol'shikh v Vysochaishem prisutstvii manevrakh v Kurskoi gubernii 1902 goda. SPb., 1903.

8. Stepanov V.B. Bol'shie voennye manevry pod Kurskom // Kurskii krai. 2003. № 3-4. S. 14.

9. Drake L.L. V period Bol'shikh kurskikh manevrov 1902 g. (Otryvochnye vospominaniya) // Voенно-istoricheskii vestnik (Kiev). 1911. № 3-4.

10. Niva. 1902. № 37. S. 743.

11. «Prekrasnye kachestva soldata vnov' byli proyavleny na manevrakh...» (K 110-letiyu provedeniya na territorii Kurskoi gubernii Bol'shikh manevrov v V ysochaishem prisutstvii): Kurskii voенно-istoricheskii sbornik. Vyp. 9. Kursk, 2012.

УДК 94

Романовы и русская армия: участие Николая II и членов императорской семьи в Больших маневрах 1902 года

Владимир Викторович Коровин

Юго-Западный государственный университет, Россия

305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Доктор исторических наук, профессор

E-mail: vlavikor@yandex.ru

Аннотация. На основе вводимых в научный оборот документов федеральных архивов в статье раскрываются различные аспекты организации в 1902 г. на территории Курской губернии Больших маневров с участием в их проведении Николая II, членов императорской семьи, присутствием иностранных наблюдателей. Приведенный в публикации материал позволяет расширить представление об участии правящей династии в военном строительстве начала XX века.

Ключевые слова: Большие маневры; корпус; штаб; Курск; дислокация; Южная армия; Московская армия; смотр; Николай II; противник.

UDC 94

Unequal Marriages within the Russian Imperial Home and the 1911 Meeting of the Grand Dukes

Stanislav V. Dumin

State Historical Museum, Russian Federation

1 Red Square, Moscow, 109012

Candidate of Historical Sciences, Lead Researcher

General Secretary of the International Genealogical Academy

President of the Russian Genealogical Federation

E-mail: stanislav.dumin@yandex.ru

Abstract. In celebrating the 400th anniversary of the Russian Imperial Household in 2013, it is important to remember that the historic dynasty did not disappear in 1917 and, as with the earlier ruling dynasties, it still retains its status and its structure based on the Law on Succession and the Provision on the Imperial Family. These documents, in part, define that the dynasty includes just the Romanov descendants born from marital unions with the ruling or previously ruling dynasties. The rest of the Romanov descendants that were born from unequal, morganatic marriages, did not belong to the Russian Imperial Family and, correspondingly, did not have the right to the throne. Until 1911, these marriages were simply forbidden for all members of the dynasty. In mentioning representatives of the Romanov family, popular literature and the media often do not mention this circumstance and instead include individuals who were not part of the dynasty, even though they were descended from the Russian Emperors through the paternal or the maternal line. Representatives of the so-called “Association of the Romanov Household”, descendants of Grand Dukes or Dukes of Imperial Blood from unequal marriages, would often point to a decree made by Nicholas II in 1911. The decree stated that the lesser Romanovs, dukes and duchesses of imperial blood, that is, great grandchildren and more distant descendants of Emperors, could enter into unequal marriages with Royal Permission. However, the theory stating that this decree somehow still gave these descendants dynastic rights is refuted through the materials that we have uncovered in the State Archives of the Russian Federation detailing the meeting of the Grand Dukes, called together by the order of Nicholas II and the resolution of the Emperor at the end of this meeting that is published in the article. As such, out of all the Romanov descendants still alive today, the status of being a true member of the dynasty only remains with the current head of the Imperial Household, the Grand Duchess Mariya Vladimirovna and her son (from a dynastic marriage) and heir, Crown Prince and Grand Duke Georgiy Mikhaylovich, who, according to the Law on Succession, is the person who should continue the Romanov Household.

Keywords: The Romanovs; Russian Imperial Household; Law on Succession; Grand Dukes; Dukes of Imperial Blood; unequal marriages.

1. Династические и неравнородные браки по законам Российской империи.

«Акт о престолонаследии», утвержденный императором Павлом I после коронации 5 апреля 1797 г., повелевал для членов Императорского Дома «женитьбы не почитать законными без дозволения Государя на оные» [41, с. 587-589], но не определял никаких иных формальных ограничений; предполагалось, что император сам решит, какие именно браки соответствуют интересам империи и династии.

Понятие равнородного, династического брака как неременного условия передачи потомству прав на престол появилось в российском законодательстве лишь в 1820 г. «Виновником» этого стал Великий князь Константин Павлович. Расторгнув брак с первой женой, принцессой Саксен-Кобургской, он с разрешения Александра I 12 мая 1820 г. обвенчался с польской графиней Иоанной Грузинской. Новой супруге цесаревича был пожалован титул светлейшей княгини Лович [11, с. 240-241]. Но ни она, ни возможное потомство (детей, впрочем, у них не было) не могли претендовать на принадлежность к династии. Еще в манифесте императора Александра I от 20 марта 1820 г. о расторжении первого брака Константина было указано:

«Мы признаем за благо для непоколебимого сохранения достоинства и спокойствия Императорской Фамилии и самой Империи Нашей присовокупить к прежним постановлениям об Императорской Фамилии следующее дополнительное правило: если какое лицо из Императорской Фамилии вступит в брачный союз с лицом, не имеющим соответственного достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому Царствующему или Владетельному Дому, в таком случае лицо Императорской Фамилии не может сообщить другому прав, принадлежащих членам Императорской Фамилии, и рождаемые от такого союза дети не имеют права на наследование Престола»; это условие должно было сохраняться «в вечные времена свято и ненарушимо» [36, с. 101].

В соответствии с манифестом в раздел «О порядке наследования Престола» Основных Законов Российской империи была внесена дополнительная 36 статья:

«Дети, происшедшие от брачного союза лица Императорской Фамилии с лицом, не имеющим соответственного достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому Царствующему или Владетельному Дому, на наследование престола права не имеют» [41, ст. 36].

Статья 188 «Основных законов» (в "Учреждении об Императорской Фамилии") еще раз поясняет, что *«Лицо Императорской Фамилии, вступившее в брачный союз с лицом, не имеющим соответственного достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому Царствующему или Владетельному Дому, не может сообщить ни оному, ни потомству, от брака сего произойти могущему, прав, принадлежащих Членам Императорской Фамилии» [41, ст. 188].*

И хотя некоторые Великие князья порой увлекались «простыми смертными», долгое время получить разрешение на такой брак было практически невозможно. Внук Николая I Великий князь Михаил Михайлович (1861–1929), женившись в 1891 году на графине Софье Николаевне фон Меренберг, дочери принца Николая Вильгельма Нассауского от морганатического брака с Натальей Александровной Пушкиной (дочерью знаменитого поэта), был вынужден навсегда покинуть Россию. Он поселился в Англии, где их дети, получившие от родственника (Великого герцога Люксембургского) титул графов Торби, породнились с местной аристократией [11, с. 211].

Император Александр III с родственниками

И старший сын Николая I, будущий Александр II, увлеченный одной из фрейлин, полькой Ольгой Калиновской, вынужден был отказаться от любимой [26, с. 35-36]. В 1838 г. во время путешествия по Европе цесаревич избрал в жены дочь Великого герцога Людвиг II Гессен-Дармштадтского принцессу Максимилиану-Вильгельмину-Августу-Софию-Марию (1824–1880), принявшую при переходе в православие имя Мария Александровна. От этого брака было восемь детей, в том числе и будущий император Александр III [26, с. 35-36]. Впрочем, впоследствии Александр II все же заключил такой неравнородный брак со своей возлюбленной, княжной Екатериной Долгоруковой. Она и их дети (родившиеся до брака) получили титул светлейших князей Юрьевских, но так и не стали членами династии [11, с. 105, 241 и др.].

С 1889 по 1911 г. введенное по указу императора Александра III примечание к статье 188 запрещало неравнородные, нединастические браки всем членам Императорской Фамилии [36, с. 23]. Такой брак вообще не мог считаться законным, даже в случае церковного венчания (как это было, например, с браком Великого князя Николая Константиновича, дети которого получили права личного, а позже и потомственного дворянства с фамилией Искандер лишь по Высочайшей милости, подобно некоторым внебрачным детям членов династии) [11, с. 246-247].

Указом Николая II 11 августа 1911 г. в примечании к статье 188 было внесено изменение, теперь ее текст гласил:

«Впредь никто из Великих Князей и Великих Княжон не может вступать в брак с лицом, не имеющим соответственного достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому Царствующему или Владетельному Дому» [41, ст. 188. Примечание], т.е. полный запрет на неравнородные браки был сохранен только для Великих князей и Великих княжон (впрочем, на практике и их морганатические браки иногда дозволялись главой Дома, в изъятие из законов общих, а иногда совершались без формального соизволения) [11, 24 и др.]. С этого времени младшие члены династии – правнуки и более отдаленные потомки императоров, носившие титул князей императорской крови – могли вступать в браки (с согласия главы Дома) не только с особами «династического ранга».

Таким образом, стал, например, возможен в 1914 г. брак княжны императорской крови Ирины Александровны с князем Феликсом Феликсовичем Юсуповым графом Сумароковым-Эльстон [11, с. 225; 13]. Указ 1911 г. и примечание к статье 188 создали юридические основания для подобных брачных союзов, но сама статья 188, как и статья 36 «Основных законов» (относившаяся к числу неприкосновенных, не подлежащих пересмотру даже по воле императора) сохраняли четкие юридические формулы, в соответствии с которыми ни морганатические супруги членов династии, ни потомки от морганатических браков к Императорскому Дому не принадлежали.

При этом именно Глава Императорского Дома (император де-юре) является единственным лицом, полномочным решать вопрос о равнородности или неравнородности брака (в том числе и своем собственном, как сделал бы это, скажем, Николай II, если бы не успел получить отцовское благословение при жизни Александра III; но венчался он уже будучи императором, т.е. главой Дома).

Разумеется, даже Глава Дома вряд ли способен сделать династическим брак с простолюдинкой или простой дворянкой, не имеющей соответствующего ранга (хотя теоретически можно предположить ситуацию, законом не предусмотренную, но и не исключенную, когда такой ранг может быть невесте или ее родителям специально пожалован, как жаловали, скажем, русские цари в XVII в. знатных выходцев из татарских орд званием царей и царевичей Касимовских с соответствующим уделом) [30]. Однако именно Глава Дома правомочен оценивать статус той или иной семьи, утратившей престол, но по происхождению принадлежавшей к владетельному роду, как династический.

Известно, что император Александр III не одобрял кандидатуру невесты наследника (будущей императрицы Александры Феодоровны) и рассматривал возможность его брака с одной из принцесс Орлеанского Дома (из рода Бурбонов), утратившего французский престол еще в 1848 г. [27, с. 37]¹ Но, с другой стороны, Великий князь Борис Владимирович

¹ Речь идет о принцессе Елене Орлеанской (1871–1951), правнучке короля Луи-Филиппа. Ее отцом был граф Парижский, претендент на французский престол Франции, матерью – испанская принцесса Мария Изабелла. О разговоре на эту тему с матерью, императрицей Марией Феодоровной, цесаревич

не получил согласия на брак с принцессой Баттенбергской, так как этот род (находившийся с Романовыми в близком родстве и даже некоторое время занимавший престол Княжества Болгарского) происходил от морганатического брака (что не помешало потом этой принцессе стать королевой Испании) [11, с. 216].

Таким образом, реальная практика Российского Императорского Дома свидетельствует, что «равнородными» могли считаться браки и с представителями прежде царствовавших Домов, сохраняющими династический статус, но зависело это только от воли главы династии, как и признание равнородности или неравнородности брака в «спорных» случаях.

Существует три фактора, определяющие династический статус семьи или лица: реальное положение в том или ином государстве, закрепленное юридически, законное (соответствующее внутрифамильному регламенту, правила могут здесь значительно различаться) происхождение из правящего или некогда правившего Дома (при сохранении последним соответствующего фамильного распорядка, статуса, признанного другими династиями), и наконец, международно-правовое или внутригосударственное признание данного статуса.

В «идеале», в существующих ныне монархиях обычно присутствуют все элементы династического статуса. Но и в новейшие времена известны случаи, когда такой статус был обретен семьей лишь в момент вступления на престол (Бонапарты; нынешняя шведская династия Бернадотов, происходящая от французского генерала-якобинца; сербско-югославская династия Карагеоргиевичей, выходцев из простых крестьян, захвативших сербский престол в результате кровавого переворота и убийства короля – последнего представителя прежней династии Обреновичей, также, впрочем, неаристократического происхождения). Браки Романовых с Бернадотами и Карагеоргиевичами являлись равнородными, хотя, разумеется, не признавались бы таковыми до приобретения данными семьями престолов Швеции и Сербии и официального признания в этом качестве главой Российского Императорского Дома. Если бы, скажем, Николай II не признал королевского сана Карагеоргиевичей после захвата ими сербского престола, заключенный 2 сентября 1911 г. брак князя императорской крови Иоанна Константиновича с сербской королевной Еленой Петровной [11, с. 218] был бы невозможен, так как с точки зрения Российской империи она не являлась бы принцессой (хотя уже обладала этим титулом у себя на родине).

В случае династий, утративших престол, их международно-правовой статус может отличаться от внутригосударственного. Примером служит хотя бы ситуация королевского Дома Обеих Сицилий после образования Итальянского королевства. В 1860 г. Савойский Дом, захватив владения неаполитанских Бурбонов, изгнал их страны, но до сих пор эта семья является одной из наиболее уважаемых династий Европы, сохраняя, как и прочие ранее царствовавшие семьи, свои династические ордена [22]. Известны, однако, многочисленные случаи, когда династический статус (прежде всего право на равнородные браки с представителями царствующих Домов) сохранялся и после присоединения тех или иных государств к владениям более сильных соседей. Речь идет не только о династиях, потерявших престол в XIX–XX в. (в результате объединения Германии, Италии, Югославии, после революций 1918 г. в Германии и Австро-Венгрии, после II мировой войны и т.д.), но и о так называемых «медиатизированных» родах, некогда правивших в многочисленных мелких государствах Священной Римской империи. В начале XIX в. их государства были присоединены к более крупным владениям, королевствам и герцогствам, но, в утешение, за представителями таких родов сохранялся династический статус, и они рассматривались как равноправные брачные партнеры и для тех королевских, герцогских и княжеских домов, которые еще сохраняли свои суверенные права. Как мы видели, Российский Императорский Дом, по примеру прочих европейских династий, уже в XIX в. признавал возможность считать браки с представителями нецарствующих домов, сохраняющих династический статус, равнородными.

Признание брака равнородным – прерогатива главы Дома, и лишь ему предоставлено судить, какой брак служит интересам его династии. Глава Дома может разрешить или запретить заведомо династический брак, имеет право разрешить брак морганатический (отдавая себе отчет, что в этом случае закон лишает возможное потомство династических

упоминает в дневнике 29 января 1892 г. Впоследствии принцесса вышла замуж за итальянского принца, герцога Аоста.

прав), и самое главное, лишь ему предоставлена законом возможность юридической интерпретации этих браков, т.е. право судить, какой именно брак является династическим, а какой – не является.

«Классическим примером» такой «свободной интерпретации» можно считать брак Великой княжны Марии Николаевны (1819–1876) с герцогом Максимилианом-Евгением-Иосифом-Августом-Наполеоном Лейхтенбергским (1817–1852). Его отец, виконт Евгений Богарне, потомок французского дворянского рода, пасынок Наполеона (сын императрицы Жозефины) и вице-король Италии, женатый на дочери баварского короля, получил от последнего титул герцога Лейхтенбергского с правами медиатизированного Дома. Богарне никогда нигде не царствовали, но их родство с баварским королем и некоторыми другими династиями (также благодаря брачным союзам) позволило Николаю I не только разрешить этот брак, но и включить потомство от него в Российский Императорский Дом с титулом князей Романовских с наименованием Императорскими Высочествами [11, с. 192-193].

Кроме того, оценивая статус жениха или невесты, Глава Дома может принять решение, противоположное решению своих предшественников, исходя из своих соображений, изменений в реальном положении данной семьи.

Владетельный князь Мингрельский Николай Даддани до 1867 г. оставался вассалом русского императора, а затем, после ликвидации в Мингрелии княжеской администрации, с точки зрения петербургского двора превратился в «титулярного» русского князя, хотя и с титулом светлости. Но после изгнания из Болгарии князя Александра Баттенбергского светлейший князь Н.Н. Мингрельский был одним из кандидатов на болгарский престол (его поддерживало русское правительство) [31, с. 56]. В результате, правда, победил австро-германский кандидат, принц Фердинанд Кобургский; но могло быть иначе, и бывший подданный русского императора, став князем Болгарии, мог бы заключить династический брак с представительницей Российского Императорского Дома. Это относится и к статусу семей, некогда царствовавших на территориях, присоединенных в разное время к Российской империи. В момент присоединения этих земель император мог желать, чтобы прежняя династия не сохраняла свой владетельный статус, и даже принять соответствующие законодательные акты с целью превратить потомков царей и владетельных князей в рядовых подданных. Начало этому было, кстати, положено еще Петром I, который повелел царевичам Сибирским (потомкам хана Кучума, которые при русском дворе в XVII в., как видно из тогдашних документов, были «честью бояр выше»), именоваться не царевичами, а князьями [30]. Но эти акты имели прежде всего внутривососсийское значение (с точки зрения международного права статус династии мог сохраняться и после утраты реальной политической власти). Впрочем, в Российской империи важна была именно оценка статуса семьи государем. И как мы уже сказали, новый государь, новый Глава Императорского Дома имел право и возможность пересмотреть решение своего предшественника (скажем, если бы кто-то из русских императоров в XVIII или XIX вв. пожелал бы жениться на какой-нибудь княжне Сибирской, он – но только он – мог бы вернуть ей титул царевны, а ее роду династический статус, отобранный в начале века; для этого нужно было только одно условие – чтобы на то была его Высочайшая воля).

В таких случаях, разумеется, решение главы Императорского Дома продиктовано обычно «общепризнанной» юридической ситуацией каждого конкретного лица, определяемой, как уже говорилось, и международно-правовыми, и внутривососсийскими нормами. Глава Дома не может лишить иностранного принца или принцессу другого Царствующего или Владетельного Дома, с которым Романовы уже поддерживают отношения, династических прав, поскольку таковые вытекают из уже состоявшегося признания статуса данной династии.

В случаях, когда династия, с которой предполагается брачный союз, уже утратила реальную политическую власть, именно Глава Дома (и никто иной) определяет, соответствует ли нынешний реальный статус указанной семьи его внутривососсийским установлениям. Именно так это было в случае заключенного в 1948 г. династического, т.е. равноправного брака самого Великого князя Владимира Кирилловича с княжной Леонидой Георгиевной Багратион-Мухранской, дочерью главы Грузинского Царского Дома князя Георгия Ираклиевича. Династический статус этой ветви древней грузинской династии за два года до этого, 5 декабря 1946 г., был признан Российским Императорским Домом (его главой, т.е. самим Великим князем Владимиром Кирилловичем, причем по согласованию с своим дядей Великим князем Андреем Владимировичем, следующим по

старшинству членом династии, т.е. формально, в тот момент, его наследником). Поводом к этому стал династический брак брата будущей Великой княгини, князя Ираклия Георгиевича Багратион-Мухранского, с испанской инфантой – брак, уже связавший древнюю царскую династию Багратионов с двумя древними европейскими династиями – баварскими Виттельсбахами и испанскими Бурбунами [11, с. 176-178; 15; 16; 17; 28, с. 293-314 и др.].

Великий князь Владимир Кириллович с женой и дочерью

Итак, по закону династии Романовых принадлежит только потомство, рожденное от брачных союзов с царствующими или прежде царствовавшими династиями, сохранившими династический статус. Все прочие потомки Романовых, происходящие от неравнородных, «морганатических» браков, лишаются прав на престол и не принадлежат к российской Императорской Фамилии.

Однако представители так называемого «Объединения Дома Романовых», живущие в США, Великобритании, Швейцарии, Дании и других странах довольно многочисленные потомки Романовых от неравнородных браков, пытаются использовать упоминавшийся выше указ Николая II 11 августа 1911 г., пытаясь доказать свое право считаться членами Дома Романовых.

Особенно активен тут председатель «Объединения Дома Романовых», Николай Романович Романов (сын князя императорской крови Романа Петровича от неравнородного брака с графиней Прасковьей Дмитриевной Шереметевой, внук Великого князя Петра Николаевича). В своих письмах и заявлениях в официальные российские инстанции он объявлял себя также «представителем старшей ныне ветви Дома Романовых», хотя даже в морганатическом потомстве не является таковым (существуют две прямых линии морганатического потомства императора Александра II, светлейшие князья Романовские-Ильинские [11, с. 252-253] и Юрьевские [29], а Николай Романович и его брат Дмитрий, вице-председатель «Объединения», происходят от Великого князя Николая Николаевича, младшего брата Александра II). Прекрасно понимая, что и брак его отца (аристократический, но отнюдь не династический), и браки в эмиграции остальных мужских представителей Императорского Дома, чьи дети сейчас являются членами возглавляемого

им «Объединения», не соответствуют ст. 36 и 188 «Основных законов» [20], Николай Романович ищет способ обосновать свои притязания. Основной его тезис: изменение формулировки к статье 188 «Учреждения об Императорской Фамилии» якобы открывало князьям крови, в отличие от Великих князей, возможность заключать неравнородные браки без ущерба для своих династических прав.

В письме к автору этих строк Николай Романович утверждал: «С приложением к статье 188 препятствия бракам Князей с русскими более не было, и только Кирилла Владимировича вина смуты в семье» [4].

Великий князь Кирилл Владимирович

Ошибочность этого утверждения ясна любому человеку, хоть сколько-нибудь знакомому с русским династическим правом. Уже много раз говорилось, что основные статьи закона (определявшие права династического и нединастического потомства Романовых) остались неизменными, а изменение примечания должно было лишь создать законные основания для разрешения некоторых морганатических, неравнородных браков (с теми же ограничениями в правах супруг и потомства).

Тем не менее данные тезисы нашли некоторый отклик даже в научной литературе. Под влиянием Николая Романовича французский генеалог Жак Ферран, издавший в 1995 г. книгу о роде Романовых, аналогичным образом интерпретирует акт 1911 г. и упрекает «Кирилловичей» в «остракизме» по отношению к прочим родственникам, которых он титулует «князьями Романовыми» [45, с. 2-7]. Читатели, введенные в заблуждение, вполне могут подумать, что в 1911 году действительно был издан акт, открывающий путь на престол потомству от подобных браков, кем-то «злостно замалчиваемый».

Этому верят и некоторые журналисты и авторы популярных публикаций, порой противопоставляющие нынешней главе Императорского Дома тех или иных дальних родственников, происходящих от русских императоров по мужской или по женской линии, которые якобы тоже имеют право представлять Дом Романовых, хотя на самом деле юридически они к династии не принадлежат.

Поэтому представляется полезным более подробно остановиться на этом вопросе и беспристрастно, опираясь только на документы, рассказать о том, как готовился и что реально означал указ 1911 года, изданию которого предшествовали совещания старших по рангу членов Императорской Фамилии – Великих князей – в начале 1911 года.

2. Совещание Великих князей 1911 г.

Материалы этого совещания были разосланы его участникам. Один их экземпляр, принадлежавший Великому князю Андрею Владимировичу, находится сейчас в Архиве Российского Императорского Дома, где автор этих строк обнаружил его в августе 1997 г. (в то время эти документы, в числе прочих бумаг Великого князя Андрея, которые после его смерти вдова передала Императорской Семье, находились в Сен-Бриаке, Франция, а впоследствии были перевезены в Мадрид) [32]. В январе 1998 г. те же и некоторые дополнительные материалы были нами найдены и в фонде императора Николая II в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в Москве (далее, для удобства других исследователей, мы ссылаемся именно на материалы ГАРФ). Это «Журнал

образованного по Высочайшему повелению Семейного Совета для рассмотрения вопроса о браках Князей и Княжон Крови Императорской с лицами, не имеющими соответственного достоинства» [2].

Итак, 8 февраля 1911 года Император Николай II принял решение поручить совещанию Великих князей обсудить некоторые возможные изменения в «Учреждении об Императорской Фамилии», связанные с возможностью допустить для членов династии запрещенные ранее морганатические браки. По Высочайшему повелению председательствовал на этом совещании старейший по возрасту – Великий князь Николай Николаевич. Но в списке участников они перечислены по династическому старшинству: Великие князья Кирилл, Борис и Андрей Владимировичи, Константин и Дмитрий Константиновичи, Николай и Петр Николаевичи, Николай, Георгий, Александр и Сергей Михайловичи. Не были призваны для участия в совещании Великие князья Михаил Александрович, Павел Александрович и Михаил Михайлович (находившиеся за границей именно по причине своих неравнородных браков), Николай Константинович (живший в то время в ссылке в Ташкенте и также женатый морганатически) и 19-летний Дмитрий Павлович (очевидно, слишком юный для участия в семейных советах).

Император Николай II

Первое заседание состоялось в Зимнем Дворце 21 февраля, второе – 23 февраля 1911 г. На первом совещании участники, в частности, рассмотрели предложение дополнить «Учреждение об Императорской Фамилии» статьей, которая специально оговаривала бы, что *«Князья и Княжны Крови Императорской могут, с соизволения Царствующего Императора, вступить в брак с лицом, не имеющим соответственного достоинства, т.е. не принадлежащим ни к какому Царствующему или Владетельному дому, причем в таком случае ни указанному лицу, ни потомству, могущему произойти от этого брака, не предоставляется никаких прав, принадлежащих Членам Императорской Фамилии»*.

Как записано в журнале, *«после некоторого обмена мнениями совещание нашло, что проект этот тождественен по смыслу со ст. 188 Уч[реждения] об Имп[ераторской] Фамилии, которая вполне поглощает весь проект и несравненно лучше редактирована. Никакой необходимости внесения в Уч[реждение] об Имп[ераторской] Фамилии означенной статьи не усматривается»* [2].

Статья 188 цитировалась выше и, действительно, вполне четко оговаривает безусловное отсутствие у морганатического потомства династических прав. Это обстоятельство не вызвало у участников совещания ни малейших сомнений; дискуссия была о другом: о том, какими именно правами следует наделять это *потомство, уже не принадлежащее к династии, хотя и связанное с нею родством*.

Одним из вопросов, затронутых участниками, был вопрос о фамилиях и титулах супруг и потомства от неравнородных браков. Поднимался и вопрос о праве члена династии, вступившего в неравнородный брак, носить прежний титул.

Некоторые участники совещания, прежде всего Великий князь Николай Михайлович, предлагали разделить браки членов Императорской Фамилии на три категории: равнородные (т.е. династические, единственно присваивающие потомству права на престолонаследие), неравнородные, но соответствующего достоинства (с представителями аристократических родов (тут назывались русские фамилии – князья Шаховские, графы Шереметевы, князья Ливены – и иностранные из 2 и 3 частей «Готского альманаха»)* и не соответствующие – с недворянками, незнатными дворянками. Как говорил Великий князь Николай Михайлович, «ведь разница большая, если Князь Крови вступит в брак с княжною Оболенской, Горчаковой, Шаховской или с принцессою Гогенлоэ, Колонна, Роган и т.д. и с девицею Ивановой, Петровой, дарованного дворянства или приобретенного вследствие ордена Св. Владимира, а также инородными девицами Шульц, Шмидт, Мюллер и т.д.». В случае браков с совершенно незнатными лицами предлагалось даже лишать князей и княжон крови их титулов и содержания из уделов [2].

Великий князь Борис Владимирович

В промежутке между совещаниями Великий князь Андрей Владимирович по поручению родственников посетил Департамент Герольдии Правительствующего Сената, чтобы выяснить, каким образом можно юридически разграничить знатное и незнатное дворянство. Познакомившись ближе с существующей системой разделения дворянских родов на шесть частей родословной книги, Великий князь убедился, что формальных признаков для отделения действительно знатных родов от незнатных (хотя и старых) не существует, и участники совещания пришли к выводу о невозможности четко определить круг семей, брачный союз с которыми может считаться при неравнородных браках допустимым. В конце концов было решено, что раз брак должен санкционировать лично

* Готский альманах, *Almanach de Gotha, Gothaischer Hofkalender*, наиболее авторитетный в прошлом европейский генеалогический справочник, с 1763 по 1944 г. издававшийся в г. Гота (Германия). Издание делилось на несколько серий, в которых публиковались соответственно родословные княжеских, графских, баронских и нетитулованных фамилий. «Княжеские» тома делились на три части: в первой части печатались сведения о царствующих и царствовавших прежде династиях, во второй – данные о «медиатизированных» родах. В третьей части «княжеских» томов публиковались родословные «титularных» княжеских семей, в том числе русских (Рюриковичей, Гедиминовичей, жалованных князей), грузинских. В 1951 г. это издание возобновилось в Западной Германии (в г. Глюксбурге, затем г. Лимбурге) под измененным названием (*Genealogisches Handbuch des Adels*), но с абсолютно идентичной структурой. В этом справочнике публиковались и послевоенные данные как о Доме Романовых (в первой части) [46], так и о морганатических потомках Романовых (в третьей части) [50; 51; 52; 53]. Любопытно, что в 1911 г. великий князь Николай Михайлович даже медиатизированные роды, из второй части «Готы», считал «не ровней» Романовым, хотя, например, упоминаемые им князья Гогенлоэ сохраняли династический статус и продолжали родниться с еще царствовавшими германскими династиями.

государь, то можно решать этот вопрос в каждом отдельном случае. Инстанцией, полномочной рекомендовать или не рекомендовать государю разрешить брак, совещание рекомендовало сделать Семейный Совет [2].

Некоторые участники совещания предлагали внести в «Учреждение» формулу, согласно которой князь и княжна крови, вступая в неравнородный брак, теряли бы свой статус и лишались бы прав престолонаследия. По поручению родственников Великий князь Андрей Владимирович специально обсудил эту проблему с министром юстиции И.Г. Щегловитовым. Министр напомнил, что по закону члены Императорского Дома не могут быть лишены права на престолонаследие; единственным законным способом для этого является их собственное добровольное отречение, обращенное в закон, т.е. оформленное надлежащим образом (через Сенат). После этого на совещании было решено сформулировать эту рекомендацию иначе: предложить князьям и княжнам крови, желающим вступить в неравнородный брак, еще до брака добровольно отказаться от права престолонаследия [2]. Таким образом, за ними сохранялась свобода выбора, и отказ от прав на престол становился не последствием, а условием согласия государя на неравнородный брак.

На всех совещаниях предметом оживленного обсуждения был вопрос о фамилии и титуле морганатических супругов и потомства князей крови. Предложения были различны, вплоть до предоставления женам права носить титул их мужей, т.е. соответственно Высочества или Светлости (последний принадлежал более отдаленным потомкам императора). Великие князья Георгий, Александр и Сергей Михайловичи предложили *«супруге Князя Крови Императорской, не принадлежащей ни к какому Царствующему или Владетельному Дому, и детям, присваивается фамилия князей Романовых с каким-либо добавлением. При этом супруге Князя Крови Императорской присваивается принадлежащий ей Супругу титул (Высочества или Светлости), а детям титул Светлости. Как супруга, так и дети пользуются правами, принадлежащими на общем основании княжеских родов [так!] Российской Империи»*. Но большинство, Великие князья Кирилл, Борис и Андрей Владимировичи, Константин Константинович, Николай Николаевич и Петр Николаевич (дед Николая Романовича) занимали более жесткую позицию, предлагая формулировку:

«Супруге Князя Крови Императорской, не принадлежащей ни к какому Царствующему или Владетельному Дому, и детям, присваивается фамилия по усмотрению Царствующего Императора, с титулом Светлости и с правами, принадлежащими на общих основаниях княжеским родам Российской Империи».

Особое мнение высказал Великий князь Николай Михайлович, который *«относительно фамилии Князей Крови, вступающих в брак с лицами, не имеющими соответственного достоинства, предложил бы для каждого отдельного случая давать таковую из титула Его Величества, и именно князей Ярославских, Тверских, Московских, Киевских, Черниговских, Смоленских, Рязанских и т. д., при условии тех же прав для мужа, жены и детей»*, но лишь для браков с представительницами аристократии. В случаях же второй категории, т.е. при браке Князя Крови с девицей Ивановой, я не давал бы титулованной фамилии, уже потому, чтобы таких браков было на деле возможно меньше. В этих случаях, которые я лично совсем не разрешал бы, можно было бы давать уже совсем иную фамилию, не имеющую ничего общего с Романовыми. Что касается Княжон Крови, то вопрос разрешался бы проще. Княжна Крови, выходя за князя Горчакова, носила бы его фамилию, сохраняя лично титул Высочества. Но при браке с дворянином Ивановым я бы не разрешил ей сохранять титул, а просто лишил, для сокращения возможности таких браков» [2].

Рассмотрев эти предложения, министр юстиции напомнил, что фамилия Романовых в Основных законах упоминается лишь при описании родового герба Дома Романовых, а Великие князья и княгини, князья и княжны крови именуется в документах только именем и отчеством; *«по силе Учреждения об Императорской Фамилии членам оной не присвоено никакой фамилии, и в частности фамилии Романовых, а посему предоставление лицам, не принадлежащим к Царствующему Императорскому Дому, фамилии князей Романовых, по-видимому, явилось бы дарованием им особого преимущества, по сравнению с лицами, пользующимися правами Членов Императорского Дома»*. Вариант с фамилией, взятой из полного титула императора, был также подвергнут критике: *«указание на какую то ни было связь с Престолом, приличествующая [...] для Царствующих или*

Владельцев Домов, казалось бы, не может иметь места по отношению к лицам, именно не принадлежащим к числу Членов Императорской Фамилии». Кроме того, он подчеркнул, что «о тождественности неимения соответственного достоинства с непринадлежностью ни к какому Царствующему или Владетельному Дому установлено не только в ст. 188 Уч[реждения] об Имп[ераторской] Фамилии и примечаниях к ней, но и в ст. 36 Осн[овных] Гос[ударственных] Зак[онов], которая, в соответствии со ст. 8 этих законов, могла быть изменена не иначе, как законодательным порядком, поэтому введение иных подразделений представляется недопустимым» [2].

Мнение министра было учтено в последующем обсуждении.

В тех же материалах отмечено, что Великие князья Кирилл Владимирович, Николай Николаевич, Петр Николаевич и Дмитрий Константиновича «полагают, что жены Князей Крови Императорской не должны носить фамилии Романовых» [2].

Обсуждался на совещании и вопрос о возможности расширения числа лиц, имеющих право на Великокняжеский титул. С царствования Александра III он был присвоен лишь детям и внукам императоров [3]. В результате уже через несколько десятилетий число Великих князей должно было резко уменьшиться (у Николая II был лишь один малолетний сын, его брат Великий князь Михаил Александрович заключил морганатический брак), и потому было предложено даровать право на этот титул старшему из прямых мужских потомков каждого из Великих князей. Этот вопрос обсуждался довольно горячо, так как прямо затрагивал судьбу детей и потомства присутствующих. Подавляющее большинство высказалось в поддержку этого предложения, и лишь неженатый Дмитрий Константинович считал его несвоевременным, говоря, что пока Великих князей и так достаточно, а станет их мало, Государь сам решит, кому стоит дать этот титул, да к тому же тогда Великих было мало и считались с ними больше, чем теперь. Соответствующие предложения были также сформулированы и представлены на рассмотрение государя.

Кроме того, большинство участников высказывались за разрешение на морганатические браки и для Великих князей. При этом справедливо указывалось, что право на престол определяется не близостью к поколению императора, а старшинством, и многие Великие князья – младшие дети Николая I и их дети (Николаевичи и Михайловичи) – в порядке на престолонаследие следовали после князей крови, происходивших от Великого князя Константина Николаевича (юных детей Константина Константиновича, которые могли бы воспользоваться этим послаблением), хотя и носили более высокий титул. Соответствующие предложения были также сформулированы [2].

В конце концов император Николай II ограничился изменением формулировки примечания к статье 188 «Учреждения об Императорской Фамилии». Волю государя довел до сведения Великих князей министр Двора барон В.Б. Фредерикс. Мы считаем своих долгом в полностью привести этот документ, не оставляющий абсолютно никаких сомнений относительно статуса потомков Романовых от морганатических браков.

«Ваше Императорское Высочество!

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, по всеподданнейшему моему докладу выработанного Совещанием Великих Князей, под председательством ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА, проекта изменений и дополнений Учреждения об ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамилии, с заключением Министра юстиции, благоугодно было преподать нижеследующие основания, при которых ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО признал возможным разрешать браки Князей и Княжон Крови ИМПЕРАТОРСКОЙ с лицами несоответствующего достоинства:

1). Браки с лицами несоответствующего достоинства ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР признал возможным разрешить не всем, вообще, Членам ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамилии, а лишь Князьям и Княжнам Крови ИМПЕРАТОРСКОЙ.

2) Брак Князей и Княжон Крови ИМПЕРАТОРСКОЙ считается законным лишь при наличии согласия Царствующего Императора.

3) Таковые браки будут разрешаемы ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ лишь при неременном условии отречения от прав на престолонаследие до вступления в брак Князя и Княжны Крови ИМПЕРАТОРСКОЙ.

4) Фамилия и герб супруге и потомству Князей Крови ИМПЕРАТОРСКОЙ, вступивших в брак с лицами несоответственного достоинства, будут жаловаться, в каждом отдельном

случае, ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ. Потомство Княжон Крови ИМПЕРАТОРСКОЙ будет носить фамилии Их супругов.

5) Как Князья, так и Княжны Крови ИМПЕРАТОРСКОЙ, при вступлении в брак с лицами несоответствующего достоинства, лично сохраняют титул и преимущества, им по рождению присвоенные, за исключением права на престолонаследие, от которого они до свадьбы отрекаются.

6) В отношении подразделения браков Князей и Княжон Крови ИМПЕРАТОРСКОЙ, ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно признать лишь два подразделения таковых браков: а) браки равные, т.е. с лицами, принадлежащими к Царствующему или Владетельному Дому, и б) браки не равные, т.е. с лицами, не принадлежащими к Царствующему или Владетельному Дому, не допуская иных подразделений.

7) В тех случаях, когда ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР признает желательным подвергнуть вопрос о допустимости того или иного брака Князя или Княжны Крови ИМПЕРАТОРСКОЙ предварительному обсуждению, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО будет назначать особый, в каждом отдельном случае, Семейный Совет по Личному СВОЕМУ выбору. По доведении о состоявшихся суждениях сего Совета до ВЫСОЧАЙШЕГО сведения вопрос о допустимости данного брака разрешается ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ.

8) Права и преимущества супругов и потомства Князя или Княжны Крови ИМПЕРАТОРСКОЙ, при вступлении в брак с лицами несоответствующего достоинства, имеют быть точно, в каждом отдельном случае, определяемы ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ в особом по сему предмету Указе Правительствующему Сенату.

9) Вводить в настоящее время какие-либо изменения в Учреждение об ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамилии ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ не угодно, за исключением изменения редакции примечания к статье 188 сего Учреждения в смысле воспрещения вступления в брак с лицами, не имеющими соответственного достоинства, лишь Великим Князьям и Великим Княжнам.

10) Вопрос о сохранении титула Великого Князя и ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА в роде каждого внука ИМПЕРАТОРА за старшим сыном и его старшими по праву первородства потомками мужского пола ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР изволил повелеть разработать и при этом обсудить, до какого, именно, колена должны быть сохранены подобные преимущества. В отношении остального потомства внуков ИМПЕРАТОРА существующие положения оставлены без изменений.

О вышесказанном считаю долгом почтительнейше довести до сведения ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА.

С глубочайшим благоговением
ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА

всепреданный слуга

Барон Фредерикс.

№ 574

14 июня 1911 года» [2, л. 58-59].

Из этого документа и из всех прочих материалов совещания видно, что никому (в том числе родным дедушкам и прадедушкам нынешних членов «Объединения Дома Романовых») и в голову не приходило предполагать, будто потомки членов Императорской Фамилии от неравнородных браков могут претендовать на какие-то династические права. Таким образом, закон не изменился.

3. Применение норм династического права в эмиграции и современное положение Дома Романовых.

В эмиграции Глава Российского Императорского Дома в изгнании, провозглашенный в 1924 г. императором Кирилл I Владимирович и его преемники строго соблюдали династический порядок. Разрешение на морганатические браки не только князьям крови, но и Великим князьям предоставлялись строго индивидуально, с учетом всех обстоятельств. В некоторых случаях от них требовался формальный отказ от права на престолонаследие (принадлежавшего лично им, но, разумеется, не распространявшегося на потомство). Известно такое отречение, представленное княжной крови Екатериной Иоанновной (1915–2007), дочерью погибшего в Алапаевске князя крови Иоанна Константиновича от упоминавшегося выше брака с сербской королевной. Она подписала такое отречение, вступая в брак с итальянским маркизом Руджеро Фараче де Виллафореста. 15 сентября

1937 г. император Кирилл I Владимирович издал Акт о сохранении за Екатериной Иоанновной титула княгини крови императорской и прочих принадлежащих ей прав, кроме права престолонаследия. В этом акте также повелевалось «*могущему произойти от вышеозначенного брака потомству носить титул и фамилию супруга Ея Высочества Княгини Екатерины Иоанновны*» [1, ф. 8, оп. 1, д. 60]. От мужских представителей Дома Романовых, насколько нам известно, такие отречения не требовались. Впрочем, как и предусматривалось в решении императора Николая II, при этом супругам и потомству предоставлялись особые фамилии. Те представители династии, которые обращались к главе Императорского Дома с ходатайствами о признании своих браков, получили для супруг и потомства титулы Светлейших князей Романовских с прибавлением других фамилий [28, с. 158-161], которые часто напоминали о прежних владениях их семьи в России. Так, супруга князя императорской крови Гавриила Константиновича стала Светлейшей княгиней Романовской-Стрельнинской (от Стрельни под Петербургом [11, с. 248], а супруга Великого князя Дмитрия Павловича американка Одри Эмери и их потомки (ныне здравствующие) получили фамилию Светлейших князей Романовских-Ильинских (от подмосковного имения Ильинское) [11, с. 252-253; 50], первая жена князя крови Всеволода Иоанновича (сына Иоанна Константиновича) стала Светлейшей княгиней Романовской-Павловской (от Павловска под Петербургом) [11, с. 253] и т.д. Матильда Феликсовна Кшесинская, супруга Великого князя Андрея Владимировича, и их сын Владимир, еще до революции получивший от императора Николая II потомственное дворянство с фамилией Красинский (семейная легенда Кшесинских приписывала им происхождение из этого польского графского рода) стали Светлейшими князьями Романовскими-Красинскими [11, с. 250-252; 52]. Но те члены династии, которые не ходатайствовали о признании своих браков, по российским законам обрекали своих потомков на положение бастардов, незаконнорожденных (поскольку брак члена Императорской Фамилии, заключенный без дозволения главы Императорского Дома, в соответствии со ст. 183 «Учреждения об Императорской Фамилии», «*законным не признается*») [36, с. 187-189; 41, с. 183]. Увы, и такие лица имеются среди потомков Романовых.

Как известно, в эмиграции из прямых представителей Дома Романовых только Великие княжны Мария и Кира Кирилловны, их брат Великий князь Владимир Кириллович и его дочь Великая княжна (ныне Великая княгиня) Мария Владимировна заключили династические браки [20; 46].

Из всех ныне здравствующих прямых потомков Романовых юридически статус членов династии сохраняют только нынешняя Глава Императорского Дома Великая княгиня Мария Владимировна (род. 23.12.1953) и ее сын (от династического брака с принцем Францем Вильгельмом, в православии Михаилом Павловичем Прусским), наследник цесаревич и Великий князь Георгий Михайлович (род. 13.03.1981), которому, по Закону о престолонаследии, и предстоит впоследствии возглавить и продолжить Дом Романовых. И сейчас именно они, как особо отметил в своем пастырском слове Святейший Патриарх Кирилл, достойно представляют эту историческую российскую династию в год ее 400-летия.

Примечания:

1. Архив Российского Императорского Дома (Мадрид).
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 601 (Император Николай II). Оп. 1. Д. 2143.
3. Российский государственный исторический архив.
4. Письмо Н.Р. Романова, Рим, 20.11.1992 г. (архив автора).
5. Александр Михайлович, Вел. кн. Воспоминания. Две книги в одном томе. М., 1999.
6. Владимир Кириллович, Вел. кн., Леонида Георгиевна, Вел. кн. Россия в нашем сердце. СПб., 1995.
7. Гавриил Константинович, Вел. кн. В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. СПб., 1993.
8. Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. 1917–1941. Воспоминания. СПб., 2004.
9. Гребельский П.Х. Герцоги Лейхтенбергские и князья Романовские герцоги Лейхтенбергские // Дворянские роды Российской империи / Под ред. С.В. Думина. Т. 2. Князья. СПб. 1995. С. 13-16.
10. Гребельский П., Мирвис А. Дом Романовых: биографические сведения о членах царствовавшего дома, их предках и родственниках. Изд. 2-е, дополненное и переработанное. СПб., 1992.
11. Гребельский П. Дом Романовых и Россия. Лос-Анжелес, 2001.

12. Гребельский П.Х. Князья Палей // *Дворянские роды Российской империи* / Под ред. С.В. Думина. Т. 2. Князья. СПб., 1995. С. 21-22.
13. Гребельский П.Х., Думин С.В. Князья Юсуповы и князья Юсуповы графы Сумароковы-Эльстон // *Дворянские роды Российской империи*. Т. 3. Князья / Под ред. С.В. Думина. С. 112-115.
14. Гребельский П.Х., Думин С.В. Светлейшая княгиня Лович // *Дворянские роды Российской империи* / Под ред. С.В. Думина. Т. 2. Князья. СПб., 1995. С. 17.
15. Думин С.В. Багратионы и другие. Предки вдовствующей Великой княгини Леониды Георгиевны // *Родина*. 1993. № 5-6. С. 28-31.
16. Думин С.В. Большой герб Ее Императорского Высочества Государыни Великой Княгини Леониды Георгиевны // *Гербовед*. 1998. № 3 (29). С. 39-45.
17. Думин С.В. Второй Грузинский (Мухранский) Царский Дом / *Дворянские роды Российской империи*. Т. 3. Князья / Под ред. С.В. Думина. М., 1996. С. 53-64.
18. Думин С.В. Герцоги Мекленбург-Стрелицкие, графы Карловы и герцоги Мекленбургские, графы Карловы // *Дворянские роды Российской империи* / Под ред. С.В. Думина. Т. 3. Князья. М., 1996. С. 13-15.
19. Думин С.В. «Дабы наследник назначен был законом самим...» // *История Государства Российского: Свидетельства. Источники. Мнения*. XIX в. Книга первая / Сост. Г.Е. Миронов. М., 2001. С. 73-93
20. Думин С.В. Дом Романовых после 1917 г. (семейные связи) // *Россия и зарубежье: генеалогические связи*. I междунар. генеалогический коллоквиум. Тезисы. Москва, 29.11–04.12.1999. [Ч. 1 (русск.)]. С. 21-25; *Les Romanoff et leurs mariages après le 1917* // Там же. Ч. 2 (иностран.). С. 11-15.
21. Думин С.В. История Романовых продолжается. Еще раз о проблеме престолонаследия в современной России // *Независимая газета*. 13.05.1997. С. 5.
22. Думин С.В. Королевский Дом Обеих Сицилий и его ордена // *Гербовед*. 2002. № 5 (59). С. 101-116.
23. Думин С.В. Морганатическое потомство Великой княгини Ольги Александровны (семья дворян Куликовских) // *Дворянский вестник*. 1998. № 8. С. 5.
24. Думин С.В. Право на престол // *Родина*. 1993. № 1. С. 38-43.
25. Думин С.В. Романовы // *Русская генеалогия. Вспомогательные исторические дисциплины*. Энциклопедия. М., 1999. С. 142-161.
26. Думин С.В. Романовы: династические союзы на земле и на небесах // *Royals*. 2013. № 10. С. 26-39.
27. Думин С.В. Романовы. Императорский Дом в изгнании. Семейная хроника. М., 1998.
28. Думин С.В. Российский Императорский Дом и Закон о престолонаследии // *Гербовед*. 2002. № 5 (59). С. 65-91.
29. Думин С.В. Светлейшие князья Юрьевские // *Дворянские роды Российской империи* / Под ред. С.В. Думина. Т. 2. Князья. СПб., 1995. С. 22-23.
30. Думин С.В. Царевичи и князья Сибирские, царевичи Касимовские // Там же. Т. 3. Князья. М., 1996. С. 103-104.
31. Думин С.В., Чиковани Ю.К., кн. Дадиани (из дома Чиковани, они же Дадиан). Светлейшие князья Мингрельские и Дадиан-Мингрельские // Там же. Т. 4. Князья Царства Грузинского / Под ред. С.В. Думина. М., 1998. С. 51-70.
32. Закатов А.Н. Архивы Российского Императорского Дома. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.
33. Иоанн (Максимович), архиепископ Шанхайский. Происхождение Закона о престолонаследии в России. Подольск, 1994.
34. Кирилл Владимирович, вел. кн. Моя жизнь на службе России. СПб., 1996.
35. Корево Н.Н., сенатор. Императорский Всероссийский Престол. Наследование престола по Основным Государственным законам. Париж, 1922.
36. Наследование Российского Императорского Престола / Под ред. А.Н. Закатова. М., 1998.
37. Наследование Российского Императорского Престола / Под ред. Высокопреосвященнейшего Антония, архиепископа Лос-Анджелесского и Южно-Калифорнийского. Bridgport, 1985.
38. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. ПСЗ. Т. XXIV. № 17910.
39. Сборник Высочайших актов и исторических материалов. Ко дню годовщины издания Его Императорским Величеством Государем Императором Кириллом I Манифеста 31 августа 1924 г. София, 1925.
40. Сборник обращений Главы Династии Великого Князя Владимира Кирилловича / Сост. А. Волков. Нью-Йорк, 1971.
41. Свод Законов Российской империи. Т. 1. Часть 1. Свод Основных Государственных Законов. СПб., 1906.
42. Триста лет царствующему дому Романовых // Под ред. И.Н. Божерянова. СПб., 1912.
43. *Almanach de St.-Petersbourg. Cour, monde et ville*. 1913/14. Leipzig–St.-Petersbourg, 1913.
44. *De Badts de Cugnac Ch., Coutant de Saisseval G. Le petit Gotha*. Paris, 1993.

45. Ferrand J. Il est toujours des Romanov! (les Romanov en 1995). Paris, 1995
46. Haus Russland (Haus Romanow-Holstein-Hotorp). // Genealogisches Handbuch des Adels. Fürstliche Häuser. Glucksburg, 1953. Bd.II (abt. I). S. 74-83; Limburg an der Lahn, 1968. Bd. XL (abt. I).
47. Penafiel J., Chaves y Penafiel J. Boda de la gran duquesa Maria di Rusia con el principe Franz Wilhelm de Prusia en Madrid. // !Hola! Nr. 1675. 2.10.1976. P. 1, 51-55.
48. Romanowsky (a d. H. Beauharnais). // Genealogisches Handbuch des Adels. Fürstliche Häuser. Bd.II. Glucksburg, 1953 (abt. III). S. 431-432.
49. Romanowsky. // Genealogisches Handbuch des Adels. Fürstliche Häuser. Bd.II. Glucksburg, 1953 (abt. III). S. 428-431.
50. Romanowsky-Iljinsky. // Genealogisches Handbuch des Adels. Fürstliche Häuser. Bd.II. Glucksburg, 1953 (abt. III). S. 433.
51. Romanowsky-Iskander. // Genealogisches Handbuch des Adels. Fürstliche Häuser. Bd.II. Glucksburg, 1953 (abt. III). S. 433.
52. Romanowsky-Krassinsky. // Genealogisches Handbuch des Adels. Fürstliche Häuser. Bd.II. Glucksburg, 1953 (abt. III). S. 434.
53. Romanowsky-Kutuzow. // Genealogisches Handbuch des Adels. Fürstliche Häuser. Bd.II. Glucksburg, 1953. S. 434.
54. Thiébaud J.-M. Les Romanov. Paris, 1998.

References:

1. Arkhiv Rossiiskogo Imperatorskogo Doma (Madrid).
2. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. 601 (Imperator Nikolai II). Op. 1. D. 2143.
3. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv.
4. Pis'mo N.R. Romanova, Rim, 20.11.1992 g. (arkhiv avtora).
5. Aleksandr Mikhailovich, Vel. kn. Vospominaniya. Dve knigi v odnom tome. M., 1999.
6. Vladimir Kirillovich, Vel. kn., Leonida Georgievna, Vel. kn. Rossiya v nashem serdtse. SPb., 1995.
7. Gavrili Konstantinovich, Vel. kn. V Mramornom dvortse. Iz khroniki nashei sem'i. SPb., 1993.
8. Graf G.K. Na sluzhbe Imperatorskomu Domu Rossii.1917–1941. Vospominaniya. SPb., 2004.
9. Grebel'skii P.Kh. Gertsogi Leikhtenbergskie i knyaz'ya Romanovskie gertsogi Leikhtenbergskie // Dvoryanskie rody Rossiiskoi imperii / Pod red. S.V. Dumina. T. 2. Knyaz'ya. SPb. 1995. S. 13-16.
10. Grebel'skii P., Mirvis A. Dom Romanovykh: biograficheskie svedeniya o chlenakh tsarstvovavshego doma, ikh predkakh i rodstvennikakh. Izd. 2-e, dopolnennoe i pererabotannoe. SPb., 1992.
11. Grebel'skii P. Dom Romanovykh i Rossiya. Los-Anzheles, 2001.
12. Grebel'skii P.Kh. Knyaz'ya Palei // Dvoryanskie rody Rossiiskoi imperii / Pod red. S.V. Dumina. T. 2. Knyaz'ya. SPb., 1995. S. 21-22.
13. Grebel'skii P.Kh., Dumin S.V. Knyaz'ya Yusupovy i knyaz'ya Yusupovy grafy Sumarokovy-El'ston // Dvoryanskie rody Rossiiskoi imperii. T. 3. Knyaz'ya / Pod red. S.V. Dumina. S. 112-115.
14. Grebel'skii P.Kh., Dumin S.V. Svetleishaya knyaginya Lovich // Dvoryanskie rody Rossiiskoi imperii / Pod red. S.V. Dumina. T. 2. Knyaz'ya. SPb., 1995. S. 17.
15. Dumin S.V. Bagrationy i drugie. Predki vdovstvuyushchei Velikoi knyagini Leonidy Georgievny // Rodina. 1993. № 5-6. S. 28-31.
16. Dumin S.V. Bol'shoi gerb Ee Imperatorskogo Vysochestva Gosudaryni Velikoi Knyagini Leonidy Georgievny // Gerboved. 1998. № 3 (29). S. 39-45.
17. Dumin S.V. Vtoroi Gruzinskii (Mukhranskii) Tsarskii Dom / Dvoryanskie rody Rossiiskoi imperii. T. 3. Knyaz'ya / Pod red. S.V. Dumina. M., 1996. S. 53-64.
18. Dumin S.V. Gertsogi Meklenburg-Strelitskie, grafy Karlovy i gertsogi Meklenburgskie, grafy Karlovy // Dvoryanskie rody Rossiiskoi imperii / Pod red. S.V. Dumina. T. 3. Knyaz'ya. M., 1996. S. 13-15.
19. Dumin S.V. «Daby naslednik naznachen byl zakonom samim... » // Istoriya Gosudarstva Rossiiskogo: Svidetel'stva. Istochniki. Mneniya. XIX v. Kniga pervaya / Sost. G. E. Mironov. M., 2001. S. 73-93
20. Dumin S.V. Dom Romanovykh posle 1917 g. (semeinye svyazi) // Rossiya i zarubezh'e: genealogicheskie svyazi. I mezhdunar. genealogicheskii kollokvium. Tezisy. Moskva, 29.11–04.12.1999. [Ch. 1 (russk.)]. S. 21-25; Les Romanoff et leurs mariages après le 1917 // Tam zhe. Ch. 2 (inostr.). C. 11-15.
21. Dumin S.V. Istoriya Romanovykh prodolzhaetsya. Eshche raz o probleme prestolonaslediya v sovremennoi Rossii // Nezavisimaya gazeta. 13.05.1997. S. 5.
22. Dumin S.V. Korolevskii Dom Obeikh Sitsilii i ego ordena // Gerboved. 2002. № 5 (59). S. 101-116.
23. Dumin S.V. Morganaticheskoe potomstvo Velikoi knyagini Ol'gi Aleksandrovny (sem'ya dvoryan Kulikovskikh) // Dvoryanskii vestnik. 1998. № 8. S. 5.
24. Dumin S.V. Pravo na prestol // Rodina. 1993. № 1. S. 38-43.
25. Dumin S.V. Romanovy // Russkaya genealogiya. Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. Entsiklopediya. M., 1999. S. 142-161.
26. Dumin S.V. Romanovy: dinasticheskie soyuzy na zemle i na nebesakh // Royals. 2013. № 10. S. 26-39.

27. Dumin S.V. Romanovy. Imperatorskii Dom v izgnanii. Semeinaya khronika. M., 1998.
28. Dumin S.V. Rossiiskii Imperatorskii Dom i Zakon o prestolonasledii // Gerboved. 2002. № 5 (59). S. 65-91.
29. Dumin S.V. Svetleishie knyaz'ya Yur'evskie // Dvoryanskie rody Rossiiskoi imperii / Pod red. S.V. Dumina. T. 2. Knyaz'ya. SPb., 1995. S. 22-23.
30. Dumin S.V. Tsarevichi i knyaz'ya Sibirskie, tsarevichi Kasimovskie // Tam zhe. T. 3. Knyaz'ya. M., 1996. S. 103-104.
31. Dumin S.V., Chikovani Yu.K., kn. Dadiani (iz doma Chikovani, oni zhe Dadian). Svetleishie knyaz'ya Mingrel'skie i Dadian-Mingrel'skie // Tam zhe. T. 4. Knyaz'ya Tsarstva Gruzinskogo / Pod red. S.V. Dumina. M., 1998. S. 51-70.
32. Zakatov A.N. Arkhiv Rossiiskogo Imperatorskogo Doma. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 1999.
33. Ioann (Maksimovich), arkhiepiskop Shankhaiskii. Proiskhozhdenie Zakona o prestolonasledii v Rossii. Podol'sk, 1994.
34. Kirill Vladimirovich, Vel. kn. Moya zhizn' na sluzhbe Rossii. SPb., 1996.
35. Korevo N.N., senator. Imperatorskii Vserossiiskii Prestol. Nasledovanie prestola po Osnovnym Gosudarstvennym zakonam. Parizh, 1922.
36. Nasledovanie Rossiiskogo Imperatorskogo Prestola / Pod red. A.N. Zakatova. M., 1998.
37. Nasledovanie Rossiiskogo Imperatorskogo Prestola / Pod red. Vysokopreosvyashchenneishogo Antoniia, arkhiepiskopa Los-Andzhelesskogo i Yuzhno-Kaliforniiskogo. Bridgport, 1985.
38. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. SPb., 1830. PSZ. T. XXIV. № 17910.
39. Sbornik Vysochaishikh aktov i is toricheskikh materialov. Ko dnyu godovshchiny izdaniya Ego Imperatorskim Velichestvom Gosudarem Imperatorom Kirillom I Manifesta 31 avgusta 1924 g. Sofiya, 1925.
40. Sbornik obrashchenii Glavy Dinastii Velikogo Knyazyia Vladimira Kirillovicha / Sost. A. Volkov. N'yu-Iork, 1971.
41. Svod Zakonov Rossiiskoi imperii. T. 1. Chast' 1. Svod Osnovnykh Gosudarstvennykh Zakonov. SPb., 1906.
42. Trista let tsarstvuyushchemu domu Romanovykh // Pod red. I.N. Bozheryanova. SPb., 1912.
43. Almanach de St.-Pétersbourg. Sour, monde et ville. 1913/14. Leipzig–St.-Pétersbourg, 1913.
44. De Badts de Cugnac Ch., Coutant de Saisseval G. Le petit Gotha. Paris, 1993.
45. Ferrand J. Il est toujours des Romanov! (les Romanov en 1995). Paris, 1995
46. Haus Russland (Haus Romanow-Holstein-Hotorp). // Genealogisches Handbuch des Adels. Fürstliche Häuser. Glucksburg, 1953. Bd.II (abt. I). S. 74-83; Limburg an der Lahn, 1968. Bd. XL (abt. I).
47. Penafiel J., Chaves y Penafiel J. Boda de la gran duquesa Maria di Rusia con el principe Franz Wilhelm de Prusia en Madrid. // !Hola! Nr. 1675. 2.10.1976. P. 1, 51-55.
48. Romanowsky (a d. H. Beauharnais). // Genealogisches Handbuch des Adels. Fürstliche Häuser. Bd.II. Glucksburg, 1953 (abt. III). S. 431-432.
49. Romanowsky. // Genealogisches Handbuch des Adels. Fürstliche Häuser. Bd.II. Glucksburg, 1953 (abt. III). S. 428-431.
50. Romanowsky-Iljinsky. // Genealogisches Handbuch des Adels. Fürstliche Häuser. Bd.II. Glucksburg, 1953 (abt. III). S. 433.
51. Romanowsky-Iskander. // Genealogisches Handbuch des Adels. Fürstliche Häuser. Bd.II. Glucksburg, 1953 (abt. III). S. 433.
52. Romanowsky-Krassinsky. // Genealogisches Handbuch des Adels. Fürstliche Häuser. Bd.II. Glucksburg, 1953 (abt. III). S. 434.
53. Romanowsky-Kutuzow. // Genealogisches Handbuch des Adels. Fürstliche Häuser. Bd.II. Glucksburg, 1953. S. 434.
54. Thiébaud J.-M. Les Romanov. Paris, 1998.

УДК 94

Неравные браки в Российском Императорском Доме и совещание Великих князей 1911 года

Станислав Владимирович Думин

Государственный исторический музей, Россия
109012 Москва, Красная пл. 1.
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,
генеральный секретарь Международной генеалогической академии,
президент Российской генеалогической федерации
E-mail: stanislav.dumin@yandex.ru

Аннотация. Отмечая в 2013 г. 400-летие Российского Императорского Дома, важно помнить, что историческая династия не исчезла в 1917 г. и, как и прочие ранее царствовавшие династии, сохраняет свой статус, свое устройство, основанное на «Законе о престолонаследии» и «Учреждении об Императорской Фамилии». Эти документы, в частности, определяют, что к династии принадлежит только потомство Романовых, рожденное от брачных союзов с царствующими или прежде царствовавшими династиями. Все прочие потомки Романовых, происходящие от неравнородных, «морганатических» браков, не принадлежали к российской императорской фамилии и, соответственно, не имели прав на престол. До 1911 г. такие браки были просто запрещены всем членам династии. В популярной литературе, в средствах массовой информации очень часто это обстоятельство не учитывается и в качестве представителей семьи Романовых упоминаются лица, к династии не принадлежащие, хотя и происходящие от русских императоров по мужской или по женской линии. Представители так называемого «Объединения Дома Романовых», потомки Великих князей или князей крови от неравнородных браков, неоднократно ссылались на указ Николая II 1911 г., по которому младшие Романовы, князья и княжны крови, т.е. правнуки и более отдаленные потомки императоров, могли с Высочайшего соизволения заключать и неравнородные браки. Но версия о том, что этот указ якобы сохранял за потомством права членов династии, опровергается обнаруженными нами в ГАРФ материалами совещания Великих князей, созванного по приказу Николая II, и резолюцией императора по итогам совещания, публикуемой в статье. Таким образом, из всех ныне здравствующих потомков Романовых статус членов династии сохраняют только нынешняя Глава Императорского Дома Великая княгиня Мария Владимировна и ее сын (от династического брака) и наследник, цесаревич и Великий князь Георгий Михайлович, которому, по Закону о престолонаследии, и предстоит продолжить Дом Романовых.

Ключевые слова: Романовы; Российский Императорский Дом; Закон о престолонаследии; Великие князья; князья крови; неравнородные браки.

UDC 394.46 + 371.893

School and Children during the Celebrations of the 300th Anniversary of the Romanov Dynasty

Timur A. Magmusov

Naberezhnyye Chelny Institute of Socio-Pedagogical Technologies and Resources, Russian Federation

PhD (History), Assistance Professor

Abstract. The article examines the state celebration during the late imperial era as a political means for implementing instruments of ideological influence into the public consciousness of the urban estates within Russia's population. Through studying the celebrations of the 300th anniversary of the Romanov dynasty held in professional schools of the Kazan educational district, the article identifies the structural foundations of the celebration that depend on its typical ideological undertones. The article also shows a strengthening of the dialogue of the school and the regional society during mass events that contributed to the convergence of their everyday practices.

Keywords: history of everyday life; culture of celebration; education; Romanovs; Russian Empire.

Введение. В последнее время очевидным становится стремление власти найти опору в историческом прошлом многонационального государства, продемонстрировать преемственность этапов его развития, тем самым способствуя легитимизации курса. При этом власть стремится строить общегосударственную идентичность на основе событий, не вызывающих разногласий в обществе, наоборот, являющихся всенародными достижениями. Поэтому весьма актуальным становится рассмотрение опыта празднования крупных исторических дат в Российской Империи как определенной политической технологии в формировании общеимперской идеологии среди широких масс населения и, в первую очередь, среди подрастающего поколения. В России конца XIX – начала XX веков существовала яркая палитра праздников – государственных, «царских», религиозных, профессиональных, семейных. Несомненно, особое место принадлежало тем, которые способствовали укреплению государственной власти. В их числе целая плеяда юбилейных дат, связанных с важными моментами в жизни российского государства: 200-летие Полтавской битвы (1909 г.), 50-летие отмены крепостного права (1911 г.), 100-летие Отечественной войны 1812 года (1912 г.) и 300-летие Дома Романовых (1913 г.).

Материалы и методы. Специфика темы потребовала привлечения довольно разнохарактерного круга источников, основную группу которых составили официальные документы, в первую очередь – годовые отчеты учебных заведений и протоколы заседаний их педагогических советов. Именно эти источники дают основной массив материалов по раскрытию технологии проведения празднования. В основе методологии исследования был использован структурно-синхронный подход. На этой базе стали возможным отображение и анализ сущностных элементов субкультуры учащейся молодежи в пространственно-временном континууме Поволжья. Это предполагает наличие определенного процесса, говорящего об изменениях в структуре повседневных практик школьников, их взаимодействии и взаимопроникновении с обыденными практиками провинциально-столичного социума. Предметом изучения при этом становятся профессиональные учебные заведения Казанского учебного округа (КУО) всех уровней и профилей – начальные (Казанская торговая школа (КТШ), Казанское речное училище (КРУ); средние (Казанское (ККУ) и Саратовское (СКУ) коммерческие училища, Воткинское среднее механико-техническое училище (ВСМТУ), Самарское сельскохозяйственное училище) и высшее (Саратовский университет (СУ)).

Обсуждение проблемы. Повседневная культура и праздничный мир провинциальных городов, и в частности школ, не раз становился предметом специального изучения. Однако исследование организации государственных праздников и участия в них школьников актуализируется лишь в последнее время и то в связи с очередными юбилеями

знаковых событий в истории страны [1]. Изучение же этой проблемы значимо для формирования более полного представления об особенностях детско-школьной субкультуры, а также для исследования проблем культурного диалога школы и власти, школы и местного социума, влияния школьников на культурную жизнь российского общества.

Результаты. Общий характер празднования был определен циркулярами Святейшего Синода и ряда министерств – внутренних дел и народного просвещения. Организация празднования официальных торжеств в губерниях поручалась местным чиновникам, которые со свойственным им формализмом четко следовали определенному регламенту, единому для всей страны. Более того, на заседаниях педагогических советов всех учебных заведений обсуждался вопрос об установлении порядка празднования в школе, включая религиозную сторону праздника и характер ученических развлечений, были созданы комиссии для детальной проработки программ празднеств; постановления советов по этому предмету в обязательном порядке направлялись в вышестоящие инстанции [2]. Однотипность мероприятий и глубокое изучение их сути приводили к повышению качества подготовки и проведения празднований. Структура общественного праздника включала два стретневых компонента, являвшихся его этапами: торжественный и культурно-развлекательный. Первая часть включала в себя праздничное богослужение (иногда еще и крестный ход), военный парад (но только в тех городах, где были воинские гарнизоны), а также официальный обед или ужин [3]. Культурно-развлекательный компонент, строившийся по сословному принципу, состоял из незатейливых развлечений во время народных гуляний, концертов, спектаклей, маскарадов, балов. К этим последним формам досуга, свойственным дворянско-чиновничьей верхушке, постепенно приобщались демократические слои населения (в их числе – учащаяся молодежь) и купечество провинциальных центров и даже крупных уездных городов.

Считаем, что идея проведения государственных праздников в начале XX столетия базировалась на надеждах получить результаты, во многом аналогичные итогам празднований юбилеев писателей Н.В. Гоголя, А.С. Пушкина, 1000-летия кончины Св. Мефодия и др., на основе формируемой среди народных масс базовой культурной привычки. В эпоху традиционного общества в сознании масс царская власть считалась данной от Бога и формально не требовала легитимизации, однако с усилением рационализма и прагматизма в новом индустриализирующемся мире, и даже проникновением культа индивидуализма, с исчезновением метафизических интересов и охлаждением к идеологии, ослаблением религии как механизма воздействия на массы становится понятной необходимость включения новых форм формирования имперско-монархической идентичности. Путем организации государственных праздников власть попыталась использовать сакральность, доминирование имперских и милитаристских мотивов, а также атмосферу разрядки праздника (что сглаживало травмы социальной трансформации) в модернизирующемся обществе, во многом уже потерявшем свою традиционность. Делалось это потому, что материальная репрезентация прошлого в публичной праздничной игре предполагала автоматическое принятие и фиксацию в общественном сознании именно этих ценностей, которые и позиционируются в ритуале как добровольно принимаемые, наделяя их аурой свершившейся легитимизации. Великие исторические даты представляли удобный момент напомнить подданным об успехах монархии, что создавало иллюзию силы и могущества государства. Все это, как и сконструированная идентичность, стимулирование патриотических чувств и переозначенное объяснение прошлого должны были сплотить нацию вокруг трона и укрепить сам институт монархии. Безусловно, государственные праздники начала XX века можно вполне определенно назвать новой для того времени политической технологией, поэтому активное вмешательство государства в организацию праздников вполне естественно.

Характерной чертой дореволюционных школ была редкость культурных мероприятий. Большинство из них праздниками и не являлись, но в силу своей внутренней структуры создавали праздничную атмосферу. Активное привлечение к участию в торжествах школьников было обусловлено характером всенародного празднования. С одной стороны, участие школы и учеников способствовало более организованному, дисциплинированному проведению праздничных мероприятий; в советское время организованные отряды школьников массово заменяют армейские части. С другой стороны, за счет учащейся

молодежи в нашей стране всегда обеспечивалась массовость проводимых мероприятий. В этом контексте интересен факт из отчета СКУ. Помимо того, что юбилей учебное заведение праздновало три дня, «18 февраля состоялся литературно-музыкальный вечер. ... На вечере присутствовало до 500 человек учащихся и почти столько же их родителей и родственников. Учащимся и их родственникам был предложен от училища чай, фрукты и конфеты» [4]. «Постарались» на славу, даже родителей привлекли в полном объеме. Впрочем, коммерческие школы – это феномен дореволюционной российской системы образования [5], здесь тесная связь семьи и школы и активное участие родителей в школьной жизни прослеживались с самого их основания. Не стоит забывать и о том, что любые торжества, праздники и внеклассные мероприятия в учебных заведениях вносили хоть какое-то разнообразие в школьные будни, поэтому и сами ученики принимали в них активное участие. Бесплатное угощение в государственные праздники в школах было традиционным; общий праздничный стол и коллективно-творческое дело по организации детьми праздника «сняло» социальные грани между богатыми и бедными, взрослыми и детьми, усиливая эмоциональный эффект личностного восприятия праздника и его базовой идеи.

Подготовка к празднованию начиналась заблаговременно, с идеологической составляющей. Ученические библиотеки были пополнены художественной и научной литературой по истории династии Романовых, а также проведены чтения для учащихся, на которых они всесторонне ознакомились с ролью царствующей фамилии в истории страны. Чтения представляли собой, как правило, целый курс лекций, проводившийся во внеучебное время (литературно-исторические чтения), путем добавления дополнительных уроков истории или же на уроках истории. Так, в ВСМТУ в основу чтений были положены очерки из истории отдельных царствований по книге «Россия под скипетром Дома Романовых», изданной под редакцией профессора П. Жуковича. В СКУ чтения проводились три дня подряд (14–16 февраля 1913 г.) [6], однако такой ускоренный блочный курс нельзя признать дидактически и воспитательно эффективным. Основная нагрузка по их организации падала, как уже понятно, на преподавателей истории; к составлению и выступлению с докладами привлекались и сами учащиеся. Поскольку чтения были в основном приурочены к памятным датам, то они продолжались и после юбилея – в течение второго полугодия 1912–1913 учебного года. В ВМСТУ чтения должны были иллюстрироваться световыми картинками, но их смогли показать лишь на последнем чтении 17 марта, поскольку Постоянная Комиссия народных чтений, которой они были заказаны, не предоставила их ко времени; тогда же ученикам был роздан семейный портрет царствующей фамилии издания Главного Штаба, который также не доставил их к сроку [7]. Подготовленное Комиссией народных чтений издание «Трехсотлетие Царствования Дома Романовых – краткий исторический очерк 1613–1913 г.» и приложенная к нему коллекция из 52 световых картинок (портреты и события) реализовывалась по весьма доступной цене – менее 20 коп. за картину [8]. Поскольку эти световые картины иллюстрировали наиболее важные события русской истории за последние три века, то они могли служить прекрасным пособием при дальнейшем изучении отечественной истории. Помимо теоретического ознакомления с историей правящей семьи, для учащихся школ КУО летом были организованы экскурсии в Москву [9].

Особенностью этого празднования, в отличие от столетнего юбилея Отечественной войны, стало устройство дополнительных развлечений для детей – еще до официального праздника. Обычно они проходили в форме литературно-музыкальных вечеров отдельно для младших и старших классов (у старшеклассников добавлялись танцы). Так, в ККУ первое отделение включало в себя официальную часть, на которой присутствовали помощник Попечителя КУО, руководители средних школ (в период праздничных дней каждый из них провел «взаимопосещение» большинства городских школ; так, инспектор КТШ – пять учебных заведений [10]), городской Голова и члены Управы.

Высокий уровень проведения подготовительных к празднованию мероприятий показывает их действительно широкий характер и пристальное внимание начальства к их проведению.

Главные торжества проходили 21 февраля, в четверг, и были приурочены ко дню избрания Михаила Федоровича на царство. Первоначально было три варианта даты празднования: вышеуказанная, 14 марта – день принятия Михаилом Федоровичем в Костроме посольства, прибывшего просить его на царство и 11 июля – день венчания его на

царство в Москве [11]. Возможно, установление праздника в феврале, а не в июле (на этой дате настаивали представители духовного ведомства, Минюста и морского Министерства) следует считать ошибочным, поскольку только недавно было отпраздновано столетие Отечественной войны, организаторы праздников устали, а им надо было сразу же готовиться к следующему юбилею. К тому же развлекательная часть мероприятий летом была бы более насыщенной, нежели зимой. С другой стороны, власти старались сделать потребность в проведении государственных праздников более устойчивой, как и сами заложенные в них первоначальные идеи и ценности.

Жизнь светских учебных заведений в дни юбилейных торжеств была насыщенной. Накануне, 20 февраля, во всех домовых церквях учебных заведений (в школах, их не имевших, – в приходских храмах) в присутствии членов педагогических и попечительных советов была совершена панихида по «в Бозе почившим Монархам Дома Романовых» [12]. После панихиды либо прочитывался исторический очерк Дома Романовых, либо законоучителями сказано было соответствующее случаю слово [13].

Утром 21 февраля школьники вместе с членами педсоветов присутствовали на литургии и молебне о здравии ныне благополучно царствующего монарха и всего Царствующего Дома [14]. В Казани ранние литургии были совершены в 6 утра во всех приходских храмах. Вторая литургия совершалась в кафедральном соборе, где соединились крестные ходы из всех церквей, а после общего молебствия они вновь крестным ходом вернулись по своим храмам. Учащиеся-мусульмане Казани присутствовали на молитве, проводившейся на Юнусовской площади в 11 часов (благодарственное молебствие было повторено в пятницу во всех городских мечетях), после которой была зачитана телеграмма Императору с выражением верноподданнических чувств от лица всех казанских мусульман, а затем были розданы три тысячи экземпляров брошюры «Трехсотлетие Дома Романовых» на татарском языке [15]. Бесспорно, акцент был сделан на религиозно-нравственную окраску праздника, очевидно, по-другому быть просто не могло. Официальная общественно-религиозная часть была сильной стороной календарных праздников. Однако к посещению церкви и участию в различных общественно-религиозных мероприятиях людей влекла не только вера, но очень часто и эстетическое чувство, например, желание послушать хоровое пение. Возможность встреч и общения также играла немаловажную роль для горожан. Особенно в таком общении нуждались дети и подростки.

По окончании богослужений проходили парады, в которых принимали участие воспитанники учебных заведений. Военные парады являлись в означенный период одним из любимых развлечений всех слоев общества, что было обусловлено красочностью и чеканностью воинских церемоний и недостатком других зрелищ. Имея эстетический характер, парад реализовывал функцию представительства власти. Он символизировал могущество и власть монархии, выражая победоносность самодержавия, содействовал сплоченности армии с царем и народом, вызывая в участниках и публике патриотические чувства. Там где не было гарнизонов, парадное шествие совершали учащиеся всех учебных заведений – получалось красочное и массовое зрелище. Участие школьников в парадах способствовало формированию корпоративного сознания, развитию ощущения единства и солидарности, чувства братства и гордости.

После парада повсеместно были проведены торжественные акты либо в стенах учебных заведений (в крупных городах, где в школах было много учащихся), либо в общественных зданиях, обладающих обширными помещениями (такая организация была характерна для небольших городов, где акты проводились совместно для учеников всех школ). Кроме учащихся, присутствовали приглашенные почетные лица, родители, педагогический персонал. Программы актов были однотипными и включали, например в Казанской торговой школе, народный гимн, речи инспектора о значении праздника и преподавателя истории, доклады и стихотворения учеников, характеризующие отдельных представителей династии, выступления ученического хора. По аналогичной программе строился и литературно-музыкальный вечер [16]. На актах ученикам раздавались книги исторического содержания. Заложенные в празднике имперско-патриотические мотивы особенно ярко проявились в торжественных речах начальствующих лиц. Так, ректор СУ отмечает: «Чтобы понять вполне значение ... настоящего дня, необходимо ... мысленно ... пережить с нашими предками то ужасное испытание ... Россия в то время переживала самый смутный период ... Земле Русской, казалось, грозила неизбежная гибель, ибо у нее не было законного Главы, вокруг которого объединились бы и сплотились все благородные сыны и

защитники отечества» [17].

Вся инфраструктура официальных праздников, включая деятельность СМИ, была направлена на усиление построения имперской идентичности. Особо пристальное внимание уделялось художественно-декоративной стороне подготовки учебных зданий и помещений как материальным сигналам включения в праздник. На фоне ступающих сумерек разного рода учреждения соревновались в красоте освещения. Школьные здания со стороны фасадов украшались транспарантами, флагами, вензелями и иллюминировались разноцветными фонариками [18]. Творчески подошли и к украшению эстрад, на которых проводились торжественные акты в учебных заведениях. В обязательном порядке в актовые залы помещались портреты и бюсты монархов [19]. В ККУ парадная лестница здания была «убрана зеленью и украшена декорациями на мотивы русских строений XVII века», в коридоре были расставлены щиты с изображением герба бояр Романовых, а в актовом зале зеленью также был убран портрет императора, который с прилегающим к нему углом зала был «заставлен обширным панно с нарисованным на нем видом древнерусского Кремля» [20]. Декорации были исполнены учениками под руководством преподавателей, что усиливало субъективное принятие праздника учениками.

Вечерняя – культурно-развлекательная – часть праздника была более разнообразной и проводилась в двух основных формах: либо как школьный вечер, либо посредством участия школьников в народных гуляниях.

Вечера для детей и подростков устраивались по образцу взрослых. Культурная программа отличалась разнообразием номеров: живые картины, декламация стихотворений на русском, французском и немецком языках, игра на рояле, мелодекламация (художественное чтение под аккомпанемент рояля), танцы, пение соло и дуэтом, хоровое пение. Местами были устроены парадные спектакли. По возможности учащиеся посетили кинематограф, причем в части школ бедные ученики побывали на сеансе за счет учебного заведения.

Для подавляющей массы горожан среди общественных развлечений основное место занимали народные гулянья: на центральных улицах и в скверах (в Казани было определено девять мест гуляний). Вечер завершался праздничной иллюминацией и фейерверком; в Казани в 8 вечера – иллюминация ледяного памятника И. Сусанину на театральной площади и ледяной модели Дома Романовых в Костроме, на университетской площади. С конца первого десятилетия XX в. культурно-развлекательная часть торжеств стала более насыщенной. Были активно задействованы новые формы праздничного досуга – спектакли, кинематограф, народные чтения, что свидетельствовало о постепенном формировании в городах Поволжья городского образа жизни и их буржуазном развитии. В 7 вечера в Казани, в пяти местах (в т.ч. на базе городского женского начального училища), проводились юбилейные чтения с показом туманных картин, в это же время начали показ подвижных картин на трамваях, в 8 часов в городских театрах начались спектакли [21]. Для казанских школьников 17–19 февраля был устроен просмотр юбилейных картин в кинематографе «Эдиссон», а 20–21 февраля – спектакля «Жизнь за Царя» в городском театре (для начальных училищ – утренний спектакль «Дедушка Сусанин» в театре Нового клуба) [22].

Официально-торжественная и развлекательная составляющие праздника объединили коллективный и личный опыт, превратив праздник сначала в момент обобществления, поглощения идеологических элементов, осознания важности единства нации, перейдя затем в релаксацию, что во многом напоминает применение метода кнута-пряника. Формирование праздничной идеи закреплялось в сознании школьников в рамках сразу нескольких социальных институтов (семья, школа, церковь и т.д.) через рациональную (ознакомление с историей праздника, задачами учеников в общественной жизни, организационные формы участия детей в празднике) и иррациональную (позитивное эмоциональное наполнение полученных теоретических знаний) сферы. Перманентная популяризация праздничных ценностей проводилась комплексно как бы в нескольких измерениях: социальном (на общегосударственном, региональном, субгрупповом и семейном уровнях) и территориальном (дом, церковь, школа, площадь).

В привилегированных учебных заведениях Казани – Родионовском институте благородных девиц и военном училище – вечером состоялись парадные балы [23], явившиеся способом приучения их воспитанников к жизни в дворянско-чиновничьей и офицерской среде, что способствовало сплочению чиновничьего общества и преемственности поколений внутри него.

На следующий день, 22 февраля, празднования были продолжены. В ВСМТУ был устроен танцевальный вечер, который проходил в зале, декорированном для празднования юбилея. Во время вечера был повторен показ живых картин, изображавших подвиг И. Сусанина [24]. Продолжение празднований на следующий день объяснялось не только традицией россиян отмечать праздники по несколько дней, но и необходимостью закрепления в эмоциональной сфере ценностно-смысловых акцентов юбилейных торжеств.

Государственный праздник получил свое оформление как совокупность традиционных народных гуляний, культовых действий и военно-политического действия, близкого по форме к параду. Праздничные мероприятия для школьников выполняли компенсаторную функцию, давая возможность получать разгрузку нервного напряжения и скрашивать тяготы учебных будней. Праздник создал недолгое, но насыщенное чувство единения и равенства внутри школьных коллективов и ощущение сопричастности учеников миру взрослых.

Знаменательные даты в истории страны неизменно активизировали благотворительную деятельность всех слоев населения. Подобные явления коснулись и системы образования. Так, педагогический комитет ККУ «принимал участие пожертвованиями в сборе средств на сооружение в г. Костроме памятника в ознаменование» [25] юбилея. Педагогический совет ВСМТУ ходатайствовал перед попечителем округа о присвоении училищу в память о юбилее имени Е.И.В. Наследника Цесаревича Алексея Николаевича [26]. Подобное ходатайство было удовлетворено в отношении Самарского «Алексеевского среднего сельскохозяйственного училища в память 300-летия Дома Романовых» [27]. Традицией было и отправление педагогическими и попечительскими советами через попечителей округов поздравительных телеграмм императору и членам династии «с просьбою повергнуть к стопам Государя Императора чувства верноподданнической любви и преданности, одушевляющей Педагогический совет и учеников училища» [28]. В провинции, где ученики и педагоги не имели возможности лицезреть императора, что создавало бы у них ощущение постоянной, неослабевающей связи с монархом, это способствовало формированию преданности престолу и любви к государю.

В СУ в ознаменование празднования в актовом зале был помещен портрет царя Михаила Федоровича, также была учреждена стипендия его имени на собранные путем добровольной подписки деньги [29]. Властями и общественностью было сделано все, чтобы лежащие в основе праздника ценности были не только продекларированы, но и применены на практике.

Провинциальная общественность стремилась воспользоваться юбилейной датой в целях развития региональной системы образования. Так, на базе ККУ предлагалось учредить высшее учебное заведение – коммерческий институт, дабы «ознаменовать 300-летний юбилей царствования Дома Романовых» [30], и присвоить ему наименование Романовский. Однако эта инициатива не нашла поддержки Министра торговли и промышленности [31].

Выводы. Юбилей династии Романовых был многоплановым событием, включал в себя разнообразные церковные и светские, торжественные и развлекательные мероприятия, подготовка к которым шла долго и тщательно на всероссийском и местном уровнях. Поэтому некоторая многочисленность подобных мероприятий, официальность и строго сложившийся церемониал их проведения отчасти формализировали эти праздники.

Празднование юбилея оказало положительное воздействие на подрастающее поколение, способствовало укреплению религиозных и патриотических чувств, сохранению и передаче исторической памяти от старших поколений к младшим. Безусловно, можно констатировать, что политико-идеологический подтекст празднования, замысливавшийся властями, был достигнут, пусть даже на небольшой промежуток времени. Именно государственные праздники как новый ритуал усиливали социальный порядок в обществе и делали это эффективнее надзирающих органов, презентовали праздничный мир с его ценностями под видом очевидного. При всей сакральности заложенных в них глубинных смыслов, государственные праздники позднеимперского периода носили во многом зрелищно-развлекательный характер, что было ярким примером переходного этапа модернизации общества.

Активное привлечение школьников к организации торжеств, отсутствие ущемлений, их равное, наряду с взрослыми, участие в празднике, возможность воспользоваться благами,

недоступными в повседневности, отступление от ограничительных правил, помимо социализации, повышало самооценку школьников, их общественный статус, несколько разряжало социальное недовольство учащихся, формировало целостную и преемственную городскую культуру. Праздничная культура стала формой реализации культурного диалога школы и провинциального социума на рубеже XIX–XX вв. Совместное участие учеников и учениц в праздничных мероприятиях в условиях их отдельного обучения способствовало половому воспитанию подрастающего поколения. Праздники, сплачивая общество, одновременно снимали барьеры межгрупповой и межличностной коммуникации. Единение в период государственного праздника проецировалось на патриотическое восприятие истории и современности, что имело особое значение для России как коллективистского общества.

Юбилей Дома Романовых стал, по сути, кульминационной точкой имперской истории России. Советская власть ввела собственные государственные праздники, но все же первоначально заимствовала механизмы их проведения из дореволюционного опыта.

Примечания:

1. Магсумов Т.А. Празднование столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. // Вопросы истории. 2012. № 9. С. 137-142; Черкасов А.А. Центр и окраины: культурная жизнь посада Сочи в 1894–1917 гг. (по данным периодической печати) // Известия Сочинского государственного университета. 2009. № 1. С. 179-185.
2. Годовой отчет семиклассного Казанского коммерческого училища ведомства Министерства торговли и промышленности за 1912–1913 учебный год. Казань, 1914. С. 17, 29-30; Архивный отдел администрации г. Воткинска (АОАВ). Ф. 319 а. Д. 7. Лл. 70, 75; Отчет о состоянии и деятельности Казанской четырехклассной торговой школы Казанского общества распространения образования за 1912 и 1913 учебный год: (3-й год существования). Казань, 1914. С. 6.
3. Куприянов А.И. Русский город в первой половине XIX века: Общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М., 1995. С. 120.
4. Отчет коммерческого училища Саратовского купеческого общества за 1912–1913 учебный год (13-й год существования). Саратов, 1913. С. 17.
5. Магсумов Т.А. Школа купцов: Подготовка коммерсанта в провинциальной России начала XX века // Российское предпринимательство. 2007. № 4-1. С. 169-172.
6. Отчет коммерческого училища Саратовского купеческого общества... С. 17.
7. АОАВ. Ф. 319 а. Д. 7. Л. 76.
8. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 588. Оп. 1. Д. 31. Л. 20.
9. Годовой отчет Казанского коммерческого училища ... С. 44.
10. Отчет Казанской четырехклассной торговой школы... С. 16.
11. ГАО. Ф. 588. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.
12. Отчет коммерческого училища Саратовского купеческого общества... С. 17; То же: АОАВ. Ф. 319 а. Д. 7. Л. 75; Годовой отчет Казанского коммерческого училища... С. 30.
13. Отчет коммерческого училища Саратовского купеческого общества... С. 17; Отчет Казанской четырехклассной торговой школы... С. 14.
14. АОАВ. Ф. 319 а. Д. 7. Л. 75.
15. Три века царствования Дома Романовых. Программа юбилейных торжеств в память 300-летия царствования державного Дома Романовых. Казань, 1913. С. 2.
16. Отчет Казанской четырехклассной торговой школы... С. 45-46.
17. День 21 февраля в Императорском Николаевском университете. Саратов, 1913. С. 15-16.
18. Отчет коммерческого училища Саратовского купеческого общества... С. 17.
19. Отчет коммерческого училища Саратовского купеческого общества... С. 17.
20. Годовой отчет Казанского коммерческого училища... С. 31-32.
21. Три века царствования Дома Романовых. С. 3.
22. Три века царствования Дома Романовых. С. 3; Отчет Казанской четырехклассной торговой школы... С. 15-16.
23. Три века царствования Дома Романовых. С. 2-3.
24. АОАВ. Ф. 319 а. Д. 7. Л. 44.
25. Годовой отчет Казанского коммерческого училища... С. 23.
26. АОАВ. Ф. 319 а. Д. 7. Л. 70.

27. Отчет о состоянии и деятельности Алексеевского среднего сельскохозяйственного училища, в память 300-летия Дома Романовых, и хозяйства фермы при нем за 1912–1913 уч. г. / Сост. дир. уч-ща С.Н. Болдырев. Самара, 1914. С. 5.

28. АОАВ. Ф. 319 а. Д. 7. Л. 70.

29. День 21 февраля в Императорском Николаевском университете... С. 16.

30. Годовой отчет Казанского коммерческого училища... С. 103.

31. Годовой отчет Казанского коммерческого училища... С. 131.

References:

1. Magsumov T.A. Prazdnovanie stoletnego yubileya Otechestvennoi voiny 1812 g. // Voprosy istorii. 2012. № 9. S. 137-142; Cherkasov A.A. Tsentr i okrainy: kul'turnaya zhizn' posada Sochi v 1894–1917 gg. (po dannym periodicheskoi pechati) // Izvestiya Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 1. S. 179-185.

2. Godovoi otchet semiklassnogo Kazanskogo kommercheskogo uchilishcha vedomstva Ministerstva trgovli i promyshlennosti za 1912–1913 uchebnyi god. Kazan', 1914. S. 17, 29-30; Arkhivnyi otdel administratsii g. Votkinska (AOAV). F. 319 а. Д. 7. Ll. 70, 75; Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Kazanskoi chetyrekhklassnoi torgovoi shkoly Kazanskogo obshchestva rasprostraneniya obrazovaniya za 1912 i 1913 uchebnyi god: (3-i god sushchestvovaniya). Kazan', 1914. S. 6.

3. Kupriyanov A.I. Russkii gorod v pervoi polovine XIX veka: Obshchestvennyi byt i kul'tura gorozhan Zapadnoi Sibiri. M., 1995. S. 120.

4. Otchet kommercheskogo uchilishcha Saratovskogo kupecheskogo obshchestva za 1912–1913 uchebnyi god (13-i god sushchestvovaniya). Saratov, 1913. S. 17.

5. Magsumov T.A. Shkola kuptsov: Podgotovka kommertsanta v provintsial'noi Rossii nachala XX veka // Rossiiskoe predprinimatel'stvo. 2007. № 4-1. S. 169-172.

6. Otchet kommercheskogo uchilishcha Saratovskogo kupecheskogo obshchestva... S. 17.

7. АОАВ. Ф. 319 а. Д. 7. Л. 76.

8. Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti (GANO). F. 588. Op. 1. D. 31. L. 20.

9. Godovoi otchet Kazanskogo kommercheskogo uchilishcha ... S. 44.

10. Otchet Kazanskoi chetyrekhklassnoi torgovoi shkoly... S. 16.

11. GANO. F. 588. Op. 1. D. 10. L. 3.

12. Otchet kommercheskogo uchilishcha Saratovskogo kupecheskogo obshchestva... S. 17; To zhe: АОАВ. Ф. 319 а. Д. 7. Л. 75; Godovoi otchet Kazanskogo kommercheskogo uchilishcha... S. 30.

13. Otchet kommercheskogo uchilishcha Saratovskogo kupecheskogo obshchestva... S. 17; Otchet Kazanskoi chetyrekhklassnoi torgovoi shkoly... S. 14.

14. АОАВ. Ф. 319 а. Д. 7. Л. 75.

15. Tri veka tsarstvovaniya Doma Romanovykh. Programma yubileinykh torzhestv v pamyat' 300-letiya tsarstvovaniya derzhavnogo Doma Romanovykh. Kazan', 1913. S. 2.

16. Otchet Kazanskoi chetyrekhklassnoi torgovoi shkoly... S. 45-46.

17. Den' 21 fevralya v Imperatorskom Nikolaevskom universitete. Saratov, 1913. S. 15-16.

18. Otchet kommercheskogo uchilishcha Saratovskogo kupecheskogo obshchestva... S. 17.

19. Otchet kommercheskogo uchilishcha Saratovskogo kupecheskogo obshchestva... S. 17.

20. Godovoi otchet Kazanskogo kommercheskogo uchilishcha... S. 31-32.

21. Tri veka tsarstvovaniya Doma Romanovykh. S. 3.

22. Tri veka tsarstvovaniya Doma Romanovykh. S. 3; Otchet Kazanskoi chetyrekhklassnoi torgovoi shkoly... S. 15-16.

23. Tri veka tsarstvovaniya Doma Romanovykh. S. 2-3.

24. АОАВ. Ф. 319 а. Д. 7. Л. 44.

25. Godovoi otchet Kazanskogo kommercheskogo uchilishcha... S. 23.

26. АОАВ. Ф. 319 а. Д. 7. Л. 70.

27. Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Alekseevskogo srednego sel'skokhozyaistvennogo uchilishcha, v pamyat' 300-letiya Doma Romanovykh, i khozyaistva fermy pri nem za 1912–1913 uch. g. / Sost. dir. uch-shcha S.N. Boldyrev. Samara, 1914. S. 5.

28. АОАВ. Ф. 319 а. Д. 7. Л. 70.

29. Den' 21 fevralya v Imperatorskom Nikolaevskom universitete... S. 16.

30. Godovoi otchet Kazanskogo kommercheskogo uchilishcha... S. 103.

31. Godovoi otchet Kazanskogo kommercheskogo uchilishcha... S. 131.

УДК 394.46 + 371.893

Школа и дети в праздновании 300-летия воцарения династии Романовых

Тимур Альбертович Магсумов

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, Россия
Кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. Статья рассматривает позднеимперский государственный праздник как политическую технологию по внедрению инструментов идеологического воздействия на общественное сознание городских слоев населения России. Посредством изучения празднования 300-летия династии Романовых в профессиональных школах Казанского учебного округа выявлены структурные составляющие праздника, зависящие от его типичного идеологического подтекста. Показывается усиление диалога школы и регионального социума при проведении массовых мероприятий, способствовавших сближению их повседневных практик.

Ключевые слова: история повседневности; праздничная культура; образование; Романовы; Российская Империя.

UDC 94

Youth and Patriotic Sentiments during the Reign of Emperor Nicholas II

¹Violetta S. Molchanova

²Aleksandr A. Cherkasov

³Šmigel' Michal

¹ Sochi State University, Russian Federation

PhD student

² Tomsk State University, Russian Federation

Dr. (History), Professor

³ Matej Bel University, Slovakia

Dr. (History), Professor

Abstract. The article examines the manifestation of patriotic sentiments within Russian society after the first Russian Revolution. It pays attention to the creation of the first monarchical organisations in the country's centre and its peripheries, as well as the youth's spontaneous volunteer movement at the beginning of the First World War. The article is based on pre-revolutionary materials and mostly utilises periodical press.

Keywords: Nicholas II; toy army; youth; volunteer movement; monarchists; First World War; patriotism.

Введение. До революции, в современном понимании, патриотизму не обучали. Исторически центральное значение в воспитании молодежи уделялось труду. Так, в первой книге «Вешние всходы», предназначенной для обучения младших школьников, на первой странице отмечалось: «Бог в помощь! Работает пахарь в поле, в поте лица добывает себе хлеб насущный. – Уроди, Господи, хлеб на весь мир!

Трудится учитель в школе, добру да разуму детей учит. – Помогай ему, Боже! Вырастут дети, спасибо учителю скажут.

Учатся дети в школе, по мочи – по силе стараются малыши. – Бог на помощь вам, милые дети! Учитесь, растите – отцу с матерью на радость и всем людям на пользу!

Бог на помощь всякому делу, какое и работнику, и другим людям на пользу. – В хорошем деле Бог помогает.

Трудится пахарь. Трудится учитель. Трудятся дети. – Труд – хорошее дело» [1].

Материалы и методы. Материалами для написания статьи послужили дореволюционные источники и работы: учебная литература и материалы периодической печати. Исследование осуществлялось на основе принципов историзма, системности и хронологического подхода. Принцип историзма дает возможность проследить неразрывную связь между прошлым и настоящим сквозь эволюцию мировоззрения российского общества под влиянием изменяющихся условий.

Результаты. Любовь к отечеству и нравственные нормы черпались из истории государства и догм Русской православной церкви – Закона Божьего. Апробированные столетиями эти составные части надежно дополняли друг друга и, вступая в XX в., Российская империя могла без преувеличения гордиться накопленным опытом. Однако народовольцы, а в последующем революция 1905–1907 гг. стали серьезным испытанием для полинациональной России, которая включала в себя в то время 209 этносов. Формирование нелегальных левых партий в условиях аграрного и рабочего кризисов привело к раздробленности общества, а демократические преобразования, начиная с 17 октября 1905 г., только ее усугубили.

Тем не менее легализация левых привела к тому, что в стране стал формироваться центральный и правый политические блоки, последний из которых был сформирован из традиционалистов (монархистов).

Уже 1 декабря 1905 г. к императору Николаю II впервые явились делегаты правых: монархической партии (В.А. Грингмут), Союза русских людей (князь Щербатов), Союза земледельцев (Н.А. Павлов, Чемодуров и др.). Однако встреча оказалась неудачной, т.к. делегаты в категорической форме просили императора подтвердить неприкосновенность

царской власти, т.е. признать Государственную Думу временной уступкой. Николай II отказался.

Вторая встреча 23 декабря 1905 г. прошла иначе. Депутация Союза русского народа с А.И. Дубровиным и П.Ф. Булацелем во главе состояла в большинстве из рабочих, извозчиков, крестьян. «Мы с нетерпением ждем созыва Государственной Думы, которая дала бы возможность нам, русскому народу, избрать уполномоченных, преданных Тебе, Государь, и Отечеству», – говорил А.И. Дубровин. Император согласился принять знаки Союза для себя и наследника и произнес: «Объединяйтесь, русские люди, я рассчитываю на вас» [2].

Создание правых организаций происходило не только в столицах, но и на окраинах Российской Империи. Так, в январе 1907 г. было создано отделение «Союза русского народа» в Сочи. Спустя год, 20 января 1908 г., сочинское отделение отпраздновало годовщину создания Сочинского «Союза русского народа». Празднование началось с молебна, были спеты «Боже, Царя храни!» и «Многие лета» государю императору. Песни сопровождалась единогласными криками «ура». По предложению присутствующих была отслужена панихида за упокой павших, погибших от рук революционеров.

После богослужения начальник Сочинского округа поздравил всех членов Союза и присутствующую публику с торжественным праздником. Выражена была благодарность и председателю Союза, который в свою очередь поздравил всех собравшихся под троекратные крики «ура». По данным корреспондента газеты, на торжества пришло много народа, особенно женщин. Все после молебна были приглашены на чай [3].

23 апреля 1908 г. газета «Черноморское побережье» сообщила, что Сочинское отделение «Союза русского народа» назначило на 23 апреля освящение знамени – стяга, которого члены союза столь долго ожидали из Москвы. На торжество отдел пригласил ораторов и почетных гостей – делегатов из Санкт-Петербурга, Киева, Одессы и других городов. Как говорят, на освящение знамени прибудет в Сочи преосвященный Дмитрий, епископ Сухумский. Союзники готовятся отпраздновать этот день, насколько возможно торжественно. Предлагают собрание, где выступят ораторы, затем будет устроен праздничный обед [4].

Известно, что к завершению Первой русской революции «Союз русского народа» являлся крупнейшей общественно-политической силой России, и в его рядах состояло более 400 тыс. членов. О масштабности этой организации свидетельствует такой факт: в городе Романовске (Красная Поляна) Сочинского округа в «Союзе русского народа» находилось без исключения все дееспособное мужское население, т.е. в возрасте с 18 лет.

Первая русская революция стала серьезным испытанием для русского патриотизма. Рушились, казалось, вечные русские устои. Оправиться от этого Россия смогла только к 1910 г. Первой ласточкой в этом процессе стало создание в стране потешных полков из молодежи. История этих организаций началась более 200 лет назад с формирования Петром I потешных полков Преображенского и Семеновского в одноименных населенных пунктах Подмосковья. Потешные полки предполагались как школы военного строя.

Эти организации, зародившись в столицах, вскоре охватили часть окраин.

Так, например, в телеграмме от 10 июля 1910 г. отмечалось, что в Петергофе в первые два дня создания потешной роты записалось более 300 мальчиков и что желающие среди юношества учиться военному строю превзошли все ожидания [5].

«Наконец-то, хотя бы одно отрадное известие! – восторженно писал корреспондент газеты «Черноморский край». – После ряда лет национального позора, угнетения духа, отсутствия патриотизма и даже здравого смысла в нашем отечестве опять появились признаки народного энтузиазма.

Признаки былой мощи и силы России. Той России, которая дала воинов Святославу, Владимиру и Дмитрию Донскому.

Той России, которая дала потешные полки Петру I, ставшие очень скоро из потешных грозными и непобедимыми.

Той России, которая дала Суворовских чудо-богатырей и Скобелевские железные батальоны.

Да, народный энтузиазм просыпается!

А в энтузиазме все!» [6].

Потешные. Начальная военная подготовка в дореволюционной России

Корреспондент также выразил надежду, что офицеры, на долю которых выпадет честь руководить русской молодежью, окажутся на высоте. Они сумеют внушить воспитанникам основы воинской доблести, начиная с первого параграфа дисциплинарного устава, в котором отмечалось: «Солдат есть имя общее и знаменитое от первого генерала до последнего рядового», и завершая сознательным отношением к воинскому долгу: «Служить не только за страх, но и за совесть» [7].

Группа потешных во главе с ефрейтором

Школы военного строя, по своей сути, являлись школами гимнастики, и в этом отношении они были весьма далеки от политики и шовинизма. Опыт столиц показывал, что

дети охотно обучались маршировке, военной гимнастике и ружейным приемам, причем в каждом из них развивалось стремление к героизму.

В этом отношении главной целью являлось заинтересовать молодежь, разбудить в ней чувства соревнования и стремления к совершенству.

Корреспондент «Черноморского края» отмечал: «Проводя несколько часов кряду под открытым небом, ребенок развивает свои легкие и приобретает хороший аппетит. Два-три года таких занятий, и хилость, которой отличаются ученики наших школ и гимназий, сделается редким явлением.

Вообще с точки зрения физического воспитания русского юношества можно только приветствовать решение правительства отвести должное место гимнастике.

Эти школы военного строя являются началом большого дела, результаты которого скажутся впоследствии» [8].

«Потешный» и нижний чин лейб-гвардии Семеновского полка, 1911 г.

Николай II всегда принимал участие в смотрах «потешных». Так, 1 сентября 1911 г. смотр был проведен в Киеве [9].

К сожалению, неизвестно, была ли попытка создания потешной роты в Сочи или на территории Черноморской губернии и каковы ее результаты.

Спустя несколько лет, в период Первой мировой войны, патриотическое движение вылилось в добровольческое движение. Мы не планируем в рукописи охватить все проявления добровольчества, произошедшие в годы Первой мировой войны, а обратимся лишь к фактам бегства из дома детей на войну с целью принять участие в противостоянии на добровольных началах.

Как известно, об отношении населения страны к войне можно судить по масштабам добровольческого движения в вооруженных силах. Под добровольцами мы понимаем людей, которые в силу возрастных или иных причин могли уклониться от службы в Действующей армии, но поступили в нее на добровольных началах.

Первые проявления добровольческого движения начали происходить еще в период осложнения дипломатических отношений Сербии с Австро-Венгрией. Так, например, 17 июля 1914 г. среди новороссийской молодежи (Черноморская губерния) была сформирована группа, которая изъявила желание отправиться добровольцами в Сербию на ТВД [10].

На следующий день добровольцами в Сербское посольство в Санкт-Петербурге была подана телеграмма: «Группа лиц, желая вступить в число Сербской армии в войне против Австрии, просит сообщить, когда и куда выехать. По поручению многих – Ахиллес Попандопуло, Новороссийск, Цемесская, 43» [11].

В первый же день вступления в войну России, 1 августа 1914 г., «Новороссийская газета» сообщила: «16-летний Владимир Галдин готовился к поступлению в кадетский корпус и с получением известия о войне оставил занятия и непрерывно просился отпустить его добровольцем на войну. Родители полагают, что Голдин тайно уехал в Действующую армию» [12].

В то же время 10 августа «Новороссийская газета», ссылаясь на провинциальные газеты, сообщила, что уже имеется несколько случаев ходатайств женщин о зачислении их добровольцами в Действующую армию [13].

Совершенно уникальный случай произошел в Петрограде. Так, по сообщению «Черноморской газеты», на Варшавском вокзале внимание жандармского унтер-офицера обратил на себя мальчик лет 14-ти, который на предложенные ему вопросы ответил, что он отправляется добровольцем на войну. Однако при дальнейших расспросах доброволец должен был сделать признание: оказалось, что перед властями была воспитанница ревельской гимназии, дочь фотографа Тетерина. Последняя объяснила, что родители ее не отпускали на войну и она решила бежать, мужской костюм и оружие ей дал знакомый гимназист, раньше выехавший на войну. Тетерина направлена в Ревель к родителям [14].

Волна бегства на фронт не ослабевала и спустя полгода с начала войны. Так, 13 января 1915 г. «Черноморская газета» сообщила, что в Новороссийск этапом доставлено более десятка юных добровольцев-учеников, сбежавших от своих родителей для поступления в Действующую армию. Между прочим, из арестованных добровольцев двое оказались местными гимназистами [15].

Сегодня судить о масштабах бегства детей на фронт довольно сложно, так как такой статистики не велось. Тем не менее подобные случаи фиксировались во всех губерниях Российской Империи десятками и сотнями, а это означает, что в целом по России таких добровольцев могло быть до нескольких тысяч человек.

Очевидно, что мотивы бегства на фронт у гимназистов и школьников были разные. Со всей уверенностью здесь можно говорить о личном мотиве (юношеский максимализм, романтизм). Тем не менее важное значение в мотивации играло и патриотическое влияние, так как совсем недавно пышно и торжественно вся Российская Империя отметила 300-летие Дома Романовых. И очень важным, на наш взгляд, в восприятии детей было то, что на Россию напали и обязанность любого верноподданного от мала до велика было ее защищать.

Заключение. Период Первой русской революции стал потрясением для основ российской государственности, от которого страна отходила благодаря деятельности правых сил. В короткие сроки в стране был организационно оформлен монархический лагерь, который стал самым массовым политическим движением страны. Не без участия правых в 1908 г. предпринимались попытки создания потешных частей из детей школьного возраста. Интересным событием начала Первой мировой войны стало бегство детей (гимназистов и школьников) на фронт, важным мотивом в этом поведении был – патриотический.

Примечания:

1. Вешние всходы. Кн. 1. (изд. и год неизвестны). С. 1; Cherkasov A.A. All-Russian primary education (1894–1917): developmental milestones // Social Evolution & History. 2011. Т. 10. № 2. P. 140-141.
2. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 1992. С. 303.
3. Черноморское побережье (Новороссийск). 1908. 26 янв.
4. Черноморское побережье (Новороссийск). 1908. 23 апр.
5. Черноморский край (Сочи). 1910. 13 июля.
6. Черноморский край (Сочи). 1910. 13 июля.
7. Черноморский край (Сочи). 1910. 13 июля.
8. Черноморский край (Сочи). 1910. 18 июля.
9. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 1992. С. 440.
10. Черноморская газета (Новороссийск). 1914. 19 июля.
11. Черноморская газета (Новороссийск). 1914. 20 июля.
12. Черноморская газета (Новороссийск). 1914. 1 авг.
13. Черноморская газета (Новороссийск). 1914. 10 авг.
14. Черноморская газета (Новороссийск). 1914. 12 нояб.
15. Черноморская газета (Новороссийск). 1915. 13 янв.

References:

1. Veshnie vskhody. Kn. 1. (izd. i god neizvestny). S. 1; Cherkasov A.A. All-Russian primary education (1894–1917): developmental milestones // Social Evolution & History. 2011. T. 10. № 2. P. 140–141.
2. Ol'denburg S.S. Tsarstvovanie imperatora Nikolaya II. M., 1992. S. 303.
3. Chernomorskoe poberezh'e (Novorossiisk). 1908. 26 yanv.
4. Chernomorskoe poberezh'e (Novorossiisk). 1908. 23 apr.
5. Chernomorskii krai (Sochi). 1910. 13 iyulya.
6. Chernomorskii krai (Sochi). 1910. 13 iyulya.
7. Chernomorskii krai (Sochi). 1910. 13 iyulya.
8. Chernomorskii krai (Sochi). 1910. 18 iyulya.
9. Ol'denburg S.S. Tsarstvovanie imperatora Nikolaya II. M., 1992. S. 440.
10. Chernomorskaya gazeta (Novorossiisk). 1914. 19 iyulya.
11. Chernomorskaya gazeta (Novorossiisk). 1914. 20 iyulya.
12. Chernomorskaya gazeta (Novorossiisk). 1914. 1 avg.
13. Chernomorskaya gazeta (Novorossiisk). 1914. 10 avg.
14. Chernomorskaya gazeta (Novorossiisk). 1914. 12 noyab.
15. Chernomorskaya gazeta (Novorossiisk). 1915. 13 yanv.

УДК 94

**Молодежь и патриотические настроения
в период царствования императора Николая II**

¹ Виолетта Сергеевна Молчанова

² Александр Арвелодович Черкасов

³ Михал Шмигель

¹ Сочинский государственный университет, Россия
Аспирант

² Томский государственный университет, Россия
Доктор исторических наук, профессор

³ Университет Матея Белла, Словакия
Доктор исторических наук, профессор

Аннотация. В статье рассматриваются проявления патриотических настроений в российском обществе после Первой русской революции. Уделено внимание созданию первых монархических организаций в центре страны и на окраинах, а также добровольческому порыву молодежи в начальный период Первой мировой войны. Работа выполнена на дореволюционных материалах, в своем большинстве на периодической печати.

Ключевые слова: Николай II; потешные; молодежь; добровольческое движение, монархисты; Первая мировая война; патриотизм.

LETTERS TO THE EDITOR

UDC 94

**«The Palladium of Russia»?
Monarchism as a Discourse of Russian Modernity***

Konstantin D. Bugrov

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin
620002, Sverdlovsk region, Ekaterinburg, pr. Lenina, 51
PhD (History), Researcher
E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Abstract. The article examines the issue of studying Russian monarchism as a dominating force in the discourse of political culture from the 18th to the beginning of the 20th centuries. Being a product of the creative re-thinking of borrowings from Western European and Classical traditions on the Russian soil, monarchism in the Imperial Era acted as a pivotal method to discuss the relevant socio-political issues from the point of view of rational categories. Monarchism between the 18th and the 20th centuries cannot be reduced to an ideology of Russian conservatism or be considered a tradition that is overcome during the process of modernisation – rather, the discourse of monarchism was the essence of Russian modernity.

Keywords: monarchy; structure of government; Russian Empire; modernity; autocracy; N.I. Panin; N.M. Karamzin.

Введение. Когда в современном исследовании речь заходит об истории российской политической мысли и политической культуры, ее часто оценивают сквозь призму дихотомий «государство – общество», «прогресс – реакция»; так называемое «имперское мышление» противопоставляется модернистскому конституционализму, демократизму, экономическому развитию. Обобщая, можно сказать, что в фокусе истории российской общественно-политической мысли находится двойственность – «идеального» и «реального», «прогресса» и «традиции».

Подобная двойственность вынуждает катастрофически недооценивать феномен российского монархизма, расценивая его лишь как идеологию, защищающую специфически российскую государственную «мета-традицию» [1]. У монархизма, таким образом, есть два важнейших параметра: во-первых, он является идеологией [см.: 2, 3, 4], во-вторых, он анализируется сквозь призму дихотомии «идеального» и «реального» и, соответственно, может быть квалифицирован как «реакционный» или «прогрессивный» [5, 6, 7, 8, 9], в зависимости от исповедуемой конкретным историком концепции исторического прогресса.

Однако можем ли мы позволить себе роскошь сегодня оценивать интеллектуальное наследие Российской Империи исключительно сквозь призму дихотомии «консерватизм – прогрессизм», расставляя положительные и отрицательные знаки по своему вкусу? Не упускаем ли мы нечто важное, когда ярлык начинает подменять собой содержание? Доминирующий в российской историографии телеологический нарратив абсолютной монархии, которая в процессе реформ разрушает сама себя, должен быть пересмотрен [10].

Материалы и методы. В методологическом отношении я опираюсь на идеи германского философа П. Вагнера, который отказывается от упрощенного понимания модерности как набора институтов, более или менее успешно адаптированных в реципирующей среде, и считает ключевой характеристикой модерности существование в обществе устойчивых «вопросов» или «направлений зрения», так называемых «проблематик»: «Модерность характеризуется проблематиками (*problématiques*), которые

*Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.A12.31.0004 от 26.06.2013 г.

остаются открытыми, а не специфическими решениями данных проблем» [11]. Решительно отмежевываясь от какого бы то ни было культурного детерминизма, Вагнер считает, что упомянутые проблематики специфичны для каждой эпохи, вместе с тем в рамках эпохи они остаются открытыми. Таким образом, «ответы» на поставленные «вопросы» могут быть весьма разными, и в этом заключается основное, принципиальное свойство модерности и современного общества. Ниже я постараюсь продемонстрировать, что именно монархизм стал объединяющим способом обсуждения для различных «проблематик» в России XVIII – начала XX вв.

Обсуждение. До конца XVII в. Россия в силу ряда причин оставалась изолированной от европейского влияния. В частности, российские элиты не были знакомы с интеллектуальным наследием античности и, соответственно, не рассматривали политические отношения в аристотелианских категориях, категориях форм правления. Интересно, что, таким образом, россияне XVI–XVII в. расценивали российское «государство», то есть властный контроль государя над конкретной территорией и населением как единственную должную форму политической организации, испытывая концептуальные затруднения при столкновении с отклонениями от подобной нормы (европейские республики). Этот взгляд на социально-политическую организацию страны можно называть религиозным монархизмом, ключевой характеристикой которого, на мой взгляд, был отказ от использования компаративных перспектив и обсуждение «государства» в категориях Божественной милости – «веры» и «правды» [12, 13]. К тому же Московское государство XVI–XVII вв. опиралось – в представлениях современников – на собственную религиозную и династическую исключительность, представляя собой одновременно «Новый Израиль» и православный «Третий Рим» под властью государей «Августа кесаря корня» [14].

Так, Иван Грозный в первом послании князю Курбскому писал: «Земля правится божием милосердием, и пречистые богородицы милостию, и всех святых молитвами, и родителей наших благословением, и последи нами, государи своими, а не судьями и воеводами, и еже ипаты и стратиги. И еже воевод своих различными смертями расторгали есмя, а божиею помощию имеем у себя воевод множество и опричь вас, изменников. А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же есмя» [15].

Цитата выглядит как непреходящая классика апологии самодержавного произвола, однако контекстуальный анализ показывает: речь попросту не шла об определении пределов политической власти государя, а, скорее, о том, являются ли действия Ивана Грозного обоснованными в религиозной логике [16]. Признание того, что «земля правится» Божьей милостью и молитвами вовсе не является фигурой речи: в дальнейшей переписке Иван Грозный будет указывать на то, что успехи русского войска в Ливонской войне – следствие божественного промысла, что Господь «животворящим своим крестом низложил Амалика и Максентия» и что «наступающей крестоносной хоругви никакая военная хитрость не нужна». Курбский в своем ответе царю писал, что «не Христовы это кресты, а крест распятого разбойника, который несли перед ним» и, ссылаясь на библейские примеры, заключал, что «скверным и коварным Бог всемогущий и святость его не помогают».

В данной связи можно обратить внимание, например, на анализ причин Смутного времени дяком И. Тимофеевым, который призывал современников: «Поищем у себя и все вместе постараемся, прежде всего, уяснить то, за какие грехи... наказана наша земля; ибо согрешили (все) от головы и до ног, от великих до малых... И если кто захочет (описать) по порядку все злодеяния – как эти, так и те, которые могли разжечь против нее неизменное божие определение, – поставлен будет в затруднение, – какое из них могло раньше других возбудить ярость гнева у судии: от одного ли какого-то неистового греха, как от многоголового змея, могущего своею тяжестью заполнить место всех зол, или от всех зол в совокупности, собранных в одно место, произошло наше наказание?» Назвав в числе грехов «необдуманную дерзость клятвопреступления», «безмерное употребление вина и обжорство», «ненасытное сребролюбие» и «зловонное произношение языком и устами матерных скверных слов», Тимофеев заключал: «Думаю, что все ранее указанные пороки (появились) у нас от (потери) страха божия, от потери сознания своих грехов, оттого что сердце наше окаменело и мы не ожидаем над собой суда <...> И если бы сначала нашим молчанием не делалось уступок ранее помянутому (Борису), то он не уничтожил бы на земле всех благородных и все благословенные семена, малые и великие, без остатка от головы

даже до ноги; и тогда бы злой львенок священно- и монахоругатель Гришка Расстрига, видя общую всем нам слабость и трусость... бессовестно не вскочил бы на престол богом помазанных (царей)» [17].

Грандиозные преобразования Петра I и интенсификация российско-европейского культурного трансфера привели к тому, что – среди прочих европейских инноваций – на российской почве был адаптирован аристотелианский политический язык, классифицировавший формы политической организации в связи с их движущими факторами, целями и задачами [см.: 18]. Так произошел колоссальный сдвиг в понимании характера российской государственности: монархия теперь воспринималась лишь как одна из форм правления, оптимальный характер которой для России был задан определенными социально-политическими факторами, поддающимися рациональному анализу. Благодаря более интенсивному взаимодействию с европейской культурной средой для российской социально-политической мысли стали актуальными аргументы в пользу того, что именно монархия – власть *одного* – является наилучшей формой правления для страны; в эпоху Ивана Грозного подобное обсуждение попросту невозможно себе представить. (Конечно, это не исключало сохранения внимания к религиозной тематике, остававшейся исключительно важной и в императорскую эпоху [19; 20]). Поэтому, говоря далее о монархизме, я подразумеваю именно этот секулярный монархизм, оперирующий в пространстве рациональных аргументов в пользу социальных действий.

Один из создателей монархического языка петровской России, архиепископ Феофан (Прокопович), был прекрасно знаком с глоссарием «форм правления». Так, его «Слово похвальное в день рождества благороднейшего государя царевича и Великого князя Петра Петровича» (1716) было в значительной степени посвящено именно различиям между формами правления. Позднее, уже в 1734 г., в «Слове в день воспоминания коронации Государыни Императрицы Анны Иоанновны», Феофан утверждал, что «многополезно есть Российскому государству владычество самодержавное, прозванное от Философов Еллински монархия и монархия: а прочия правления формы, или образы, то есть многоличное вельможей правительство, нарицаемое Аристократия, или всенародное зовомое Демократия, и другия из них составы, творимыя, были бы у нас не без бедствия». Монархия является наилучшей из возможных форм правления: «Который же вид правительства человеческому жительству полезнейший есть, монархия ли или аристократия, или демократия, или какая другия из оных трех растворенных составы, давное о том у Философов политических прение и немалое несогласие: однакож множайшая часть стоят за монархию» [21, 22]. Феофан четко связывал монархическую форму правления и процветание России в рациональных, причинно-следственных категориях, признавая связь между действиями подданных и действиями монарха в поддержании «общего блага».

Как отмечает американский исследователь П. Бушкович, Феофан вовсе не обосновывал какой-то особенный «абсолютизм» Петра I [23]; он использовал классические монархические доводы. Формировавшийся в императорской России дискурс монархизма вовсе не предполагал речи об извечном доминировании методов жесткого принуждения, о самовластном государстве, о заданных самой культурной средой алгоритмах развития России – и о том, является ли это принуждение, это самовластие, эти алгоритмы *злом*, которое надо преодолеть, или *ценой*, которой страна оплачивает свою независимость.

Напомню классическое мнение Екатерины II о связи между пространством государства и формой правления: «Если бы кто был настолько сумасброден, чтобы сказать: вы говорите мне, что величие и пространство Российской Империи требует, чтобы государь ее был самодержавен; я нимало не забочусь об этом величии и об этом пространстве России, лишь бы каждое частное лицо жило в довольстве; пусть лучше она будет поменее; такому безумцу я бы отвечала: знайте же, что, если ваше правительство преобразится в республику, оно утратит свою силу, а ваши области сделаются добычею первых хищников; не угодно ли с вашими правилами быть жертвою какой-нибудь орды татар и под их игом надеетесь ли жить в довольстве и приятности» [24].

Прежде всего, это мнение напрямую восходит к европейским идеям, более того – со времен Аристотеля и Цицерона подобная аргументация была «общим местом»¹. Что еще

¹ Например, в трактате «De republica» Цицерон приводит классический довод в пользу монархии: «Разве всем твоим домом управляет еще кто-нибудь другой, помимо тебя? Тогда почему ты не соглашаешься на это же в делах государственных — что владычество отдельных лиц, если только они

более важно, Екатерина – в полном соответствии с европейской традицией – фиксировала рациональное обоснование существования российской монархии: изменение формы правления чревато для России иноземным завоеванием.

Это и есть ключевая характеристика секулярного монархизма России XVIII–начала XX вв.: способность найти для монархии рациональное обоснование либо опровержение. Противостоящие друг другу мнения «монархия для России является благом» (доминирующее мнение) и «монархия для России благом не является» (маргинальное на протяжении долгого времени мнение) образуют единый дискурс, в рамках которого возможно было обсуждать и прогнозировать социальные изменения, обосновывать те или иные политические действия, выражать свое отношение к конкретным феноменам общественной жизни. В этой связи в фокусе внимания с петровских времен и до самого 1917 г. оставался важный комплекс вопросов: как лучше организовать власть одного, какие социальные факторы ее поддерживают, как нужно воспитывать государя, какова ее социальная опора и каковы актуальные социальные задачи монархии.

В «Записке о древней и новой России» (1811) Н.М. Карамзин назвал «самодержавие» (т.е. монархию) «палладиумом России» [26]. Это сравнение представляется весьма емким: мифологический палладиум в «Илиаде» – это божественная реликвия, гарантировавшая Трое неприступность. Утратив палладиум, который выкрали ахейские герои Одиссей и Диомед, Троя потеряла неприступность и была взята и разрушена врагами. Палладиум даровал городу защиту, но и сам нуждался в бдительной защите и охране (трояницы, не сумев обеспечить такую охрану и проиграв ахейцам соревнование в доблести и мужестве, потеряли свой город); взгляд Карамзина на монархию, таким образом, предполагавший зависимость монархии от социальных факторов, радикально отличался от упомянутых выше рассуждений Ивана Грозного о том, что Русская земля держится Божьей милостью, а не «ипатами и стратигами».

Так, например, знаменитые рассуждения М.М. Сперанского о деспотическом характере российской монархии и о том, какие реформы надлежит предпринять, чтобы превратить ее в монархию законную [27], – не более, чем один из вариантов осмысления российского монархизма. Известно, что Н.М. Карамзин составил «Записку о древней и новой России» во многом как возражение Сперанскому. Общность дискурса демонстрирует нам сама способность обоих авторов к ведению дискуссии о том, какой должна быть российская монархия, чтобы быть устойчивой и эффективной. И точно так же множество исторических акторов – ярких и не очень, известных широко и практически неизвестных – обсуждали монархию: должна ли она быть воинственной или миролюбивой, является ли крепостное право для монархии благом или злом, какова роль закона в монархии и какие качества должны демонстрировать как сам государь, так и его подданные.

Современный специалист Н. Хеншелл, критикуя концепцию «абсолютизма», обоснованно отмечает: «Монархия абсолютна по определению, в этом... заключена ее сущность. Термин “монархия” означает “правление одного”, а не коллективное управление. И все же монархическая власть реализовывалась в различных стилях властвования» [28].

Так, вопреки господствующему мнению, о «конституции» в России можно говорить с середины XVIII в. – Манифест о вольности дворянской Петра III никогда не был отменен, как и Жалованные грамоты Екатерины II. Возможно, тот феномен общественно-политической мысли, который мы именуем «конституционализмом», может быть интерпретирован принципиально иным образом – как составная часть дискурса монархизма. Акцент вполне может быть сделан не на единстве «ограничительной»

люди справедливые, и есть наилучшее государственное устройство? <...> Ведь пока бояться нечего, можно и своевольничать, например, на корабле, а часто и при легкой болезни. Но подобно тому, как мореплаватель, как только по морю неожиданно начнут ходить волны, а больной, когда его состояние ухудшается, лишь одного человека молит о помощи, так и наш народ в мирное время и у себя дома повелевает и даже магистратам грозит, отказывает им в повинности<...> но во времена войны повинуются им, как повинуются царю; ибо чувство самосохранения сильнее своеволия. А во время более трудных войн наши граждане постановляли, чтобы весь империй был в руках у одного, даже без коллеги, причем уже само название указывает на особенность его власти. Ибо диктатор так называется оттого, что его назначают, но в наших книгах, как ты знаешь, Лелий, его называют главой народа» [25]. Далее Цицерон указывает на то, что предпочитает царскую власть любой другой простой форме правления, а смешанную форму (сочетающую лучшие стороны каждой из простых форм), в свой черед, ставит выше монархии.

традиции, но на вопросе, «как именно должна функционировать монархия»? Задавшись таким вопросом, мы обнаружим, что на самом деле определения «ограниченный» и «неограниченный» вовсе не могут быть использованы как исследовательские категории.

Что, например, дает нам формулировка Основных законов Российской Империи 1892 г., где император охарактеризован как «самодержавный и неограниченный монарх». Что значит «неограниченный»? Один из консервативных юристов рубежа XIX–XX вв., П.Е. Казанский, писал: «Надо совершенно оставить в стороне мысль о том, чтобы власти русских императоров возможно было дать чисто юридическую конструкцию, как, положим, векселю или чеку. Исключительно юридические толкования в области основных вопросов публичного права вряд ли вообще могут дать вполне верное понимание вещей». На взгляд Казанского, «в границах... всенародных понятий Царь полновластен; но его полновластие (единовластие) – Самодержавие – ничего общего не имеет с абсолютизмом западно-кесаревского пошиба. Царь есть “отрицание абсолютизма” именно потому, что он связан пределами народного понимания и мировоззрения, которое служит той рамкой, в пределах коей власть может и должна почитать себя свободной» [29]. Важно, что Казанский (как и множество других консервативно настроенных авторов рубежа XIX–XX вв.) ссылается на народные представления для легитимации полновластия царя; еще один вариант рационального обоснования того, что монархия является для России благом. Итак, сам вопрос о пределах и границах власти монарха в императорской России обладал различными решениями; конституционно-правовой дискурс был лишь одним (хотя и крайне влиятельным) вариантом обсуждения.

Однако обратимся к одной из ключевых фигур «дворянского конституционализма» XVIII в., Н.И. Панину – влиятельному екатерининскому сановнику и воспитателю Великого князя Павла Петровича. Панин, которого очень часто характеризуют как «дворянского конституционалиста», действительно был настроен по отношению к екатерининской монархии весьма критично. Однако ему же принадлежит и такая характеристика власти государя – вполне в духе «Антимакиавелли» Фридриха II: «Верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных. Сию истину тираны знают, а добрые государи чувствуют. Просвещенный ясностию сея истины и великими качествами души одаренный монарх, облекшись в неограниченную власть и стремясь к совершенству поскольку смертному возможно, сам тотчас ощутит, что власть делать зло есть не совершенство и что прямое самовластие тогда только вступает в истинное свое величество, когда само у себя отъемлет возможность к соделанию какого-либо зла» [30]. Используя попеременно язык права и язык морали, Панин доказывал, что без «правил непреложных» монархия уязвима.

Если мы – в соответствии с доминирующей историографической традицией – прочтем текст Панина, обращая внимание лишь на правовые доводы, то обнаружим «конституционалистскую традицию» [31], которую естественно противопоставить мнениям таких консерваторов, как упомянутый выше Казанский. Но если не изучать текст Панина выборочно, если уделить внимание всем его аргументам, то окажется, что позиции «дворянского конституционалиста» XVIII в. и «реакционного монархиста» начала XX в. весьма близки: государь не ограничен в своей власти (ибо «подобен богу»), но ограничен, ибо не может совершать аморальных поступков, не может творить зла. Панин завершает свой текст так, что под ним подписались бы многие и многие из «правых» начала XX в.: «Оставя все тонкие разборы прав политических, спросим себя чистосердечно: кто есть самодержавнейший из всех на свете государей? Душа и сердце возопиют единогласно: тот, кто более любим» [32].

С другой стороны, Империя располагала более или менее когерентным правовым корпусом, который позволял конкретным акторам совершать те или иные концептуальные действия в рамках правового глоссария монархизма: дополнять его, развивать, кодифицировать – наконец, и критиковать. Так, наместник Кавказа А.П. Ермолов в беседе с наместником иранского Азербайджана Аббас-Мирзой отмечал: «Не позволяю себе осуждать персидское правительство, но думаю, что и нашему нельзя отнести в порок то, например, что никто не может лишиться другого чести, ибо законы связуют своеволие каждого, тогда как вы и честь отъемлете, и жизни лишаете по произволу. У нас собственность каждого ограждена и никто коснуться ее не смеет, буде законы не допускают. У вас нет собственности, ибо имущество каждого принадлежит вам, лишь бы на то была воля ваша <...> У нас нельзя тронуть волоса. У вас избавляется один сильный, которого оскорбить опасно. Я не думаю, что неограниченное самовластие могло быть привлекательным, и не

слыхал, чтобы оно было залогом выгод народа» [33]. При этом в частной переписке Ермолов, с одной стороны, критиковал российскую монархию за недостаток свобод, а с другой – находил рациональные основания для сохранения и укрепления законного порядка монархии.

Но обратимся к более радикальным авторам; обратимся к такой важной фигуре русского революционного пантеона, как Н.Г. Чернышевский. Как утверждает крупнейший современный исследователь творчества Чернышевского, В.Ф. Антонов, в Великих реформах 60-х гг. XIX в. Чернышевский находил подтверждение исторически прогрессивной роли абсолютной монархии; более того, Чернышевский считал, что монархия способна повести Россию по пути преобразований из бюрократически-централизованного деспотизма к свободной, самоуправляющейся федерации коммун [34]. Итак, Российская монархия способна (по крайней мере – теоретически) выступать проводником весьма радикальных идей прогресса!

Вспомним другую ключевую фигуру русского революционизма – отца-основателя анархизма М.А. Бакунина. По поводу тех же реформ 60-х гг. XIX в. Бакунин писал в брошюре с характерным названием «Романов, Пугачев или Пестель»: «Теперь с кем, куда и за кем мы пойдем? <...> Скажем правду; мы охотнее всего пошли бы за Романовым, если б Романов мог и хотел превратиться из петербургского императора в царя земского. Мы потому охотно стали бы под его знаменем, что сам народ русский еще его признает, и что сила его создана, готова на дело, и могла бы сделаться непобедимой силой, если б он дал ей только крещение народное»¹. Противопоставляя «народного» царя петербургской централизованно-бюрократической Империи, Бакунин критиковал дурные стороны бюрократического абсолютизма: «Это бесконтрольное право на зло, немощь на добро, – право быть пассивным и далеко не почтенным орудием в руках лакеев придворных, министерских и канцелярских, – право чуждаться России, не знать ее, мутить ее, – право свергнуть ее в кровавую революцию» [35]. Но практически в тех же словах критиковали издержки бюрократизации и мыслители XVIII в., такие, как Н.И. Панин или Г.Р. Державин, и ультраконсерваторы конца XIX в. – например, С.Ф. Шарапов или Л.А. Тихомиров, чья фундаментальная «Монархическая государственность» изобилует ссылками на труды Монтескье...

Заключение. Монархизм – это специфический способ рассуждать о положении дел в России, опирающийся на заимствованный на рубеже XVII–XVIII вв. глоссарий «форм правления», творчески переосмысленный на русской почве. Этот феномен ограничен во времени (от петровской эпохи до падения Империи в 1917 г., прихода к власти большевиков и последующего доминирования марксистского социального языка) и поэтому не является элементом национальной «мета-традиции», единой от Рюрика до Николая II (в построениях некоторых представителей отечественного этатизма – и далее, с включением советских и даже постсоветских руководителей), неким предопределенным культурным кодом. Внутри этого временного периода монархизм не может быть сведен к границам какой-то одной «промонархической» идеологии [36].

Итак, огромное разнообразие возможных коммуникативных действий (весьма сжатый очерк этого разнообразия я постарался привести в настоящей статье) позволяет признавать монархизм – понятый как манера говорить об общественно значимых проблемах – дискурсом, игравшим стержневую роль в русской политической культуре XVIII – начала XX вв. Подчеркну в заключение: взгляд на монархизм как на часть традиции, исторически изжитой (либо, в альтернативной почвеннической трактовке – нуждающейся в возрождении), является чрезмерно легким пониманием, которое лишь затрудняет попытки глубокой исторической реконструкции. После 1917 г. монархический дискурс на русской почве оказался разрушен и теперь, говоря словами Гегеля, мы можем «не омолодить, а лишь понять» его. Но без подобного понимания сегодня невозможно сколько-нибудь плодотворное изучение социальной и культурной истории России.

Примечания:

1. Худушина И.Ф. Царь, Бог, Россия: Самосознание русского дворянства, конец XVIII – первая треть XIX вв. М.: Институт философии РАН, 1995.

¹ Бакунин М. Романов, Пугачев или Пестель // Бакунин М. Избранные сочинения. Т. III. М., 1920.

2. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика // Под ред. В.Я. Гросула. М.: Прогресс-традиция, 2000.
3. Русский консерватизм: проблемы, подходы, мнения. «Круглый стол» // Отечественная история. 2001. № 3. С. 103-133.
4. Репников А. Консервативные концепции переустройства России. М.: Academia, 2007.
5. Raeff M. The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change Through Law in the Germanies and Russia, 1600-1800. NewHaven: YaleUniv. Press, 1983.
6. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. 1-2. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.
7. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.
8. Ясин Е. Приживется ли демократия в России? М.: Новое издательство, 2005.
9. Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры. М.: Новое издательство, 2008.
10. Wagner P. Theorizing Modernity. Inescapability and Attainability in Social Theory. L.: Sage, 2001.
11. Шарф К. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской Империи. М.: РОССПЭН, 2008.
12. Данилевский И.Н., Юрганов А.Л. «Правда» и «вера» русского средневековья // Одиссей: Человек в истории. Культурная история социального. М., 1998.
13. Киселев М.А. Правда и закон во второй половине XVII – первой четверти XVIII века: От монарха-судьи к монарху-законодателю // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
14. Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998.
15. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М.: Наука, 1981.
16. Филюшкин А.И. Андрей Михайлович Курбский: просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007.
17. Временник Ивана Тимофеева. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
18. Monarchisms in the Age of Enlightenment: Liberty, Patriotism, and Common Good. Edited by H. Blom, J.C. Laursen and L. Simonutti. Toronto: University of Toronto Press, 2007.
19. Живов В.М. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б.А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры: в 2 т. М.: Гнозис, 1994. Т. 1.
20. Marker G. Imperial Saint. The Cult of St. Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2011.
21. Феофан Прокопович. Слова и речи поучительныя, похвалныя и поздравительныя. Ч. 3. СПб.: 1765.
22. Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
23. Bushkovitch P. Political Ideology in the Reign of Peter I: FeofanProkopovich, Succession to the Throne and the West // DHI Moskau: Vorträge zum 18. und 19. Jahrhundert. №. 11 (2012).[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.perspectivia.net/content/publikationen/vortraege-moskau/bushkovitch_ideology (дата обращения: 31.10.2013)
24. Екатерина II. О величии России. М.: ЭКСМО, 2003.
25. Марк Туллий Цицерон. Диалоги. М.: Ладомир; Наука, 1994.
26. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991.
27. [Сперанский М.М.] План государственного преобразования графа М.М. Сперанского (Введение к уложению государственных законов 1809 г.) М.: Типо-литография товарищества И.Н. Кушнерев и К. Пимен, 1905.
28. Хеншелл Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб.: Алетейя, 2003.
29. Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора М.: 1999.

30. Фонвизин Д.И. Рассуждение о непременных государственных законах // Фонвизин Д.И. Собрание сочинений в 2 т. М.; Л.: Гос. изд-во худ.лит-ры, 1959. Т. 2. С. 254-267.
31. Галиулина М.В. Конституционализм в России во второй половине XVIII – начале XIX веков. Дис. ... канд. ист. наук. Курган: Курганский гос. ун-т, 2004.
32. Захаров В.Ю. Очерки по истории российского и западноевропейского конституционализма второй половины XVIII – первой четверти XIX в. М.: Моск. гуманитар. ун-т, 2007.
33. Давыдов М.А. Оппозиция Его Величества. Дворянство и реформы в начале XIX века. Gottingen: Max-Planck-Institut für Geschichte, 1994.
34. Антонов В.Ф. Н.Г. Чернышевский. Общественный идеал анархиста. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
35. Бакунин М. Романов, Пугачев или Пестель // Бакунин М. Избранные сочинения. Т. 3. М., 1920.
36. Комова Н.Б. Монархическая власть в консервативных государственно-правовых учениях России XVIII–XX вв. Автореф. ... дис. д-ра юр. наук. Ростов-на-Дону, 2012.

References:

1. Khudushina I.F. Tsar', Bog, Rossiya: Samosoznanie russkogo dvoryanstva, konets XVIII – pervaya tret' XIX vv. M.: Institut filosofii RAN, 1995.
2. Russkii konservatizm XIX stoletiya. Ideologiya i praktika // Pod red. V.Ya. Grosula. M.: Progress-traditsiya, 2000.
3. Russkii konservatizm: problemy, podkhody, mneniya. «Kruglyi stol» // Otechestvennaya istoriya. 2001. № 3. S. 103-133.
4. Repnikov A. Konservativnye kontseptsii pereustroistva Rossii. M.: Academia, 2007.
5. Raeff M. The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change Through Law in the Germanies and Russia, 1600-1800. NewHaven: Yale Univ. Press, 1983.
6. Akhiezer A.S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (sotsiokul'turnaya dinamika Rossii). T. 1-2. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 1998.
7. Mironov B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.). Genezis lichnosti, sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva. T. 2. SPb.: Dmitrii Bulanin, 1999.
8. Yasin E. Prizhivetsya li demokratiya v Rossii? M.: Novoe izdatel'stvo, 2005.
9. Paips R. Russkii konservatizm i ego kritiki: Issledovanie politicheskoi kul'tury. M.: Novoe izdatel'stvo, 2008.
10. Wagner P. Theorizing Modernity. Inescapability and Attainability in Social Theory. L.: Sage, 2001.
11. Sharf K. Monarkhiya, osnovannaya na zakone, vmesto despotii. Transfer i adaptatsiya evropeiskikh idei i evolyutsiya vozzrenii na gosudarstvo v Rossii v epokhu Prosveshcheniya // «Vvodya nrawy i obychai Evropeiskie v Evropeiskom narode»: K probleme adaptatsii zapadnykh idei i praktik v Rossiiskoi Imperii. M.: ROSSPEN, 2008.
12. Danilevskii I.N., Yurganov A.L. «Pravda» i «vera» russkogo srednevekov'ya // Odissei: Chelovek v istorii. Kul'turnaya istoriya sotsial'nogo. M., 1998.
13. Kiselev M.A. Pravda i zakon vo vtoroi polovine XVII – pervoi chetverti XVIII veka: Ot monarkha-sud'i k monarkhu-zakonodatel'yu // «Ponyatiya o Rossii»: K istoricheskoi semantike imperskogo perioda. T. 1. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012.
14. Yurganov A.L. Kategorii russkoi srednevekovoi kul'tury. M.: MIROS, 1998.
15. Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim. M.: Nauka, 1981.
16. Filyushkin A.I. Andrei Mikhailovich Kurbskii: prosopograficheskoe issledovanie i germeneticheskii kommentarii k poslaniyam Andreyu Kurbskogo Ivanu Groznomu. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007.
17. Vremennik Ivana Timofeeva. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1951.
18. Monarchisms in the Age of Enlightenment: Liberty, Patriotism, and Common Good. Edited by H. Blom, J.C. Laursen and L. Simonutti. Toronto: University of Toronto Press, 2007.
19. Zhivov V.M. Tsar' i Bog. Semioticheskie aspekty sakralizatsii monarkha v Rossii // Uspenskii B.A. Izbrannye trudy. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury: v 2 t. M.: Gnozis, 1994. T. 1.
20. Marker G. Imperial Saint. The Cult of St. Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2011.

21. Feofan Prokopovich. Slova i rechi pouchitel'nyya, pokhvalnyya i pozdravitelnyya. Ch. 3. SPb.:1765.
22. Feofan Prokopovich. Sochineniya. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1961.
23. Bushkovitch P. Political Ideology in the Reign of Peter I: Feofan Prokopovich, Succession to the Throne and the West // DHI Moskau: Vorträge zum 18. und 19. Jahrhundert. № 11 (2012).[Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa:: http://www.perspectivia.net/content/publikationen/vortraege-moskau/bushkovitch_ideology (data obrashcheniya: 31.10.2013)
24. Ekaterina II. O velichii Rossii. M.: EKSMO, 2003.
25. Mark Tullii Tsitseron. Dialogi. M.: Ladimir; Nauka, 1994.
26. Karamzin N.M. Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh. M.: Nauka, 1991.
27. [Speranskii M.M.] Plan gosudarstvennogo preobrazovaniya grafa M.M. Speranskogo (Vvedenie k ulozheniyu gosudarstvennykh zakonov 1809 g.) M.: Tipo-litografiya tovarishchestva I.N. Kushnerev i K. Pimen, 1905.
28. Khenshell N.M. if absolyutizma. Peremeny i preemstvennost' v razvitii zapadnoevropeiskoi monarkhii rannego Novogo vremeni. SPb.: Aleteiya, 2003.
29. Kazanskii P.E. Vlast' Vserossiiskogo Imperatora M.: 1999.
30. Fonvizin D.I. Rassuzhdenie o nepremennykh gosudarstvennykh zakonakh // Fonvizin D.I. Sobranie sochinenii v 2 t. M.; L.: Gos. izd-vo khud.lit-ry, 1959. T. 2. S. 254-267.
31. Galiullina M.V. Konstitutsionalizm v Rossii vo vtoroi polovine XVIII – nachale XIX vekov. Dis. ... kand. ist. nauk. Kurgan: Kurganskii gos. un-t, 2004.
32. Zakharov V.Yu. Ocherki po istorii rossiiskogo i zapadnoevropeiskogo konstitutsionalizma vtoroi poloviny XVIII – pervoi chetverti XIX v. M.: Mosk. gumanit. un-t, 2007.
33. Davydov M.A. Oppozitsiya Ego Velichestva. Dvoryanstvo i reformy v nachale XIX veka. Gottingen: Max-Planck-Institut für Geschichte, 1994.
34. Antonov V.F. N.G. Chernyshevskii. Obshchestvennyi ideal anarkhista. M.: Editorial URSS, 2000.
35. Bakunin M. Romanov, Pugachev ili Pestel' // Bakunin M. Izbrannye sochineniya. T. 3. M., 1920.
36. Komova N.B. Monarkhicheskaya vlast' v konservativnykh gosudarstvenno-pravovykh ucheniyakh Rossii XVIII–XX vv. Avtoref. ... dis. d-ra yur. nauk. Rostov-na-Donu, 2012.

УДК 94

**«Палладиум России»?
Монархизм как дискурс российской модерности**

Бугров Константин Дмитриевич

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
620002, Свердловская область, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51
Кандидат исторических наук, научный сотрудник
E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрена проблема изучения российского монархизма как доминирующего дискурса политической культуры XVIII – начала XX вв. Будучи продуктом творческого переосмысления на российской почве заимствований из западноевропейской и античной традиции, монархизм эпохи Империи выступал стержневым способом обсуждения актуальных социально-политических вопросов в рациональных категориях. Монархизм XVIII–XX вв. не сводится к идеологии российского консерватизма и не может считаться традицией, преодолеваемой в процессе модернизации – скорее, дискурс монархизма и был сутью российской модерности.

Ключевые слова: монархия; форма правления; Российская Империя; модерность; самодержавие; Н.И. Панин; Н.М. Карамзин.

UDC 305.0(09)

Conservative Protective Program of Development of the Russian Society during the Reign of Alexander II (1860-1880s)

Maksim N. Krot

Southern Federal University, Russian Federation
PhD (History)
E-mail: makkrot2010@rambler.ru

Abstract. The article is focused on the conservative protective concept of the development of the Russian society during the first post-reform decades (60-80s of the XIX century). The author determines and considers key features of conservative understanding of social progress, such as the priority of spiritual values over material, abandonment of society reforming in accordance with abstract concepts, intention to proceed from the existing social and political realities of the Russian society. Special attention is attached to the disclosure of conservative concept of country modernization within the framework of the estates strata in accordance with the dictates of the times and the model of the correlation of new establishments and institutes with the existing social, economic, cultural and moral principles of the country, offered by the conservatives. The author came to the conclusion that conservative concept of the development of post-reform Russia is the integral element of the country modernization. Its authors and supporters considered that its essence is the addition and balancing of liberal and reform component of this process.

Keywords: conservatism; social thinking; modernization; K.P. Pobedonostsev; M.N. Katkov; V.M. Meshchersky; noble class; autocracy.

Введение. Консервативное направление русской общественной мысли представляло собой интеллектуальную реакцию на происходящие в XIX столетии в России бурные модернизационные процессы. Первостепенной задачей, стоявшей перед отечественными консерваторами, был поиск и обоснование традиционных ценностей, стоявших в основе жизни русского государства и общества. Можно сказать, что консерватизм представлял собой рефлексию непреходящих ценностей российской цивилизации, которые раньше были слиты с жизнью, неосознанны.

Русский консерватизм не являлся монолитным направлением общественной мысли. В нем можно выделить целый ряд направлений, которые различались своим характерным отношением к реальной действительности, специфическими программами преобразований, но, тем не менее, имели схожие представления об общей модели общественного развития России. В рамках данной статьи предполагается рассмотреть концепцию развития русского общества в первые пореформенные десятилетия, предлагаемую представителями крайнего – охранительного – крыла русской консервативной мысли, в котором в наиболее яркой форме проявились специфические черты русского консерватизма.

Материалы и методы. Методологической основой статьи является классическая парадигма исторического исследования с использованием основных общеисторических методов. Для раскрытия свойств и особенностей консервативной программы развития русского общества применялся историко-генетический метод. Помимо этого использовался конкретно-исторический метод, который позволяет «привязать» возникновение тех или иных положений консервативной доктрины к конкретным историческим условиям. Также в статье использовались методы концептуального моделирования и теоретического обобщения.

В качестве источниковой базы работы использовались три группы источников: теоретические труды и публицистика крупнейших идеологов русского консерватизма – К.П. Победоносцева, Л.А. Тихомирова, В.П. Мещерского и других; публикации в крупнейших консервативных периодических изданиях – «Московские ведомости» и «Гражданин»; источники личного характера – мемуары, дневники, письма.

Обсуждение. В дореволюционной либеральной (А. Корнилов, С. Сватиков) и советской историографии (В. Твардовская, В. Зайончковский) русский консерватизм

рассматривался как исключительно реакционно-охранительное явление, выразившее интересы самодержавия и дворянского сословия. В постсоветской исторической науке изучению русского дореволюционного консерватизма стало уделяться значительное внимание, стали заметны элементы апологетики данного направления общественной мысли и его представителей. В нём стали выделяться либерально-консервативное и консервативно-охранительное течения (В. Пустарнаков, А. Нарезный). Современные исследователи (А. Репников, А. Боханов, В. Шелохаев) указывают на наличие в консервативной идеологии инновационного потенциала, особой модели развития страны в пореформенный период, которая оказывала значительное влияние на внутреннюю политику царизма.

Результаты. Консервативно-охранительная концепция развития русского общества в пореформенные десятилетия строилась в соответствии с консервативным пониманием прогресса и наряду с идеями сохранения базовых социально-политических ценностей обладала значительным инновационным ядром.

Консервативный вариант модернизации страны исходил из эмпирической реальности, политической практики и реального уровня политического и духовного развития общества

Русские консерваторы в пореформенные десятилетия выработали несколько вариантов концепции социально – политической модернизации страны в рамках совершенствования сословного строя в соответствии с требованиями времени.

Первостепенной задачей развития пореформенного российского общества консерваторы считали морально-нравственное совершенствование человека, воспитание в нем духа патриотизма и ответственности посредством дополнения либеральных учреждений консервативным компонентом, реорганизации образовательной системы, укрепления роли церкви.

Для правильного понимания концепции общественного развития в воззрениях консерваторов, необходимо остановиться на одном из аспектов консервативного мировоззрения, который во многом составляет основу их идеологии. Суть его заключается в том, что ценности духовного характера признавались определяющей сферой человеческой жизни. Причины всех общественных изменений, социальных конфликтов консерваторами усматривались в нравственной природе, в психологии, морали, как отдельного существа, так и целых общественных групп. Человеческий характер, его духовную составляющую, консерваторы считали основным двигателем мировой истории, и всей реальной жизни [1, С. 329-330]. Исходя из этого постулата, консерваторы отвергали весь либеральный пафос прогресса, как линейно-поступательного движения и непрерывного социального переустройства, заключавшегося в необходимости преобразования существующих государственно-общественных институтов в соответствии с абстрактной программой. Постоянные изменения, называемые «прогрессом», совершаются, по мнению консервативного мыслителя рубежа XIX–XX веков Л.А. Тихомирова, не из-за непригодности существующей системы, а вследствие постоянной «мечты о новом» неудовлетворённых личностей, наивно полагающих, что эти непрерывные преобразования, сопровождающиеся нестабильностью, потрясениями и жертвами, могут создать «совершенный» общественный строй, не понимая, что конфликт лежит в думам [2, С. 200-201]. Именно такое сугубо материалистическое понимание прогресса охранители подвергали резкой критике. К.Н. Леонтьев утверждал, что этот прогресс, неизбежно поверхностный, искусственно формируемый, не только не исправляет отсталости и варварства, но, напротив, вызывает неизбежную инволюцию к варварству, обретающему новые, институционально совершенные, но, возможно, ещё более деспотичные, чем прежде, формы [3, С. 20].

Общественное развитие, строящееся на основе абстрактных теорий, признанных «совершенными и универсальными», по мнению консерваторов, ведёт к размыванию различий между народами, цивилизациями, отдельными людьми, т.е. унификации. Такой ход развития не мог быть воспринят консерваторами, стоящими за «цветущее разнообразие» культурных, политических, нравственных ценностей, и видевших в её развитии и усложнении смысл мировой истории. Таким образом, консервативное «отрицание прогресса» – это лишь отрицание унификации и утилитаризации, которые сопровождают его либерально-буржуазную модель. С этой точки зрения представляется неверным утверждение о полном неприятии консерваторами всего нового. Заявления самих представителей консервативно-охранительной мысли опровергают этот тезис. В частности, Л.А. Тихомиров в своих произведениях неоднократно обрушивается на этот «ложный

консерватизм..., устремляющий все свои мечты на простое сохранение status quo, не смеющий думать о чём-то большем» [4, С. 207]. Отрицание этого «ложного консерватизма» мотивировалось двояко: с одной стороны, консерваторы понимали, что для государства, как и для любого сложного организма состояние стагнации чревато кризисом и деградацией, а с другой стороны, жесткая консервация общественных порядков лишь стимулирует революционное движение.

Главное отличие русских консерваторов второй половины XIX века от их либеральных современников в оценке перспектив общественного развития заключалось в том, что они исходили, в первую очередь, из состояния современности, отдавая предпочтение прагматизму, перед абстрактными схемами. Особое внимание консервативные охранители уделяли формам и темпам преобразований. В первую очередь, они настаивали на том, что любые изменения общественной жизни должны проходить постепенно, в строгой последовательности, без лишней спешки и резких скачков, способных привести к серьёзным социальным потрясениям.

Император Александр III

Другим основным требованием, предъявляемым консерваторами к изменениям было то, что они не должны были никоим образом затрагивать существующую в стране самодержавную власть, которая мыслилась как основа отечественной государственности. Помимо всей ценности самодержавия для России, это было важно еще и потому, что охранители считали самодержавную монархию единственной силой, способной вести страну по пути умеренных преобразований. Подчеркивая именно этот тезис, В.П. Мещерский писал: «Наш внутренний строй должен оставаться неподвижным как основа реформ...Неподвижность этого внутреннего строя была непременным условием плодотворности и прочности переделки внешнего строя» [5, С. 33].

Большое значение консерваторы уделяли и внутреннему содержанию преобразовательного процесса. По их мнению, залогом успешного и устойчивого реформирования был отказ от господства в нем исключительно односторонних либеральных преобразований. Многие представители консервативного лагеря выступали за гармоничное совмещение в правительственной политике либеральных и консервативных мер, уравнивающих друг друга. В 70-е годы такие консервативные деятели, как В.П. Мещерский, М.Н. Катков и другие выступали с призывами прекратить или, по крайней мере, смягчить острую полемику, происходившую между либералами и консерваторами, объединить усилия для создания единой программы развития страны в сложных условиях всесторонней модернизации [6, С. 253]. В.П. Мещерский писал, что «либерализм должен иметь свое место в нашей жизни..., но не менее большое место должен иметь и консерватизм», в задачи которого входит уравнивание либеральных тенденций [7, С. 98]. Только проводимые в рамках данных требований реформы, по мнению консерваторов, могли дать позитивный результат, способствовать эволюционному развитию государства и общества.

В первые пореформенные десятилетия консерваторы стремились выработать концепцию социально – политической модернизации страны в рамках совершенствования сословного строя в соответствии с требованиями времени. Значительная часть дворянских проектов, излагаемых в многочисленных дворянских петициях и адресах 60 – 70-х годов, носили откровенно реакционный характер, выступая, фактически, за восстановление дореформенных порядков [8, С. 237–238]. Другая часть дворян, настроенных не столь реакционно, в целом принимая реформы, требовала «компенсации» (в том числе, политические) за те многочисленные «ущемления», которые оно претерпело при проведении преобразований 60–70-х годов.

Князь Владимир Петрович Мещерский — русский писатель и публицист

Одним из наиболее крупных дворянских проектов общественного развития в новых условиях было сочинение генерала Р.А. Фадеева «Русское общество в настоящем и будущем» (Чем нам быть?), опубликованное в 1874 году. В своей работе автор выражал не только и не столько свои взгляды, сколько позицию придворной дворянско-аристократической группировки, возглавляемой наследником престола Великим князем Александром Александровичем, крупнейшими представителями которой были шеф жандармов П.А. Шувалов, министр юстиции К.И. Пален, министр просвещения Д.А. Толстой [9, С. 147]. В своем сочинении Р.А. Фадеев настаивает на том, что в новых условиях дворянство должно превратиться в т.н. «культурный слой», то есть «законное средоточие и устой всей умственной силы России» [10, С. 78]. Добиться этого возможно лишь путём сочетания продворянской политики правительства и усваивания самим дворянством новых буржуазных элементов, инноваций, которые нес с собой социально-экономический и культурный прогресс. По мнению автора, этому могло способствовать преобладание представителей этого сословия во всех местных учреждениях. Поместное дворянство, считал Р.А. Фадеев, должно отчасти подменить бюрократию, либо существенно дополнить ее своими кадрами. Во главе волости должен был стать волостной попечитель, он же мировой судья, происхождением обязательно из дворян. Предлагалось увеличить значение губернского предводителя дворянства, который становился «главным хозяином по делам всего губернского земства», а также получал право совещательного голоса в правительственной среде, т.е. участвовал в законодательстве и управлении [11, С. 82]. Таким образом, программа Р.А. Фадеева сводилась к двум основным требованиям – во-первых, создание идеологической платформы, альтернативной западным либерально-социалистическим идеям; во-вторых, усиление роли дворянства в общественной жизни, превращение его в опору власти, проводника государственной идеологии. Данные меры предлагалось проводить в рамках созданных в эпоху реформ институтов. Ни в коем случае не предполагалось уничтожать их, а лишь сделать орудием существующего режима и его опоры – дворянства.

После воцарения Александра III дворянское крыло русского консерватизма еще более активизировалось. Большинство консерваторов рассматривало дворянство в этот период как слой, необходимый для политического и нравственного воспитания русского народа, без которого невозможен общественный прогресс. По мнению М.Н. Каткова, практическая его

значимость, заключается в том, что дворянство является «деятельным органом местного управления и живой связью между государственной администрацией и общественными учреждениями» [12, С. 424].

Наиболее четким и последовательным проектом, направленным на укрепление социально-политических позиций дворянства в пореформенной России стало сочинение А.Д. Пазухина «Современное состояние России и сословный вопрос». В своей работе автор отстаивает один из основополагающих, по его мнению, принципов русской государственности – корпоративность общества, разрушение которого ведёт к маргинализации русского общества [13, С. 35-37]. Здесь же обосновывается необходимость проведения серии преобразований, позволяющих согласовать достижения реформационного десятилетия и традиционные формы взаимодействия различных общественных групп [14, С. 59-60].

Константин Петрович Победоносцев –
 российский государственный деятель, учёный-правовед, писатель,
 переводчик, историк Церкви; действительный тайный советник

Другим ключевым вопросом, поднимаемым в консервативных проектах развития российского общества в 60–80-е годы XIX века, было соотнесение новых учреждений и институтов с реальными социально-экономическими и культурно-нравственными условиями страны. Необходимо подчеркнуть, что никто из консерваторов в своих проектах никогда не говорил о радикальном пересмотре системы, сложившейся годы правления Александра II. Стоит согласиться с В.В. Леонтовичем, который, характеризуя настроения консерваторов в начале 80-х годов, отмечал, что «о возврате к системе Николая I не думали даже те..., кто безо всякой симпатии и даже недоверчиво относился к порядку, созданному реформами. Они хотели бороться против того, что считали вредным в новых институтах, но эту борьбу они намерены были вести в рамках самих этих институтов» [15, С. 333–334]. В.П. Мещерский заявлял, что общественное развитие в пореформенные десятилетия должно проходить «не на почве изменения реформ, а исключительно в той нравственной сфере, где ложный дух исказил благостное значение реформ» [16, С. 33]. Под этим ложным духом консервативный мыслитель понимал тот факт, что стержневой идеологической основой преобразований стал либерализм, а необходимая консервативная составляющая отсутствовала. Разработку и внедрение в жизнь этой составляющей консерваторы и считали своей задачей. В рамках реализации данной цели, в 80-е годы ими была разработана программа, в целом легшая в основу внутривластного курса царского правительства, направленная с одной стороны на соотнесения новых принципов и институтов с

традиционной социально-политической системой России, а с другой – на противодействие откровенно реакционным, контрреформационным тенденциям, стремившимся к слому системы социальных отношений, сложившихся в результате Великих реформ.

Первостепенное значение консервативные охранители придавали духовному, морально-нравственному развитию общества. Такие консервативные мыслители, как К.П. Победоносцев, М.Н. Катков, Л.А. Тихомиров и другие задачу общественного развития видели в создании государством таких условий, в которых было бы возможно успешное духовное и гражданское совершенствование человеческой личности. Именно воспитание людей, которые должны стать опорой государственного порядка, способных дать отпор проникавшим в страну вредным, разрушительным тенденциям, объявлялось консерваторами делом первостепенной важности. Достигнуть этой цели исключительно административными мерами, по мнению консерваторов, было невозможно. Главными рычагами для исправления данной ситуации консерваторы считали образовательную сферу и церковь. Они указывали на то, что образование, формируя личность, в то же время не должно способствовать разрушению социальной структуры общества. К.П. Победоносцев в письмах к Александру III неоднократно указывал на то, что, порождая «фальшивую тягу кверху», образовательная система физически и морально отрывает людей от своей общественной группы, тем самым, пополняя ряды маргиналов и нигилистов [17, С. 323]. Обращалось внимание на то, что страна, вступившая в фазу бурной социально-экономической модернизации, испытывает острый недостаток образованных и квалифицированных кадров в различных сферах хозяйства, подготовка которых и должна стать главной задачей образовательной системы. К.П. Победоносцев указывал на то, что людям, которые не могут посвятить себя науке, необходимо давать «нехитрое, но солидное образование», необходимое для практической жизни [18, С. 323]. Люди, получившие такое образование, будут способны к созидательному труду на благо страны, содействуя тем самым ее прогрессу и бесконфликтному развитию. В деле образования и воспитания народных масс решающую роль должна была играть церковь, которая, обладая непререкаемым авторитетом у простого народа, сможет дать ему необходимый для жизни объем знаний, не нарушая привычного жизненного уклада. Особую активность в деле возрождения православной церкви в качестве главного народного образовательного и воспитательного института, как глава Святейшего Синода, проявлял К.П. Победоносцев. Практическим результатом его деятельности стало создание широкой сети церковно-приходских школ, охватившей практически всю страну, что являлось большим шагом в деле народного просвещения.

Заключение. Таким образом, консервативно-охранительная программа развития русского общества в 60–80-е годы XIX века, исходя из собственного понимания сути общественного прогресса, не предполагала сколько-нибудь широких политических преобразований. Тем не менее, консервативная концепция развития пореформенной России являлась неотъемлемым элементом модернизации страны, сущность которого самими её авторами и сторонниками виделась в том, чтобы дополнять и сбалансировать либерально-реформационную составляющую этого процесса, адаптировать его результаты к существующим социальным и политическим реалиям. По их мнению, без консервативного компонента модернизации общественные трансформации неизбежно приобретут неуправляемый, стихийный характер, что может привести к глобальным социально-политическим потрясениям и крушению существующего политического строя. Реализация основных положений консервативной программы рассматривалась её приверженцами как залог эволюционного, естественного и бесконфликтного развития государства и общества.

Примечания:

1. Победоносцев К.П. Дела и дни // Московский сборник. М.: Синодальная типография, 1897. 331 с.
2. Тихомиров Л.А. Борьба века // Русские философы. Антология. М.: Книжная палата, 1994. 424 с.
3. Зубков К.И. Модернизация, либерализм и русская консервативная мысль. // Уральский Исторический Вестник. Екатеринбург, 1995. № 2. С. 15–26.
4. Тихомиров Л.А. Указ. соч.
5. Мещерский В.П. Вперед или назад. // Гражданин. 1872. № 2. с.1

6. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 440 с.
7. Мещерский В.П. Речи консерватора. Т. I. СПб.: Тип. и лит. кн. В. Оболенского, 1876. 445 с.
8. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России 1861 – 1904 гг. М.: Наука, 1979. 304 с.
9. Общественная мысль в России XIX века. Л.: Наука, 1986. 350 с.
10. Фадеев Р.А. Чем нам быть? // Собрание сочинений. Т. III. Ч.1. СПб.: типография В.В.Комарова, 1890. 581 с.
11. Фадеев Р.А. Указ. соч.
12. Катков М.Н. Собрание сочинений. Т. 2. Русский консерватизм. СПб., «Издательство Росток», 2011. 896 с.
13. Пазухин А.Д. Современное состояние России и сословный вопрос. М.: Унив. Тип. (М.Каткова), 1886. 85 с.
14. Пазухин А.Д. Указ. соч.
15. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1914. М.: Русский путь, 1995. 550 с.
16. Мещерский В.П. Указ соч.
17. Письма К.П. Победоносцева к Александру III. Т. I. М.: Новая Москва, 1925. 384 с.
18. Письма К.П. Победоносцева к Александру III. Т. I. М.: Новая Москва, 1925. 384 с.

References:

1. Pobedonostsev K.P. Dela i dni // Moskovskii sbornik. М.: Sinodal'naya tipografiya, 1897. 331 s.
2. Tikhomirov L.A. Bor'ba veka. // Russkie filosofiy. Antologiya. М.: Knizhnaya palata, 1994. 424 s.
3. Zubkov K.I. Modernizatsiya, liberalizm i russkaya konservativnaya mysl'. // Ural'skii Istoricheskii Vestnik. Ekaterinburg, 1995. № 2. S. 15–26.
4. Tikhomirov L.A. Ukaz. soch.
5. Meshcherskii V.P. Vpered ili nazad. // Grazhdanin. 1872. № 2. S.1
6. Russkii konservatizm XIX stoletiya. Ideologiya i praktika. М.: Progress-Traditsiya, 2000. 440 s.
7. Meshcherskii V.P. Rechi konservatora. Т. I. SPb.: Tip. i lit. kn. V. Obolenskogo, 1876. 445 s.
8. Korelin A.P. Dvoryanstvo v poreformennoi Rossii 1861–1904 gg. М.: Nauka, 1979. 304 s.
9. Obshchestvennaya mysl' v Rossii XIX veka. L.: Nauka, 1986. 350 s.
10. Fadeev R.A. Chem nam byt'? // Sobranie sochinenii. Т. III. Ch.1. SPb.: tipografiya V.V.Komarova, 1890. 581 s.
11. Fadeev R.A. Ukaz. soch.
12. Katkov M.N. Sobranie sochinenii. Т. 2. Russkii konservatizm. SPb., «Izdatel'stvo Rostok», 2011. 896 s.
13. Pazukhin A.D. Sovremennoe sostoyanie Rossii i s oslovnyi vopros. М.: Univ. Tip. (M.Katkova), 1886. 85 s.
14. Pazukhin A.D. Ukaz. soch.
15. Leontovich V.V. Istoriya liberalizma v Rossii. 1762-1914. М.: Russkii put', 1995. 550 s.
16. Meshcherskii V.P. Ukaz soch.
17. Pis'ma K.P. Pobedonostseva k Aleksandru III. Т. I. М.: Novaya Moskva, 1925. 384 s.
18. Pis'ma K.P. Pobedonostseva k Aleksandru III. Т. I. М.: Novaya Moskva, 1925. 384 s.

УДК 305.0(09)

**Консервативно-охранительная программа развития русского общества
в период правления Александра II (1860–1880-е гг.)**

Максим Николаевич Крот

Южный федеральный университет, Российская Федерация
кандидат исторических наук, доцент
Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33
E-mail: makkrot2010@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению консервативно-охранительной концепции развития русского общества в первые пореформенные десятилетия (60 – 80-е годы XIX века). Автором выявляются и рассматриваются ключевые особенности консервативного понимания общественного прогресса, такие как приоритет духовных ценностей над материальными, отказ от реформирования общества в соответствии с абстрактными концепциями, стремление исходить из существующих социально-политических реалий российского общества. Значительное внимание уделяется раскрытию консервативной концепции модернизации страны в рамках совершенствования сословного строя в соответствии с требованиями времени, а также предлагаемой консерваторами модели соотнесения новых учреждений и институтов с реальными социально-экономическими и культурно-нравственными условиями страны. Автор приходит к выводу, что консервативная концепция развития пореформенной России являлась неотъемлемым элементом модернизации страны, сущность которого самими её авторами и сторонниками виделась в том, чтобы дополнять и сбалансировать либерально-реформационную составляющую этого процесса.

Ключевые слова: консерватизм; общественная мысль; модернизация; К.П. Победоносцев; М.Н. Катков; В.П. Мещерский; дворянство; самодержавие.

REVIEWS AND SURVEYS

Подведены итоги открытого Международного конкурса на лучшую научную работу студентов, аспирантов и преподавателей (научных сотрудников), посвященный 400-летию Императорского Дома Романовых «**Россия и Романовы**»

В номинации «Преподаватели» следующие результаты:

Представлено 14 работ.

1-е место занял **Сергей Александрович Нефедов**, доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета, Россия.

2-е место занял **Сергей Иванович Дегтярев**, кандидат исторических наук, доцент Сумского государственного университета, Украина.

3-е место занял **Тимур Альбертович Магсумов**, кандидат исторических наук, доцент Набережночелнинского института социально-педагогических технологий и ресурсов, Россия.

В номинации «Аспиранты» конкурс не состоялся ввиду незначительности поданных заявок.

В номинации «Студенты» следующие результаты:

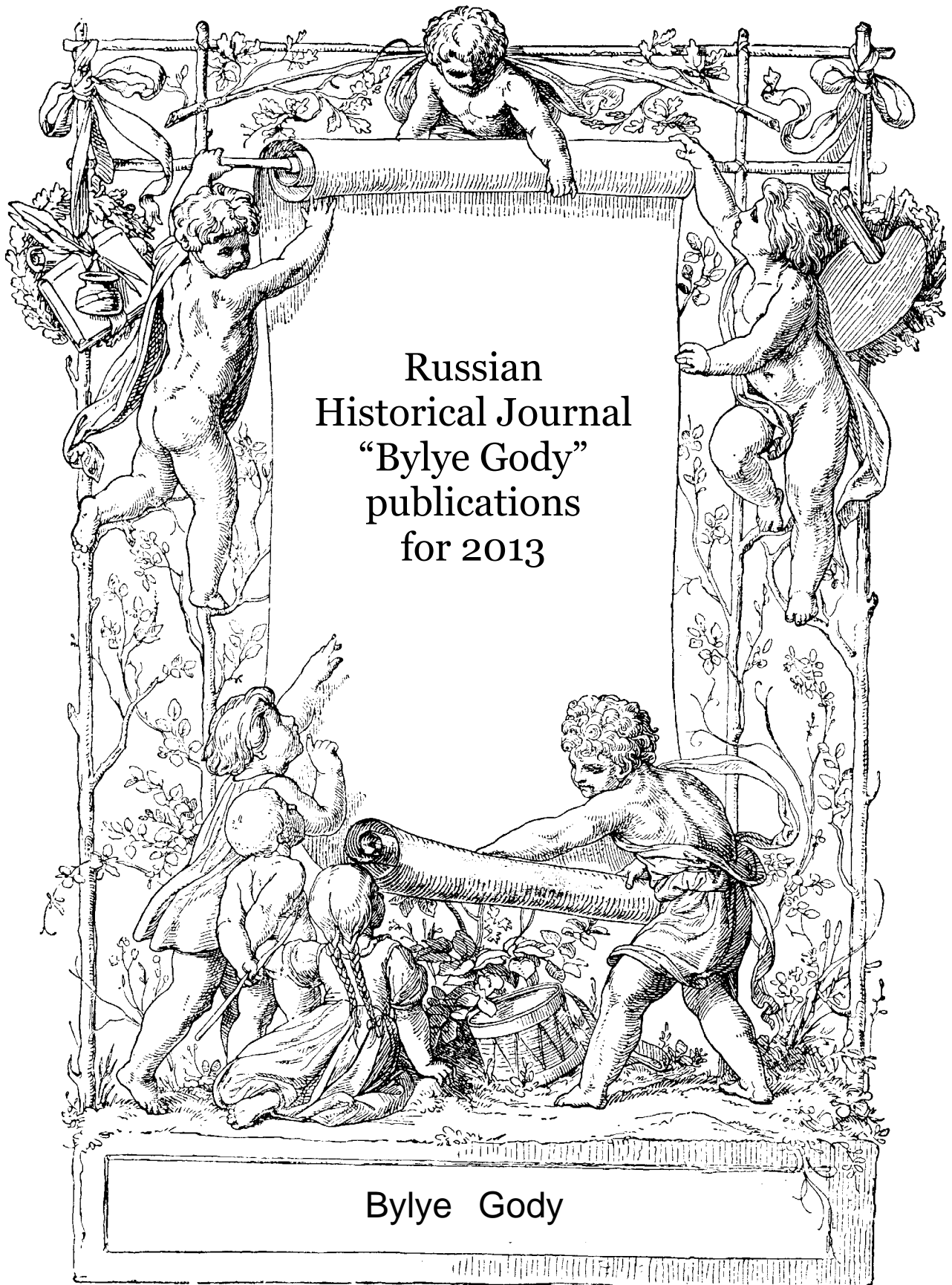
Представлено 9 работ.

1-е место – не присвоено.

2-е место занял **Илья Александрович Ковалев**, студент 3-го курса Кубанского государственного университета.

3-е место занял **Александр Викторович Павлов**, магистрант 1-го курса Санкт-Петербургского государственного университета.

Победителей ждет призовой фонд и дипломы.

Russian
Historical Journal
"Bylye Gody"
publications
for 2013

Bylye Gody

СОДЕРЖАНИЕ

Bylye Gody. 2013. № 27 (1)

RELEVANT TOPIC

By Royal Authority (Investigation Data, Concerning Mines Theft in Fort Navaginsky of the Black Sea Coastal Frontier. 1851)

Cherkasov A.A., Ryabtsev A.A., Menkovsky V.I., Tarakanov V.V., Navrotsky A.V. 5

ARTICLES AND STATEMENTS

Incorporation of Ukrainian Officialdom into Bureaucratic System of the Russian Empire during under the Rule of Catherine II

Dyagterev S.I. 16

Major Sources of the Municipal Budgeting in the Second Half of the XIX Century (Poltava, Kharkov and Chernigov Provinces Case Study)

Nikitin Yu.A. 26

«Monetary Program» of Ancient Greek Olympic Games (History and British Historiography of the XIX – Early XX Centuries)

Gzhibovskaya O.V., Murzanaeva E.N., Migulya N.V. 34

Jadidism – History of Educational and Freethinking Movement in Central Asia, Late XIX – Early XX Centuries

Ismaylov A.I., Bazarbaev K.K. 44

Educational Excursions in Technical Schools of Pre-revolutionary Russia

Magsumov T.A. 52

Living Space and Its Arrangement in Soviet Russia in 1920–1940s (First article)

Khlynina T.P. 61

«...In Accordance with Passport Regulations»: Mass Expulsion

Chernolutskaya E.N. 71

THEORY. METNODOLOGY. SOURCE STUDYA.V. Vereshchagin's Work «Travel Notes on the Black Sea Okrug» as a Historical Source

Ivantsov V.G. 79

PAPERS AND RECORDS

Alexander Pechersky Testifies: an Open Page of Sobibor Death Camp History

Simkin L.S. 92

REVIEWS AND SURVEYS

Peoples of the South of Russia in Patriotic Wars

Krinko E.F., Kurbat T.G. 99

LETTERS TO THE EDITOR

V.F. Kudryavtsev – Associate Member of Ethnographic Department of the Society of Devotees of Natural Science, Anthropology and Ethnography, Affiliated with the Moscow University

Kornilova I.V. 102

Odessa Scientists as the Passengers of «The Philosophy Steamer»

Morozova E.I. 111

Interaction of Academic Community of Siberian Physicists with Authorities in the First Post-war Decade (Tomsk Scientific and Educational Park Case Study)

Sorokin A.N. 120

RECOMMENDED LITERATURE

New history literature 126

Bylye Gody. 2013. № 28 (2)

RELEVANT TOPIC

‘Oppressed and Brainwashed Soviet Subject’ or ‘Prisoners of the Soviet Self’? Recent Conceptions of Soviet Subjectivity Uhl K.	4
--	---

ARTICLES AND STATEMENTS

Historical Variability of Anthropological Models and the Categorical Essence of Human Nature Fedulin A., Bagdasaryan V.	11
Common Law as the Element of the Kabardians’ Standard Culture in the XIXth Century Abazov A.H.	18
Historical Prerequisites of Water Tourism Development in Astrakhan Region Buzyakova I.V., Vidishcheva E.V.	23
Culture of Reading in the Daily Routine of the Southern Russian Peasantry in the 1920s Bagdasaryan S.D.	29
Deviant Behavior of Different Social Groups in the Donbass Region. 1920s Barabash Yu.V.	37
Contemporary Historiography of Social History of Stalinism in Belarus and Russia Menkouski V.	43
The Evolution of Soviet State and Religion Interrelation (1920s – Early 1950s) Zhanbosinova A.	51
The Rear Area in the Great Patriotic War (1941-1945): Red Army Men’s Wives and Families Struggle for Survival in Yaroslavl Fieseler B., Markwick R.	58
The 14 th Waffen-Grenadier-Division of the SS «Galizien Nr. 1» in Slovakia (1944-1945): Battles and Repressions Šmigel’ M., Cherkasov A.	61

Bylye Gody. 2013. № 29 (3)

RELEVANT TOPIC

Vlasovites and Policemen as a Phenomenon in the Great Patriotic War Period Through the eyes of the Workers and Peasants' Red Army Fighters

Cherkasov A., Šmigel' M. 4

ARTICLES AND STATEMENTS

German-Soviet Nonaggression Pact of 1939: Debating Issues

Narezhny A.I., Trut V.P. 10

Jews in Kiev Underground (1941-1943)

Slobodyanyuk N.A. 18

Holidays, Celebrations and Memorable Dates in the Life of Ukraine Population during Nazi Occupation (Military Administration Zone)

Titarenko D.N. 25

Tomsk Committee of Scientists during the Great Patriotic War (1941–1945)

Fominikh S.F., Sorokin A. 32

Open Pages of the Great Patriotic War History in Kazakhstan

Zhanbosinova A.S. 38

Rear for the Frontline: History of Mine Plant in Chekist Poselok (Settlement)

Zinov'ev V.P. 42

Modernization of the Ural Metallurgy during the Great Patriotic War (1941–1945)

Zaparii V.V., Zaparii V.V. 47

Faith and Superstitions in the Frontline and in the Rear in Wartime (1941-1945)

Krinko E.F. 53

Living Space and Its Arrangement in Wartime (The second article)

Khlynina T.P. 62

Soviet Jewish Community Strategies, Concerning Memory Perpetuation (Erection of Memorials to Jews-Fascism Victims Case Study)

Tcherkasski A., Terushkin L. 69

PAPERS AND RECORDS

“These Are Our Legal Trophies...” The System of Parcel Freight Organization from the Red Army in the Field in 1945 on the Basis of Declassified Archive Documents

Senyavskaya E.S. 75

LETTERS TO THE EDITOR

The problem of Lithuanian-Belorussian Orthodox Autocephaly at the Beginning of World War II (1939-1940)

Petrov I.V. 96

The Third Reich and the Cossacks: Relations during the World War II

Ratushnyak O.V. 101

REVIEWS AND SURVEYS

Review of Collection of Documents “Krasnoyarsk Region during the Great Patriotic War. 1941-1945 (On the documents by Archive Agency of Krasnoyarsk Region, 2010. 497 p.)”

Malyutin D.A., Gryaznukhin A.G., Malyutina L.F. 107

Bylye Gody. 2013. № 30 (4)

FROM THE HEAD OF THE RUSSIAN IMPERIAL HOUSE	4
---	---

RELEVANT TOPIC

Rehabilitating Nicholas II Nefedov S.A.	5
---	---

ARTICLES AND STATEMENTS

Monarchy – Form or Principle? Zakatov A.N.	20
--	----

The Problem of the Social Background of Government Officials within the Policies of the Romanovs (18 th Century - First Half of the 19 th Century) Degtyarev S.I.	27
--	----

Reorganising the Local Government at the End of the 18 th and the Beginning of the 19 th Centuries: Comparative Analysis of the Policies of Paul I and Alexander I Tot Ju.V.	36
---	----

Emperor Nicholas II and Tomsk University Fominykh S.F., Sorokin A.N., Nekrylov S.A.	45
---	----

The Romanovs and the Russian Army: the Participation of Nicholas II and Members of the Emperor's family in the Large-scale Manoeuvres of 1902 Korovin V.V.	53
---	----

Unequal Marriages within the Russian Imperial Home and the 1911 Meeting of the Grand Dukes Dumin S.V.	62
--	----

School and Children during the Celebrations of the 300 th Anniversary of the Romanov Dynasty Magmusov T.A.	79
--	----

Youth and Patriotic Sentiments during the Reign of Emperor Nicholas II Molchanova V.S., Cherkasov A.A., Michal Š.	88
---	----

LETTERS TO THE EDITOR

«The Palladium of Russia»? Monarchism as a Discourse of Russian Modernity Bugrov K.D.	94
---	----

Conservative Protective Program of Development of the Russian Society during the Reign of Alexander II (1860-1880s) Krot M.N.	103
--	-----

REVIEWS AND SURVEYS	111
---------------------------	-----

Russian Historical Journal “Bylye Gody” publications for 2013	112
---	-----